LIBRARY OF CONGRESS
00006221282

Н. С. ЛѢСКОВЪ-СТЕБНИЦКІЙ.

СМѢХЪ и ГОРЕ.

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

(разнохарактерные рѣчи изъ пестрыхъ воспоминаній полнаго человѣка)

ПОСВЯЩАЕТСЯ П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Leskov, N. S. (Nikolai Semenovich), 1831-1895.

СМѢХЪ и ГОРЕ

РАЗНОХАРАКТЕРНОЕ POTPOURRI

ИЗЪ ПЕСТРЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ПОЛИНЯВШАГО ЧЕЛОВѢКА.

Посвящается всѣмъ находящимся не на своихъ мѣстахъ и не при своемъ дѣлѣ.

Н. С. Лѣскова

(Стебницкаго.)

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, (Катковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

1871.

PGR 1603
.S6
1871

PG3337
L5S55
1871

89-122677
3-16-89
Ep65

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПЕТРУ КАРЛОВИЧУ

ЩЕБАЛЬСКОМУ.

2 80с. 76

Милостивый Государь,

Петръ Карловичъ!

Ничего не писалъ я съ такимъ большимъ удовольствіемъ какъ настоящее посвященіе Вамъ *Смѣха и Горя*. Незначительный вкладъ, который я дѣлаю въ русскую литературу этимъ неважнымъ сочиненіемъ, конечно не давалъ бы мнѣ права украсить его Вашимъ почтеннымъ именемъ, но по мѣрѣ того какъ очерки, составляющіе эту книгу выходили въ періодическомъ изданіи, Вы оказывали такъ много сочувствія ихъ скромному успѣху, такъ дружески служили мнѣ опытными и всегда полезными совѣтами и указаніями, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выпустить этотъ невеселый *смѣхъ* и это досаждающее *горе* въ сопровожденіи страницы, выражающей мою Вамъ признательность и мое къ Вамъ почтеніе.

Пусть равномѣрно страница эта удержитъ на себѣ и ту тягостную для меня грусть, которую я ощущаю, выпуская это изданіе *Смѣха и Горя*. Какъ

ни странно мнѣ, весьма малоискусному беллетристу жаловаться что мое скромное произведеніе не понято, но однако эта жалоба невольно срывается съ моихъ устъ и я не могу ее не высказать.

Вамъ и многимъ другимъ расположеннымъ ко мнѣ почтеннымъ литературнымъ людямъ, неравнодушно прислушивавшимся къ общественнымъ толкамъ во все время продолженія этихъ очерковъ въ періодическомъ изданіи, извѣстно, что наша публика, нашла въ моихъ очеркахъ много такого, что ее смѣшило и проглядѣла все, что кажется не могло бы ее не огорчать. Говоря короче, въ *Сѣтяхъ и Горѣ* общество замѣтило и удостоило вниманіемъ своимъ одинъ смѣхъ и не усмотрѣло ни какого горя... Это для меня тоже смѣхъ и горе. Но есть еще нѣчто и болѣе грустное: меня прямо укоряютъ въ недобромъ намѣреніи *осмѣять все* и лишь снисходительнѣйшіе изъ укорителей винятъ меня только въ неразборчивости и неосторожности, благодаря которымъ я будто осмѣялъ рядомъ съ явленіями, достойными насмѣшки, явленія серьезнѣйшія и достойныя почтенія. Что я могу сказать на это? Критика у насъ, или безмолвствуетъ или нетерпимая и пристрастная, давно позабывшая свое литературное призваніе и лишь полицейски ограждающая

одни интересы партій часто не стоящихъ никакого огражденія, она давно уже отъучила русскихъ писателей отъ всякой надежды услышать ея безпристрастный голосъ. Она у насъ для писателя не защитникъ, ни совѣтникъ и не другъ, а недругъ. Самому за себя мнѣ отвѣчать нельзя, да и у меня не достало бы и времени опровергать всѣ возраженія, дѣлаемыя мнѣ съ разныхъ сторонъ по поводу *Смѣха и Горя*; остается слѣдовательно желать одного, чтобы новые читатели этой книги прочли ее безъ предвзятыхъ намѣреній видѣть въ моемъ разсказѣ одну только злость, которою я и не обладаю. Если бы я могъ, я бы просилъ ихъ вѣрить, что смѣхъ мой — не смѣхъ злорадства, а смѣхъ скорби, которую кажется легче понять, чѣмъ не понять ее.

Н. Лѣсковъ.

I.

Свѣжій мартовскій вѣтеръ гулко шумѣлъ деревьями большаго Таврическаго сада въ Петербургѣ и быстро гналъ по погожему небу ярко-красныя облака. На дворѣ было около восьми часовъ вечера; сумерки съ каждою минутой надвигались все гуще и гуще, и въ небольшой гостиной опрятнаго домика, выходившаго окнами къ одной изъ оранжерей опустѣлаго Таврическаго дворца, ярко засвѣтилась бѣлая фарфоровая лампа, разливавшая тихій и ровный свѣтъ по уютному покою. Это было въ одномъ дружескомъ семействѣ, куда я, дядя мой Орестъ Марковичъ Ватажковъ и еще двое нашихъ

общихъ знакомыхъ только что вернулись съ вербнаго базара, что стоитъ о Лазаревой субботѣ у Гостинаго двора. Мы всѣ пришли сюда прямо съ этого базара и разговорились о значеніи праздничныхъ сюрпризовъ.

Семейный домъ, въ которомъ мы собрались, былъ изъ числа тѣхъ домовъ гдѣ не спѣшатъ отставать отъ завѣтныхъ обычаевъ. Здѣсь извѣстные праздничные дни отличаются отъ простыхъ дней года всѣми мелочами, какими отличались эти дни у отцовъ и дѣдовъ. Тутъ непремѣно поздній обѣдъ при звѣздѣ наканунѣ Рождества; кутья по Предтечѣ въ Крещенскій сочельникъ; жаворонки дѣтямъ 9 марта, а въ воскресенье предъ Страстною недѣлей вербные подарки. Послѣдніе обыкновенно состояли изъ разныхъ игрушекъ и сюрпризовъ, которые наканунѣ съ вечера закупались на вербномъ базарѣ у Гостинаго дво-

ра, и рано утромъ подвѣшивались на лентахъ подъ пологами дѣтскихъ кроватокъ. Каждый подарокъ украшался вѣткою вербы и крылатымъ херувимомъ... Дѣти были увѣрены, что вербные подарки имъ приноситъ самъ этотъ вербный херувимъ, или, какъ они его называли, „вербный купидонъ“.

Объ этихъ-то подаркахъ и зашла теперь рѣчь: всѣ находили что подарки — прекрасный обычай, который оставляетъ въ дѣтскихъ умахъ самыя теплыя и поэтическія воспоминанія; но дядя мой, Орестъ Марковичъ Ватажковъ, человѣкъ необыкновенно выдержаный и благовоспитанный, вдругъ горячо запротиворѣчилъ и сталъ настаивать, что всѣ сюрпризы вредны и не должны имѣть мѣста при воспитананіи нигдѣ, а тѣмъ паче въ Россіи

— По тому, продолжалъ дядя, — что здѣсь и безъ того что ни шагъ, то сюрпризъ, и притомъ самый скверный; такъ зачѣмъ же

вводить дѣтей въ заблужденіе и пріучать ихъ ждать отъ внезапности чего-нибудь пріятнаго? Я допускаю въ видѣ сюрприза только одно — сѣчь ребенка.

Всѣ переглянулись; кое-кто улыбнулся.

— Это и понятно что Оресту Марковичу непріятно говорить о дѣтяхъ и о дѣтствѣ, сказала хозяйка.—Старые холостяки не любятъ дѣтей.

— Опять долженъ вамъ возражать, отвѣчалъ дядя.—Хотя я уже и дѣйствительно въ такихъ лѣтахъ, что не могу обижаться именемъ стараго холостяка, но тѣмъ не менѣе дѣтей я люблю, а сюрпризы для нихъ считаю вредными, потому что это вселяетъ въ нихъ ложныя надежды и мечтанія. Надо приготовлять дѣтей къ жизни, сообразно ожидающимъ ихъ условіямъ, а такъ какъ жизнь на Руси чаще всего самыхъ лучшихъ людей ни за́ что́ ни про что бьетъ, то въ видѣ сюрприза можно только развѣ бить и

наилучшихъ дѣтей и то преимущественно въ тѣ дни когда они заслуживаютъ особой похвалы.

— Вы чудачествуете, Орестъ Марковичъ?

— Ни мало: вербные купидоны для меня, какъ и для вашихъ дѣтей, еще не перешли въ область прошедшаго, и я говорю о нихъ даже не безъ замиранія сердца.

— Это шутка?

— Нисколько. Что за шутка серіозными вещами.

— Такъ это исторія?

— Даже нѣсколько исторій, если вамъ угодно: лучше сказать это такое же potpourri изъ сюрпризовъ, какъ бываетъ potpourri изъ пѣсенъ.

— И вы можетъ-быть будете такъ любезны что раскажите намъ кое-что изъ вашего potpourri?

— Охотно, отвѣчалъ мой дядя—тѣмъ болѣе что здѣсь и тепло, и свѣтло, и пріят-

но, и добрые снисходительные слушатели, а мое potpourri варьировано на интереснѣйшую тему.

— А именно?

— А именно вотъ на какую: всѣ полагаютъ что на Руси жизнь скучна своимъ однообразіемъ, и ѣздятъ отсюда за границу *развлекаться*, тогда какъ я утверждаю и буду имѣть честь вамъ доказать, что жизнь нигдѣ такъ не преизобилуетъ самыми внезапнѣйшими разнообразіями какъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ я уѣзжаю отсюда за границу именно *для успокоенія* отъ калейдоскопической пестроты русской жизни, и думаю что я не единственный экземпляръ въ своемъ родѣ.

— Орестъ Марковичъ! Мы васъ слушаемъ.

— Милостивые государи! Я повинуюсь и начинаю.

II.

Большинству здѣсь присутствующихъ обстоятельно извѣстно что я происхожу изъ

довольно древняго русскаго дворянскаго рода. Я записанъ въ шестую часть родословной книги своей губерніи; получилъ въ наслѣдство по разнымъ прямымъ и боковымъ линіямъ около двухъ тысячъ душъ крестьянъ; учился когда-то и въ Россіи и за границей; служилъ неволею въ военной службѣ; холостъ, корнетъ въ отставкѣ, имѣю преклонныя лѣта, живу постоянно за границей и проѣдаю тамъ мои выкупныя свидѣтельства; очень люблю Россію когда ея не вижу, и непомѣрно раздражаюсь противъ нея когда живу въ ней; а потому наѣзжаю въ нее какъ можно рѣже, въ экстренныхъ случаяхъ, подобныхъ тому отъ котораго сегодня только освободился. Я расказываю вамъ все очень подробно и не утаиваю никакихъ мелочей моего характера эгоистическаго и мелкаго, не дѣлающаго мнѣ ни малѣйшей чести. Я знаю что вы меня за это не почтите вашимъ особеннымъ вниманіемъ,

но я уже, вопервыхъ, старъ чтобы заискивать себѣ чье-нибудь расположеніе лестью и притворствомъ, а вовторыхъ, строгая истина совершенно необходима въ моемъ полу-фантастическомъ разсказѣ для того, чтобы вы ни на минуту не заподозрили меня во лжи, преувеличеніяхъ и утайкахъ.

Въ воспитаніи моемъ есть нѣчто необыкновенное. Я Русскій, но родился и выросъ внѣ Россіи. Должность родныхъ липъ, подъ которыми я впервые осмотрѣлся, исправляли для меня южные каштаны, я крещенъ въ водѣ италіянской рѣки, и глаза мои увидали впервые солнце на италіанскомъ небѣ. Родители мои постоянно жили въ Италіи. Отецъ мой не былъ изгнанникъ, но тѣмъ не менѣе сѣверъ былъ для него вреденъ, и онъ предпочиталъ родинѣ чужіе края. Мать моя тосковала по Россіи и научила меня любить ее и стремиться къ ней. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, стремленію этому суж-

дено было осуществиться: отецъ мой, катаясь на лодкѣ въ Генуэзскомъ заливѣ, опрокинулся, и пошелъ какъ ключъ къ дну въ море. Послѣ этой потери, югъ утратилъ для насъ съ матерью свое значеніе, и мы потянулись съ нею на сѣверъ. Мнѣ о ту пору было всего восемь лѣтъ. Тогда и по Европѣ еще сплошь ѣздили въ дилижансахъ, а у насъ плавали по грязи. Я не помню уже сколько дней мы ѣхали до Петербурга, сколько потомъ отъ Петербурга до Москвы и далѣе отъ Москвы до далекаго уѣзднаго города, вблизи котораго, всего въ семи верстахъ, жилъ мой дядя. Эта продолжительная и утомительная поѣздка, или, вѣрнѣе сказать, это плаваніе въ тарантасахъ по грязи, по тридцати верстъ въ сутки на почтовыхъ, останется вѣчно въ моей памяти. Я какъ будто вчера еще только отбылъ эти муки, и у меня даже еще ноютъ при всякомъ движеніи хрящи и ребра. Я поистинѣ могу сравнивать это стран-

ствованіе съ странствованіями Одиссея Лаэртида. Приключенія были чуть не на каждомъ шагу, и покойница матушка во всѣхъ этихъ приключеніяхъ играла роль добраго генія.

III.

Благія вмѣшательства моей матери въ судьбы странниковъ начались съ перваго же почлега по Петербургскому шоссе, которое существуетъ и по-днесь, но о которомъ всѣ вы, нынѣшніе легковѣсные путешественники, разумѣется не имѣете никакого понятія. Желѣзныя дороги—большое препятствіе къ изученію Россіи, я въ этомъ положительно увѣренъ; но это á propos... Какъ сейчасъ помню: теплый осенній вечеръ; полоска слабаго свѣта чуть брезжится на западѣ, и на ней отъ времени до времени вырѣзываются силуэты ближайшихъ деревьевъ: они все казались мнѣ солдатиками, и я мысленно сравнивалъ ихъ съ огненными мужичками, ко-

торые пробѣгаютъ по сгорѣвшей, но не истлѣвшей еще бумагѣ, брошенной въ печку. Я любилъ бывало засматриваться на такую бумагу, какъ засмотрѣлся ѣдучи и на полосу заката, и вовсе не замѣтилъ какъ она угасла и какъ предъ остановившимся внезапно экипажемъ вытянулась черная полоса какихъ то городулекъ, испещренныхъ огненными точками краснаго цвѣта, отражавшагося длинными и острыми стрѣлками на темныхъ лужахъ шоссе, по которымъ порывистый вѣтеръ гналъ безконечную рябь. Это былъ придорожный поселокъ, станція и ночлегъ. Борисъ Савельичъ, старый и высокій, съ сѣдымъ кокомъ лакей, опытный путешественникъ, отряженный дядею въ наши провожатые, и высланный намъ навстрѣчу въ Петербургъ для сопровожденія насъ въ завѣтную глубь Россіи, соскочилъ съ козелъ и отправился на станцію. Я видѣлъ какъ его грандіозная, внушающая фигура

въ безпредѣльной, подпоясанной ремнемъ, волчьей шубѣ, поднялась на крыльцо; видѣлъ какъ въ окнѣ моталась тѣнь его высокаго кока, и какъ потомъ онъ тотчасъ же вышелъ назадъ къ экипажу, крикнулъ ямщику; „не смѣй отпрягать„, и объявилъ матушкѣ что на почтовой станціи остановиться ночевать невозможно, потому что тамъ проѣзжіе ремонтеры играютъ въ карты и пьютъ вино, „а ночью, добавлялъ нашъ провожатый, хотя они и благородные, но у нихъ навѣрное случится драка". Матушка страшно перепугалась этого доклада, и тотчасъ же сдалась на предложеніе Бориса Савельича отъѣхать на постоялый дворъ къ какому-то Петру Ивановичу Гусеву, который, по словамъ Бориса, былъ „отличнѣйшій человѣкъ, и имѣлъ у себя для проѣзжающихъ преотличные покои".

Дворъ этого отличнѣйшаго человѣка былъ всего въ двухъ шагахъ отъ станціи, и не ус-

пѣлъ Борисъ скомандывать: „къ Петру Ивановичу“, какъ экипажъ нашъ свернулъ съ шоссе налѣво, прокатилъ по небольшому мостику чрезъ придорожную канаву и, проползя нѣсколько шаговъ по жидкой грязи, застучалъ по бревенчатому помосту подъ темными сараями крытаго двора. По срединѣ этого двора, подъ высокими стропилами, висѣлъ на перекинутой чрезъ блокъ веревкѣ большой фонарь, ничего не освѣщавшій, но глядѣвшій на все точно красный глазъ кикиморы. Въ непроглядной тьмѣ подъ сараями кое-гдѣ слышались человѣческіе голоса, и то тихій стукъ конскихъ зубовъ жевавшихъ овесъ, то усталое лошадиное отпыхиванье.

Матушка и моя старая няня, возвращавшаяся съ нами изъ-за границы, высвободившись изъ-подъ вороха шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, укутывавшихъ наши ноги отъ пронзительнаго вѣтра, шли въ „упокои“ пѣшкомъ,

а меня Борисъ Савельичъ несъ на рукахъ, покинувъ предварительно свой кушакъ и шапку въ тарантасѣ. Держась за воротникъ его волчей шубы я мечталъ, что я сказочный царевичъ и ѣду на сказочномъ же сѣромъ волкѣ.

„Упокоевъ“, которыми соблазнилъ насъ Борисъ, къ нашимъ услугамъ впрочемъ не оказалось. Встрѣтившая насъ въ верхнихъ сѣняхъ баба, а затѣмъ и самъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, — атлетическаго роста мущина съ окладистою бородой, — ласковымъ голосомъ и съ честнѣйшимъ видомъ объявилъ намъ что въ „упокояхъ“ передѣлываются печи и ночевать тамъ не возможно, но что въ залѣ преотлично и чай кушать, и опочивать можно на диванахъ.

— „А барчуку, добавлялъ онъ, указывая на меня, — мы смостимъ два креслица и пуховичокъ подкинемъ.“

Мать рѣшила что это прекрасно и взявъ

съ хозяина слово что онъ въ залу уже никого кромѣ насъ не пуститъ, велѣла подать самоваръ. Послѣднее распоряженіе матушки тотчасъ же вызвало со стороны Бориса осторожное, шепотомъ выраженное замѣчаніе, что-молъ этакъ, не спросивши напередъ цѣны, на постоялыхъ дворахъ ничего спрашивать не возможно.

— Хотя это точно, говорилъ Борисъ, — что мы съ вашимъ братцемъ всегда останавливаемся у Петра Ивановича, и онъ обижать насъ по настоящему не долженъ, ну, а все же правило того требуетъ чтобы спросить.

Борисъ Савельичъ былъ изъ числа тѣхъ крѣпостныхъ людей, выросшихъ въ передней господскаго дома, для которыхъ поѣздки, особенно далекія поѣздки въ столицы, въ Москву или Петербургъ, составляли высшее удовольствіе. Въ этихъ поѣздкахъ онъ могъ щеголять своею опытностію, знаніемъ

свѣта, тонкимъ пониманіемъ людей и вообще такими свѣдѣніями, какихъ при обыкновенномъ теченіи жизни ему показать было не кому, да которыхъ отъ него въ обыкновенное время никто и не спрашивалъ. Все что́ онъ ни дѣлалъ въ дорогѣ, — все это онъ дѣлалъ какъ бы нѣкое священнодѣйствіе, торжественно, величественно, и притомъ съ нѣкоторымъ жреческимъ лукавствомъ.

Въ большой комнатѣ, которую мы для себя заняли, Борисъ Савельичъ тотчасъ же оріентировалъ насъ къ углу гдѣ была тепло, даже жарко натопленная печка. Онъ усадилъ меня на лежанку, матушку на диванъ и безпрестанно прибѣгалъ и убѣгалъ съ разными узлами, дѣлая въ это время отрывочныя замѣчанія то самому дворнику, то его кухаркѣ, — замѣчанія состоявшія въ томъ что не во́-время они взялись передѣлывать печки въ упокояхъ, что темно у

нихъ въ сѣняхъ, что вообще онъ усматриваетъ у нихъ въ хозяйствѣ большія нестроенія.

Затѣмъ Борисъ убѣгалъ снова и снова возвращался съ корзинками, въ которыхъ были припасенные въ дорогу папушники и пирожки. Все это было разложено на печкѣ на чистой бумагѣ, и Борисъ Савельичъ, разбирая эту провизію, внушалъ матушкѣ что все это надо кушать, а у дворника ничего не брать, потому де что у него все очень дорого.

— Я про ужинъ для себя полюбопытствовалъ, говорилъ Борисъ, — да полтину проситъ, такъ, я ему въ глаза и плюнулъ.

Матушку такая рѣзкость смутила, и она поставила это Борису на видъ; но тотъ только махнулъ рукой и отвѣчалъ что съ торговымъ человѣкомъ на Руси иначе обходиться невозможно.

— Ихъ, матушка! увѣрялъ онъ, — и попъ

когда креститъ, такъ въ самое темя имъ три раза плюетъ.

Это меня очень заинтересовало и я снова замечтался, какъ это производится указанная Борисомъ процедура, а между тѣмъ былъ поданъ самоваръ; я выпилъ одну чашку, почувствовалъ влеченіе ко сну, и меня уложили на той же теплой лежанкѣ. Матушка расхаживала по комнатѣ чтобы размять ноги, а Борисъ съ нянькою сѣли за чай; они пили очень долго и въ совершенномъ молчаніи. Я, потягиваясь на лежанкѣ, все наблюдалъ какъ моя нянька краснѣла и, какъ мнѣ казалось, распухала. Она мнѣ тогда представлялась бѣлой піявкой, какихъ я впрочемъ никогда не видалъ; я думалъ: вотъ еще, вотъ еще раздуется моя няня и хлопнетъ. И точно старуха покраснѣла, раздулась, растегнула даже платокъ на груди и отпала. Но Борисъ Савельичъ упорно оставался одинъ за столомъ. Онъ

сидѣлъ прямо, какъ будто проглотилъ аршинъ, и наливалъ себѣ мѣрно стаканъ за стакановъ, съ очевиднымъ непреложнымъ намѣреніемъ выпить весь самоваръ до послѣдней капли. Онъ не раздувался и не краснѣлъ какъ няня, но у него за то со всякимъ хлебкомъ престрашно выворачивались веки глазъ, и изъ сѣдаго его чуба вылеталъ и возносился легкій паръ. Мнѣ очень хотѣлось спать, но я не могъ уснуть, потому что все мною наблюдаемое чрезвычайно меня занимало. Это была *она*, моя завѣтная, моя долго жданая Россія, которую я жаждалъ видѣть ежесекундно. Она была въ этой безпріютной комнатѣ, въ этомъ пузатомъ самоварѣ, въ этомъ дымящемся чубѣ Бориса...

Но наблюденіямъ моимъ готовъ былъ и иной матеріалъ.

Среди такихъ занятій нашей компаніи, о которыхъ я разсказываю, подъ окнами по-

слышался шумъ отъ подъѣхавшаго экипажа, и вслѣдъ за тѣмъ стукъ въ ворота и говоръ. Няня взглянула въ окно и сказала:

— Шестерная карета!

— Ну, какъ пріѣхали, такъ и уѣдутъ, отвѣчалъ сей Борисъ, — останавливаться негдѣ; но въ эту минуту на порогѣ явился умильный Петръ Ивановичъ и съ заискивающею подобострастною улыбкою началъ упрашивать мать во что́ бы то ни стало доволить напиться чаю въ нашей комнатѣ. проѣзжей генеральшѣ. Борисъ Савельичъ окрысился было за это на дворника, какъ песъ Дагобера, но услышавъ со стороны матери предупредительное согласіе, тотчасъ же присѣлъ и продолжалъ допивать свой чай и дымиться. Я имѣлъ чортъ знаетъ какое возвышенное понятіе о русскихъ генералахъ, про которыхъ няня мнѣ говорила дива и чудеса, и потому я торжествовалъ что увижу генеральшу.

IV.

Въ комнату нашу вошла большая, полная, даже почти толстая дама съ косымъ пробором и съ мушкой на лѣвой щекѣ. За ней четыре барышни въ ватныхъ шелковыхъ капотахъ, за ними горничная дѣвушка съ красивымъ дорожнымъ ларцемъ изъ краснаго сафьяна, за дѣвушкой лакей съ ковромъ и нѣсколькими подушками, за лакеемъ ливрейнымъ лакей не ливрейный съ маленькою собачкой. Генеральша очевидно была недовольна что мы заняли комнату прежде чѣмъ она накушалась здѣсь своего чаю.

Она извинялась прредъ матушкой что обезпокоила ее, но извинялась такимъ страннымъ тономъ, какъ будто мы были предъ нею въ чемъ-то виноваты и она насъ прощала. Матушка по своей добротѣ ничего этого не замѣчала и даже радовалась что она можетъ чѣмъ-нибудь услужить проѣз-

жимъ, вызывалась заварить для нихъ новый чай и предложила дочермъ генеральши нашихъ отогрѣтыхъ пирожковъ и папушниковъ. Но генеральша отклонила матушкино хлѣбосольство, объяснивъ, все въ томъ же неприступномъ тонѣ, что она разогрѣтаго не кушаетъ и чаю не пьетъ, что для нея сейчасъ сварятъ кофе въ ея кофейникѣ, а пока.... она въ это время обратилась къ Петру Ивановичу и сказала:

— Послушай, мужикъ, у тебя есть что-нибудь завтракать?

— Матушка, отвѣчалъ выгибаясь Петръ Иванычъ, — у меня сію минуту индюкъ въ печи сидитъ, — на станцію для ремонтеровъ жарилъ, да если твоей милости угодно, мы тебѣ его подадимъ, а они подождутъ.

— Давай, приказала генеральша.

Нашъ Борисъ тряхнулъ чубомъ и еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ глотать остывающій чай. И мнѣ и Борису показалось,

что генеральша приказала подать индюка единственно затѣмъ, чтобъ унизить этимъ насъ, занимавшихъ въ комнатѣ лучшее мѣсто, но скромно подкрѣплявшихся чаемъ и разогрѣтыми пирожками. Всѣ мы были немало переконфужены этимъ начинавшимъ подавлять насъ великосвѣтскимъ сосѣдствомъ, и нетерпѣливо ждали появленія индюка, въ надеждѣ что вслѣдъ затѣмъ гости наши покушаютъ и уѣдутъ.

Наконецъ явился и онъ. Какъ теперь его помню: это былъ огромный, хорошо поджареный, подрумяненный большой индюкъ, на большомъ деревянномъ блюдѣ и въ его папоротку былъ артистически воткнутъ сверкающій клинокъ большаго ножа съ бѣлой костяною ручкой. Петръ Ивановичъ подалъ индюка и, остановясь, сказалъ:

— Прикажите раскроить?

— Нѣтъ, пожалуста, пожалуста.... твоихъ услугъ не надо, отвѣчала генеральша.

Петръ Ивановичъ, не конфузясь, отошелъ въ сторону.

На столѣ запылалъ кофейникъ, и генеральша обратилась къ дочерямъ съ вопросомъ, чего кому хочется. Ни одной не хотѣлось ничего. Надо помнить, что это были тѣ времена, когда наши барышни считали обязанностью держаться неземными созданьями и кушали очень мало, а потому генеральша только и могла отрѣзать отъ индюка одно крылышко. Это крылышко какая-то изъ дѣвицъ подержала въ рукахъ, покусала и бросила на тарелку. Затѣмъ лакей доложилъ, что карета готова, и чопорные гости стали собираться. Но тутъ произошла престранная исторія, впервые поколебавшая мое высокое понятіе о генеральшахъ.

Петръ Ивановъ явился съ огромными счетами, началъ выкладывать за теплоту и за свѣтлоту, и вдругъ потребовалъ за жаре-

наго индюка семнадцать съ полтиной (конечно на ассигнаціи).

Генеральша такъ и вскипѣла.

— Что́ ты, что́ ты! Да гдѣ же это за индюка семнадцать съ полтиной? Этакъ и за границей не дерутъ.

— Намъ, сударыня, заграница не указъ; мы свой разсчетъ держимъ.

— Да мы твоей индюшки и не съѣли: ты самъ видишь, я одно крылышко отъ нея отломила.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Петръ Ивановъ, — только я ее теперь никому подать не могу. Какъ у насъ русскій дворъ, то мы, государыня, только цѣлое подаемъ, особенно ремонтерамъ, потому какъ это господа завсегда строгіе.

— Ахъ какой же ты мошенникъ! закричала генеральша.

Петръ Ивановъ просилъ его не порочить.

— Нѣтъ, скажите Бога ради, мошенникъ

онъ или нѣтъ? обратилась генеральша заискивающимъ тономъ къ моей матери.

Мать промолчала, а Петръ Ивановъ положилъ на столъ счеты и вышелъ.

— Я не заплачу, рѣшила генеральша,— ни за что не заплачу, но тутъ же и спасовала, потому что вошедшій лакей объявилъ, что Петръ Ивановъ не выпускаетъ его съ вещами къ каретѣ.

— Ахъ Боже мой, развѣ это же можно? засуетилась генеральша.

— Торговаться впередъ надо, отвѣчалъ ей поучительно Борисъ.

— Но, мой другъ, пойди, уговори его.— Вы позволите?

Мать позволила, Борисъ пошелъ, долго кричалъ и вернулся съ тѣмъ, что менѣе пятнадцати рублей не беретъ.

— Скажите что́ же мнѣ дѣлать? засуетилась снова генеральша.

Мать моя, зѣвая и закрывая ротъ рукою,

отвѣчала генеральшѣ по-французски, что надо заплатить, и добавила что съ одного ея кузена на Кавказѣ какіе-то казаки на постояломъ дворѣ потребовали пять рублей за пять яицъ, и когда тотъ не хотѣлъ платить, заперли его на дворѣ.

— Неужели это можетъ быть и со мною? воскликнула генеральша и, заливаясь слезами начала упрашивать Петра Иванова объ уступкѣ, но Петръ Ивановъ изъ пятнадцати рублей не уступилъ ни одной копѣйки, и деньги эти ему были заплачены, и генельша, негодующая и заплаканная, стала прощаться, проклиная Русь, о которой я слышалъ за границей одни нѣжные вздохи.

— Возьмите же по крайней мѣрѣ съ собою этого индюка: онъ вамъ пригодится, сказала моя мать генеральшѣ.

Растерянная генеральша съ радостію согласилась:

— Да, да, заговорила она,—конечно жаркое пригодится.

И съ этимъ ея превосходительство, остановивъ за руку Петра Иванова, который хотѣлъ уносить индюка, сказала ему:

— Позволь, позволь, батюшка: ты деньги получилъ, а индюкъ мой. Дай мнѣ сахарной бумаги, чтобы завернуть.

Петръ Ивановъ отказалъ, но мать встала съ своего мѣста, пересыпала рубленый сахаръ изъ бумажнаго картуза въ холщевый мѣшочекъ и передала ее Борису, который тутъ же мастерски увернулъ индюка и вручилъ его непосредственно самой генеральшѣ. Встрѣча съ этою гордою дамой, ея надутый видъ и метаморфозы, которыя происходили съ нею въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, были для меня предметомъ не малаго удивленія.

Съ этихъ поръ я, при видѣ всякаго земнаго величія, постоянно не могъ отучиться

задавать себѣ вопросъ: а какъ бы выдержало себя это величіе предъ индюкомъ и запертыми воротами?

Это невинное событіе преисполнило юную душу мою неулегающимися волнами сомнѣнія и потомъ во многихъ случаяхъ моей жизни служило мнѣ соблазномъ и камнемъ претконовенія, о который я спотыкался и довольно больно разбивалъ себѣ носъ.

Тотчасъ по отъѣздѣ генеральши въ нашей компаніи начались на ея счетъ самыя злыя насмѣшки, изъ чего я тогда же вывелъ для себя, сколь невыгодно выходить изъ собранія первымъ, а не послѣднимъ. Изъ этой же бесѣды мнѣ впервые уяснилось, что́ такое называется чванствомъ, фанфаронствомъ и другими именами. Но въ концѣ этого разговора матушка однако обратила Борисово вниманіе на то, что хорошъ же, молъ, однако и твой Петръ Ивановъ, — какой онъ мошенникъ! — Борисъ по этому поводу пу-

стился въ безконечные разказы о томъ, что придорожному человѣку, а тѣмъ больше дворнику, никогда вѣрить нельзя, будь онъ хоть самый честнѣйшій человѣкъ ибо на большихъ дорогахъ.... Тутъ онъ началъ разсказывать разныя страсти, слушая которыя я заснулъ.

V.

Вслѣдъ за этимъ, я какъ сейчасъ помню небольшую почтовую станційку въ Нижегородской губерніи, гдѣ мы натолкнулись на другую престранную исторію. Это было во второй половинѣ нашего путешествія, которое мы уже два дня совершали гораздо лучше, потому что на землю выпалъ густой снѣгъ и сталъ первопутокъ. Мы бросили въ какомъ-то городишкѣ нашъ тарантасъ, и ѣхали теперь въ кибиткѣ на полозьяхъ. Разказы Бориса о дорожныхъ страхахъ возымѣли на всѣхъ насъ свое устрашающее

дѣйствіе, вслѣдствіе чего матушка по ночамъ аккуратно пересаживала Бориса съ козелъ въ возокъ. Помню какъ онъ бывало влѣзалъ къ намъ въ своей волчьей шубѣ, внося съ собою цѣлое облако холоднаго пара, и обыкновенно сейчасъ же опять заводилъ страшные разсказы. Такъ мы проѣхали огромныя лѣсныя пространства, и однажды вечеромъ, остановясь передъ маленькою станційкой, увидѣли у крыльца кибитку съ тройкой дрожащихъ и дымящихся лошадей. На станціи была замѣтна какая-то суета и бѣготня съ крыльца во дворъ и со двора на крыльцо. Всѣхъ очевидно занимало что-то и необыкновенное и смѣшное, потому что всѣ бѣгали, и не то охали, не то смѣялись. Одинъ верховой выскочилъ изъ воротъ, и скаля зубы понесся въ одну сторону лѣса; другой, совсѣмъ помирая со смѣха и нещадно настегивая по бокамъ коня, поскакалъ въ другую. Мы разсчитывали здѣсь пить чай и

вошли въ сѣни. Нянька вела подъ руку матушку, Борисъ по обыкновенію несъ меня на рукахъ. Въ маленькой, слабо освѣщенной комнаткѣ, въ которую мы вступили прямо изъ сѣней, была куча самыхъ страшныхъ людей, съ самыми невѣроятными, длинными и горбатыми носами, какихъ я никогда до тѣхъ поръ не видалъ. Мнѣ даже показалось, что это вовсе не люди, а одни носы. Во всей этой смятенной сутолкѣ раздавался страшный и непонятный говоръ и трепетный плачъ съ какимъ-то гортаннымъ переливомъ. Три огромные носа въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ держали надъ тазомъ четвертый носъ, изъ котораго въ двѣ противоположныя стороны били фонтаны крови. Эти носы были Армяне, возвращавшіеся куда-то къ себѣ изъ Москвы. Ихъ было счетомъ четверо, и они ѣхали всего за полчаса предъ нами черезъ лѣсъ, который мы благополучно минули. Трое изъ Армянъ сидѣ-

ли въ самой кибиткѣ, а четвертый ихъ молодой прикащикъ, съ самымъ большимъ восточнымъ носомъ, помѣщался у нихъ на колѣняхъ, такъ что огромный носъ его высовывался изъ кибитки наружу. Вдругъ изъ лѣсной тащи раздался выстрѣлъ, и несчастный носъ этого злополучнаго Армянина какъ разъ предъ самымъ кончикомъ прострѣленъ крупною леткой.... Нужно же было случиться такой странности!

Мы застали Армянина истекающаго кровью надъ тазомъ; около него всѣ кричали, суетились и никто ничего не предпринималъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, моя мать быстро разорвала свой носовой платокъ, и устроила изъ него для раненаго бинтъ и компрессы, а Борисъ выдернувъ изъ стоявшей на столѣ сальной свѣчки фитиль, продернулъ его Армянину сквозь носъ, и перевязка была готова. Теперь всѣ только смѣялись, что́ конечно было оченъ непріятно раненому, но

удержаться было невозможно. Этотъ жалкій Армянинъ съ прострѣленнымъ носомъ и продернутымъ сквозь него фитилемъ изъ свѣчки былъ дѣйствительно до такой степени смѣшонъ, что, несмотря на его печальное положеніе, сама матушка моя постоянно отворачивалась, чтобы скрыть свой смѣхъ. Мы обогрѣлись и уѣхали съ этой станціи, оставивъ на ней Армянъ ожидать пристава, а сами съ этихъ поръ всю дорогу только и толковали про то, какъ и почему разбойникъ прострѣлилъ Армянину не щеку, не ухо, а именно одинъ носъ? Признаюсь вамъ, я и до сихъ поръ считаю это событіе совершенно чрезвычайнымъ, и когда заходитъ гдѣ-либо рѣчь о Промыслѣ, или о фатализмѣ, я всегда невольно припоминаю себѣ этого Армянина, получившаго въ носъ первое предостереженіе.

VI.

Третье путевое происшествіе, которое живыми чертами врѣзалось въ моей памяти,

было уже всего за полтораста верстъ отъ дядина имѣнія. На дворѣ стояла сухая морозная ночь. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями и искрился какъ рафинадъ. На лошадяхъ и на людяхъ сверкали морозныя иглы. Мы подъѣхали къ большому непривѣтливому дому, похожему на заброшенныя боярскія хоромы. Это тоже была станція, на корой намъ категорически отказали въ лошадяхъ, и не обѣщали даже дать ихъ въ скорости. Дѣлать было нечего, мы выбрались изъ кибитки и пошли на станцію. Въ единственной большой комнатѣ, назначенной и для проѣзжающихъ и для смотрительскаго стола, мы нашли сердитаго, пресердитаго вида человѣка въ старой поношенной бекешѣ. Это былъ станціонный смотритель. Онъ сидѣлъ подпершн голову обѣими руками, и смотрѣлъ въ огромную, тускло освѣщаемую сальнымъ огаркомъ книгу. При нашемъ появленіи онъ не тронулся и не ворохнулся,

но тѣмъ не менѣе видно было, что чтеніе не сильно его занимало, потому что онъ часто зѣвалъ, вскидывалъ глазами на пламя свѣчи, очищалъ пальцами нагаръ и поплевавъ на пальцы, опять лѣниво переводилъ глаза къ книгѣ. Въ комнатѣ было мертвое молчаніе, прерываемое лишь то тихимъ и робкимъ, то громкимъ и азартнымъ чириканьемъ сверчка гдѣ-то за старою панелью теплой печки. И вотъ опять на столѣ чай, — это единственное универсальное лѣкарство отъ почтовой скуки; опять няня краснѣетъ, опять дымится Борисовъ чубъ, а смотритель все сидитъ и не удостоиваетъ насъ ни взгляда, ни звука. Богъ знаетъ до чего бы додержалъ насъ здѣсь этотъ невозмутимый человѣкъ, еслибы на выручку намъ не подоспѣло самое неожиданное обстоятельство.

Среди мертвой тишины подъ окнами послышался скрипъ полозьевъ, и въ комнату вошелъ бойкою и щеголеватою походкой

новый путешественникъ. Это былъ высокій и стройный молодой человѣкъ, въ хорошей енотовой шубѣ, подпоясанной краснымъ гаруснымъ шарфомъ, и въ франтовской круглой мѣховой шапочкѣ изъ боброваго котика. Онъ подошелъ прямо къ смотрителю, и вѣжливо положивъ ему на столъ свернутую подорожную, проговорилъ очень мягкимъ и, какъ мнѣ казалось, симпатическимъ голосомъ: „Прошу васъ нарядить пять лошадей.“

Смотритель кажется очень обрадовался, что судьба посылала ему новаго человѣка, котораго онъ могъ помучить. Онъ даже искоса не взглянулъ на незнакомца и отодвинувъ локтемъ его подорожную, сказалъ: „Нѣтъ лошадей“. Подорожная упала на полъ. Молодой человѣкъ въ енотовой шубѣ поднялъ бумагу безъ гнѣва и вышелъ съ нею вонъ. Борисъ, няня и матушка только переглянулись между собою, а Борисъ даже прошеп-

талъ въ догонку проѣзжему: „Вотъ тебѣ и енотъ!“

Смотритель очевидно ликовалъ. Я въ послѣдствіи имѣлъ случай сдѣлать выводъ, что смотрительская должность имѣетъ свойство пріуготовлять въ людяхъ особенное расположеніе къ злорадству.

Но въ то время какъ мы переглядывались, а смотритель радовался, въ сѣняхъ раздались тяжелые шаги, пыхтѣнье и сапъ, и за тѣмъ дверь грозно распахнулась настежъ.

Мы всѣ встрепенулись и насторожили и слухъ, и зрѣніе.

VII.

Въ комнату вплыло цѣлое облако холоднаго воздуха, и въ этомъ воздухѣ заколебалась страшная черная масса, предъ которою за минуту вошедшій человѣкъ казался какою-то фитюлькой. Масса эта, въ ог-

ромной черной медвѣжьей шубѣ съ широкимъ воротникомъ, спускавшимся до самаго пояса, съ аршинными отворотами на доходившихъ до пола рукавахъ, въ медвежьихъ сапогахъ и большой собольей шапкѣ, — вошла, рыкнула: „гдѣ?“ и, по безмолвному манію слѣдовавшаго за нимъ енота, прямо надвинулась на смотрителя; одно мгновеніе,— что́-то хлопнуло, и на полу, у ногъ медвѣжьей массы, закопошился смотритель. Еще хлопъ — и новый полетъ кувыркомъ, и снова безмолвіе.

— Ты читалъ, мерзавецъ, подорожную? заревѣлъ въ медвѣдѣ.

Смотритель стоялъ вытянувшись, дрожа и пятясь.

— Читалъ? грозно переспросилъ медвѣдь.

— Нѣ.... нѣ.... нѣтъ-съ.

Но еще прежде чѣмъ смотритель кончилъ это „нѣтъ-съ“, въ комнатѣ опять раздалась

оглушительнѣйшая пощечина, и смотритель снова кувыркомъ полетѣлъ подъ столъ.

— Такъ ты даже не читалъ? Ты даже не знаешь кто я? А небось ты четырнадцатымъ классомъ, каналья, пользуешься?

— Пользуюсь, ваше высокопревосходительство.

Оплеуха.

— Чинъ: „не бей меня въ рыло“, имѣешь?

— Имѣю-съ.

— Избавленъ по закону отъ телеснаго наказанія?

— Избавленъ-съ.

— Такъ вотъ же, не уповай на законъ! Не уповай!

И посыпались пощечина за пощечиной; летѣли онѣ градомъ, дождемъ, потокомъ; несчастный смотритель только что поднимался, какъ падалъ снова на полъ. Мы всѣ привстали въ страхѣ и ужасѣ, и рѣшитель-

но не знали, что это за Наполеонъ такой набѣжалъ, и какъ намъ себя при немъ держать; а смотритель все падалъ и снова поднимался, для того чтобы снова падать, между тѣмъ какъ шуба все косила и косила. Я и теперь не могу понять какъ непостижимо ловко наносила удары эта медвѣжья шуба. Она дѣйствовала какъ мельница: то однимъ крыломъ справа, то другимъ слѣва, такъ что это была какъ бы машина ниспосланная сюда затѣмъ, чтобы наказать невозмутимаго чиновника. Вслѣдъ за послѣднимъ ударомъ шуба толкнула избитаго смотрителя сапогомъ подъ столъ, и не говоря ему болѣе ни слова, повернула къ дверямъ и исчезла въ морозномъ облакѣ; за медвѣдемъ ушелъ и енотъ. Чуть только она вышла, смотритель тотчасъ же выкарабкался, встряхнулся какъ пудель и тоже исчезъ. Черезъ секунду на дворѣ зазвенѣлъ его распорядительный голосъ, а еще черезъ минуту эки-

пажъ ускакалъ. Смотритель проводивъ гостей, вошелъ въ комнату, повѣсилъ на колышекъ шапку и сѣлъ къ своей книгѣ, но прочиталъ немного. Онъ видимо нуждался въ бесѣдѣ: хотѣлъ облегчить свою душу разговоромъ, и потому, обратясь къ матушкѣ, сказалъ довольно спокойнымъ для его положенія тономъ:

— Вотъ, изволили видѣть, какія у насъ въ Россіи бываютъ по службѣ непріятности.

— Да, это ужасная непріятность, отвѣчала моя сердобольная матушка, и добавила: — Я удивляюсь, неужто вы все это такъ и оставите?

— Нѣтъ-съ: да что́ же... тутъ если все взыскивать, такъ и служить бы невозможно, отвѣчалъ смотритель. — Это большая особа; тайный совѣтникъ и сенаторъ (смотритель назвалъ одну изъ важныхъ въ тогдашнее время фамилій). Отъ такого, по прав-

дѣ сказать, оно даже и не обидно; а вотъ какъ другой разъ прапорщикъ какой набѣжитъ; или корнетъ, да тоже къ рылу лѣзетъ, такъ вотъ это ужь очень противно.

Сказавъ это, смотритель вздохнулъ, вышелъ и велѣлъ запрягать намъ лошадей.

Такимъ образомъ, если вамъ угодно, я, проѣзжая по Россіи до мѣста моего пріюта, получилъ уже довольно своеобычные уроки и составилъ себѣ довольно самостоятельное понятіе о томъ что́ можетъ ждать меня въ предстоящемъ. Все что́ я ни видалъ, все для меня было сюрпризомъ, и я получилъ наклонность ждать что́ впередъ пойдетъ все чуднѣе и чуднѣе.

Такъ оно и вышло.

VIII.

Въ имѣніи дяди меня на первыхъ же порахъ ожидали еще новыя, гораздо болѣе удивительныя вещи. Братъ моей матери,

князь Семенъ Одолѣнскій, безпардонный либералъ самаго не либеральнаго времени, былъ человѣкъ преисполненный всяческихъ противорѣчій и чудачествъ.

Онъ когда-то много учился, сражался въ отечественную войну, былъ масономъ, писалъ либеральнѣйшіе проекты, и за то что ихъ нигдѣ не принимали разсердился на всѣхъ, — на государя, на Сперанскаго, на г-жу Крюденеръ, на Филарета, уѣхалъ въ деревню и мстилъ всѣмъ имъ оттуда разными чудачествами, вѣроятно оставшимися для тѣхъ никогда неизвѣстными. Онъ жилъ въ домѣ страшномъ, страшномъ, желтомъ и такомъ длинномъ что въ немъ кажется можно было уставить двѣ цѣлыя державы, — Липпе и Кнингаузенъ. Въ этомъ домѣ братъ моей матери никогда не принималъ ни одного человѣка равнаго ему по общественному положенію и образованію; а если кто къ нему по незнанію заѣзжалъ, то онъ отбоя-

ривалъ гостей такъ что они впередъ сюда уже не заглядывали. Назадъ тому лѣтъ двадцать, верстахъ въ сорока отъ него жила его родная тетка, старая княжна Авдотья Одолѣнская, которая лѣтъ пять сряду ждала къ себѣ племянника, и не дождавшись потеряла наконецъ терпѣніе и рѣшилась сама навѣстить его. Для этого визита она выбрала день его рожденія, и прикатала. Дядя, узнавъ о такомъ неожиданномъ родственномъ набѣгѣ, выслалъ дворецкаго объявить теткѣ что онъ не знаетъ по какому бы такому дѣлу имъ надобно было свидѣться. Однимъ словомъ, онъ ее выпроваживалъ; но тетка тоже была не изъ уступчивыхъ, и дворецкій, побесѣдовавъ съ ней, возвратился къ дядѣ съ докладомъ что старая княжна пріѣхала къ нему, какъ къ новорожденному. Дядя ни мало этимъ не смутился, и опять выслалъ въ залъ къ теткѣ того же самаго дворецкаго съ такимъ от-

вѣтомъ, что князь молъ рожденію своему не радуются и поздравленія съ онымъ принимать не желаютъ, такъ какъ новый годъ для нихъ не иное что какъ шагъ къ смерти. Но княжна и этимъ не пронялась: она сѣла на диванъ и велѣла передать князю что до тѣхъ поръ не встанетъ и не уѣдетъ пока не увидитъ новорожденнаго. Тогда князь позвалъ въ кабинетъ камердинера, разоблачился до нага и вышелъ къ гостьѣ въ чемъ его мать родила:

— Вотъ молъ, государыня тетушка, каковъ я родился!

Княжна дай Богъ ноги, а онъ въ этомъ же райскомъ нарядѣ выпроводилъ ее на крыльцо до самаго экипажа.

Вообще присутствія всякаго рóвни князь не сносилъ, а водился съ окрестными хлыстами, сочинялъ имъ для ихъ радѣній пѣсни и стихи, самъ мнилъ себя и хлыстомъ и духоборцемъ, и участвовалъ въ радѣніяхъ,

но въ Бога не вѣрилъ, а только юродствовалъ со скуки и досады, происходившихъ отъ безсильнаго гнѣва на позабывшее о немъ правительство. Семьи законной у него не было: онъ былъ холостъ, но имѣлъ много дѣтей и не только не скрывалъ этого, но неумолчно требовалъ чтобъ ему записали его дѣтей въ формулярный списокъ. На бумагахъ же, гдѣ только была надобность спросить его „холостъ онъ или женатъ, и имѣетъ ли дѣтей“ онъ постоянно съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ: „Холостъ, но дѣтей имѣю“. Объ обществѣ онъ не заботился, потому что якобы пренебрегалъ всѣми „поклоняющимися злату и древу“, и въ пріемномъ покоѣ, гдѣ некого было принимать, держалъ на высокой, обитой красномъ сукномъ колоннѣ литаго изъ золота тельца со страшными зелеными изумрудными глазами. Предъ этимъ тельцомъ будто бы когда-то кланялись и присягали по особой присягѣ

попы и чиновники, и телецъ имъ выкидывалъ за каждый поклонъ по червонцу; но въ послѣдствіи все это дядѣ надоѣло, и комедія съ тельцомъ была брошена. Дѣловыми занятіями князя были безчисленные процессы, которые онъ велъ почти со всѣми губернскими властями, единственно съ цѣлью дразнить ихъ и оскорблять безнаказаннымъ образомъ. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ замѣчательнаго совершенства, и нерѣдко даже не однихъ чиновниковъ поражалъ неожиданностію и оригинальностію своихъ пріемовъ. Онъ сочинялъ самъ на себя извѣты и доносы чтобы заводить переписку съ властями, имѣя заранѣе обдуманные планы какъ злить и безнаказанно обижать чиновниковъ. Пропадалъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ съ нимъ губернаторскомъ имѣніи скотъ. Дядя тотчасъ призывалъ самаго ябедливаго дьячка, подпаивалъ его водкой, которой и самъ выпивалъ для

примѣра, и вдругъ ни съ того ни съ сего довѣрялъ дьячку что губернаторскій скотъ стоитъ у него на задворкѣ. Черезъ недѣлю губернаторъ получалъ доносъ на дядю, и тотъ ликовалъ: всѣ хлопоты и заботы о томъ только и шли чтобы вступить въ переписку. На первый же запросъ дядя очень спѣшно отвѣчалъ, что „я де *скота губернатора* съ его полей въ свои закуты загонять никогда не приказывалъ, да и имѣть *его скота* нигдѣ вблизи меня и моихъ четвероногихъ не желаю; но опасаюсь не загналъ ли *скота губернатора* по глупости мой бурмистръ изъ села *Поганецъ*“. По этому показанію особый чиновникъ летѣлъ въ село Поганецъ, и тамъ тоже, разумѣется, никакого „скота губернатора“ не находилъ; а дядя уже строчилъ новую бумагу, въ коей жаловался что „*Поганецъ губернаторскій чиновникъ* обыскивая перепугалъ на скотномъ дворѣ всѣхъ племенныхъ телятъ“. Если же дядѣ не уда-

валось втравливать мѣстныхъ чиновниковъ въ переписку съ собою, то онъ строчилъ на нихъ жалобы въ томъ же тонѣ въ столицы. Такъ въ одной жалобѣ, посланной имъ въ Петербургъ на мѣстнаго губернатора, онъ писалъ безъ запятыхъ и точекъ: „въ бытность мою въ губернскомъ городѣ на выборахъ я однажды встрѣтился съ господиномъ начальникомъ губерніи и былъ изруганъ *имъ подлецомъ* и *мошенникомъ*“ а въ другой разъ, въ просьбѣ поданной въ уголовную палату, устроилъ, конечно съ умысломъ, въ разныхъ мѣстахъ подчистки нѣкоторыхъ словъ въ такомъ порядкѣ, что получилъ возможность въ концѣ прошенія написать слѣдующую оговорку: „а что въ семъ прошеніи по почищенному написано, что судившіе, меня, члены уголовной, палаты, всѣ, до, однаго, взяточники, подлецы, и, дураки, то это все вѣрно и прошу въ томъ не сомнѣваться“...

Тогда, въ тѣ мрачныя времена безсудія и безмолвія на нашей землѣ,все это казалось не только верхомъ остроумія, но даже вмѣнялось безпокойному старику въ высочайшую гражданскую доблесть, и еслибы онъ кого-нибудь принималъ, то къ нему всеконечно многіе бы ѣздили на поклоненіе и считали бы себя черезъ то въ опасномъ положеніи, но у дяди, какъ я сказалъ, дверь была затворена для всѣхъ, и эта-то недоступность дѣлала его еще интереснѣе.

IX.

У матери были дѣла съ дядею: ей надлежала отъ него значительная сумма денегъ. Такихъ гостей обыкновенные люди принимаютъ вообще нерадостно, но дядя мой былъ не таковъ: онъ встрѣтилъ насъ съ матерью привѣтливо, но помѣстилъ не въ домѣ, а во флигелѣ. Въ обширномъ и почти пустомъ домѣ у него для насъ мѣста

не достало. Это очень обидѣло покойную матушку. Она мнѣ не сказала ничего, но я при всей молодости моихъ тогдашнихъ лѣтъ видѣлъ какъ ее передернуло.

Не посредственно за прибытіемъ нашимъ въ дядину усадьбу у насъ такъ и потянулась полоса скучной жизни. Дяди я не видалъ, а грустная мать моя была плохимъ товарищемъ моему дѣтскому возрасту, жаждавшему игръ и забавъ. Зима уходила, и снѣга стали сѣрѣть; кончался постъ. Однажды, пригорюнясь, сидѣлъ я у окна и смотрѣлъ на склонявшееся къ закату весеннее солнце, какъ вдругъ кто-то большою, твердою, тяжелою походкой прошелъ мимо окна и ступилъ на крыльцо флигеля такъ что ступени затрещали подъ его ногами. Черезъ минуту растворилась дверь, и на порогѣ показался мой дядя.

Это было первое посѣщеніе, которое онъ

рѣшился сдѣлать моей матери послѣ нашего пріѣзда въ его имѣніе.

Не знаю почему, для чего и зачѣмъ, но при видѣ дяди я невыразимо его испугался и почти въ ужасѣ смотрѣлъ на его блѣдное лицо, на его пестрой термаламы халатъ, пунсовый гро-гро галстукъ и лисью высокую, остроконечную шапочку. Онъ мнѣ казался великимъ магомъ и волшебникомъ, о которыхъ я къ тому времени имѣлъ уже довольно очаровательныя свѣдѣнія.

Прислонясь къ спинкѣ кресла, на которомъ засталъ меня дядя, я несомнѣвался что у него въ карманѣ непремѣнно есть гдѣ-нибудь вѣтка омелы, что онъ коснется ею моей головы, и что я тотчасъ скинусь бѣлымъ зайчикомъ и поскачу въ это широкое поле съ темными перелогами, въ которыхъ растлѣвается флёромъ весны подернутый снѣгъ, а онъ скинется волкомъ и пойдетъ меня гнать.... Что шагъ, то ста-

новится все страшнѣе и страшнѣе.... И вотъ дядя подошелъ именно прямо ко мнѣ, взялъ меня за уши и сказалъ:

— Здравствуй, пумперлей! и при этомъ онъ подавилъ мнѣ слегка къ низу уши и добавилъ: — пшь что̀ за гадость мальчишка! плечишки съ вершокъ, а внизу жирѣешь. Постное не бось ѣлъ?

— Постное, прошепталъ я едва слышно.

Дядя опять давнулъ меня за уши и проговорилъ:—точная дѣвочка; изгадила, братъ, тебя мать, изгадила.

— Братъ! отозвалась ему изъ другой комнаты съ укоризною мать.

Дядя ушелъ къ ней, и она заговорила съ нимъ по-англійски, сначала просто шумно, а потомъ и сердито.

Я понялъ одно что дядя надъ чѣмъ-то издѣвался, и мнѣ показалось что насмѣшки его имѣютъ нѣкоторое соотношеніе къ восковому купидону, котораго въ большомъ

отъ меня секретѣ золотила для меня моя мать.

— Это — растлѣніе, говорилъ дядя; — въ жизни все причинно, послѣдовательно и условно. Сюпризами только гадость дѣлается.

Мать умоляла дядю замолчать.

— Пусть, говорила она, — пусть по твоему. Пускай жизнь будетъ подносить ему однѣ непріятности, но пусть я... пусть мать поднесетъ ему удовольствіе.

Я тогда несвободно понималъ по-англійски и не понялъ чѣмъ кончился ихъ разговоръ, да и въ добавокъ, я уснулъ. Меня раздѣли и соннаго уложили въ кровать. Это со мною часто случалось.

Помнилось мнѣ только сквозь сонъ что дядя, проходя мимо меня, будто сказалъ мнѣ:

— Мой милый другъ, тебя завтра ждетъ большой сюрпризъ.

На утро я проснулся очень рано, но

боялся открыть глаза: я зналъ что вербный купидонъ вѣроятно уже слетѣлъ къ моей постелькѣ и паритъ надъ нею съ какими-нибудь большими для меня радостями.

Я разскрылъ глаза сначала чуть на одинъ волосокъ, потомъ нѣсколько шире и наконецъ уже не самъ я, а невѣдомый ужасъ растворилъ ихъ, такъ что я почувствовалъ ихъ совсѣмъ круглыми, и при этомъ имѣлъ только одно желаніе: влипнуть въ мою подушку, уйти въ нее и провалиться....

Вербный купидонъ дѣлалъ мнѣ сюрпризъ, котораго я дѣйствительно ни за что не ожидалъ: онъ висѣлъ на широкой голубой лентѣ, а въ объятіяхъ несъ для міра печали и слезъ... розгу. Да-съ, не что иное какъ большую березовую розгу!... Увидавъ это, я долго не могъ придти въ себя и повѣрить, проснулся я или еще грежу съ просонья; я приподнимался, всматривался и, къ удивленію своему, все болѣе и болѣе изумлялся:

мой вербный купидонъ дѣйствительно держалъ у себя подъ крылышками огромный пукъ березовыхъ прутьевъ, связанныхъ такою же голубою лентой, на какой самъ онъ былъ подвѣшенъ, и на этой же лентѣ я замѣтилъ и бѣлый билетикъ. Что это было на билетикѣ при такомъ странномъ приношеніи? размышлялъ я, и хотя самъ тщательно кутался въ одѣяло и дулся на прилетъ купидона съ розгой, но.... но не выдержалъ.... вскочилъ, сорвалъ билетикъ и прочиталъ: „Кто ждетъ себѣ ни за что ни про что радостей, тотъ дождется за то всякихъ гадостей“.

— Это дядя! это непремѣнно дядя! рѣшилъ я себѣ и не ошибся, потому что въ эту минуту дядя распахнулъ занавески моей кроватки и... изрядно меня высѣкъ, ни за что и ни про что.

Матушка была въ церкви, и защищать меня было некому; но за то она узнавъ о

моемъ сюрпризѣ, рѣшилась немедленно отвести меня въ гимназическій пансіонъ, гдѣ и начался для меня новый родъ жизни.

Такимъ я припоминаю вербнаго купидона моего дѣтства. Онъ имѣлъ для меня свое серіозное значеніе. Съ тѣхъ поръ, при какихъ бы то ни было упованіяхъ на что бы то ни было свыше, у меня въ крови пробѣгаетъ трепетъ и мнѣ представляется вѣчно онъ, вербный купидонъ, спускающійся ко мнѣ съ березовою розгой и онъ меня сѣкъ, да-съ онъ много и страшно сѣкъ меня и... я опасаюсь какъ бы еще разъ не высѣкъ... Нечего господа улыбаться, — я разсказываю вамъ исторію очень серьезную и вы только благоволите въ нее вникнуть.

X.

Въ нынѣшнѣе время у школяровъ есть честность гражданская; у насъ была честность рыцарская. Жизнь была тоже рыцар-

ская. Неустрашимость, храбрость и мужество въ разнообразнѣйшихъ ихъ приложеніяхъ и проявленіяхъ подвергались испытанію. Классныя комнаты назывались залами различныхъ орденовъ. Тутъ были круглоголовые, черноголовые рыцари, странствующіе рыцари и всякіе другіе, какихъ вамъ угодно орденовъ и званій. Огромный садъ пансіона служилъ необъятнымъ поприщемъ, на которомъ происходили бои и турниры, что бывало зимой, когда насъ пускали въ этотъ садъ, особенно удобно по причинѣ огромныхъ, наваленныхъ тутъ сугробовъ изображавшихъ замки и крѣпости.

Я жилъ голодно и учился прекрасно. Такъ прошелъ годъ въ теченіе котораго я не ѣздилъ домой ни разу. Я впрочемъ обвыкся и не скучалъ. Затруднительною порой въ этой жизни было для насъ вдругъ объявленное намъ распоряженіе чтобы мы никакъ не смѣли: „отвѣчать въ повелительномъ наклоненіи“.

Намъ было сказано что это требуется изъ Петербурга, и мы были не мало устрашены этимъ требованіемъ, но все-таки по привычкѣ отвѣчали: „подведи шаръ подъ меридіанъ“. или „раздѣли частное и умножь дѣлителя“. Отучить насъ отвѣчать иначе какъ напечатано въ книгахъ долго не было никакой возможности, и бывали мы за то биты жестоко и много, даже и не постигая въ чемъ наша вина и преступленіе. Знакомства и исключительнаго дружества я ни съ кѣмъ въ школѣ не водилъ, хотя мнѣ немножко болѣе другихъ нравились два Нѣмца, братья: Карлъ, который былъ съ мною во второмъ классѣ, и Аматусъ, который былъ въ третьемъ. Помню что оба они были очень краснощекіе, и акуратно каждую перемену сходились другъ съ другомъ у притолки двери, раздѣлявшей наши классы; и Карлъ бывало говорилъ Аматусу:

— Аматусъ, мнѣ кажется что я себѣ нынче изъ русскаго нуль досталъ.

А на слѣдующую перемѣну, Аматусъ являлся къ притолкѣ и возвѣщалъ:

— Нѣтъ, Карлюсъ, я о тебѣ справился, ты ошибаешься: это тебѣ не кажется, а ты себѣ настоящій нуль досталъ.

Эта пунктуальность и обстоятельность въ сихъ юныхъ характерахъ мнѣ чрезвычайно нравились, и я всегда съ жадностію прислушивался къ этому тихому и совершенно серіозному разговору двухъ Нѣмцевъ объ одномъ нулѣ.

Но сюрпризъ мнѣ былъ уже готовъ и ждалъ меня, а я къ нему мчался.

XI.

Приближалась Пасха. До Страстной недѣли оставалось всего одна недѣля, одна не большая недѣля. Въ дортуарахъ вечеромъ разнесся слухъ что насъ распустятъ не въ субботу, а въ четвергъ. Я уѣду и

увижу мать!.. Сердце мое трепетало и билось. Тревожныя ощущенія эти еще болѣе усилились, когда въ среду утромъ одинъ изъ лакеевъ, утирая меня полотенцемъ, шепнулъ мнѣ: „за вами прислали“.

Когда я пришелъ въ столовую, сѣлъ за свой чай, то почувствовалъ что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо, и у меня начали пылать уши. Все это произошло отъ одного магическаго слова, которое произнеслось шепотомъ, и въ сотнѣ различныхъ переливовъ разнеслось по столовой. Это магическое слово было: „за нимъ прислали“.

Понятно что ежели бы насъ пустили сегодня, или завтра, въ четвергъ, то я завтра же могъ бы и ѣхать.

— Еслибы только пустили!

Но вотъ въ четвергъ начинаются и оканчиваются классы. Начальство не заводитъ ровно никакой рѣчи объ отпускѣ. Предъ обѣдомъ нѣсколько другихъ товарищей вы-

бѣгаютъ по вызову лакея въ переднюю и возвращаются съ радостными лицами: и за ними прислали. Въ часы послѣобѣденнаго отдыха извѣстія о присылкѣ еще учащаются, вечеромъ они еще возростаютъ, и наконецъ оказывается что чуть ли не прислали уже за всѣмъ пансіономъ. Нетерпѣніе разгорается съ каждою минутой. Каждая минута становится Богъ вѣсть какою тягостью. Мысль о томъ что нужно идти спать въ тѣ же прохладные дортуары становится несносна. Приготовлять уроки съ вечера нѣтъ уже никакой силы. Такъ и мерещатся, такъ и снятся на яву лошади, бричка, няня и теплая бѣличья шубка, которую прислала за мною мама и которую няня, неизвѣстно для чего, въ первыя минуты своего появленія въ пансіонъ, принесла мнѣ и оставила. Вечерніе уроки мы всѣ отсидѣли какъ на иголкахъ. Четвергъ насъ уже обманулъ, но можетъ быть за то выручитъ пятница?

Неужто же ждать до субботы? Неужто нельзя ускорить приближеніе счастливаго момента хотя на однѣ сутки.

Кто-то изъ дѣтей, — я очень долго помнилъ его имя, но теперь позабылъ, — вздохнулъ и съ дѣтскихъ простодушіемъ воскликнулъ.

— Боже мой, неужто нѣтъ никакихъ средствъ чтобы выдумать что-нибудь такое, чтобы насъ отпустили раньше!

— Нѣтъ такихъ средствъ, и если даже не ошибаюсь, то, мнѣ кажется, нѣтъ такихъ *физическихъ* средствъ, сказалъ въ отвѣтъ ему, вздохнувши, другой маленькій мальчикъ.

Замѣчательное дѣло что тогда, когда въ людяхъ было менѣе всего всякой положительности, у насъ, когда говорили о средствахъ, всегда прибавлялось что нѣтъ *физическихъ* средствъ, какъ будто въ другихъ

средствахъ, нравственныхъ и моральныхъ, тогда никто даже не сомнѣвался.

— Да, такъ; нѣтъ никакихъ физическихъ средствъ, отвѣчалъ первый маленькій мальчикъ.

— А кто это сказалъ — тотъ дуракъ, замѣтилъ возмужалымъ голосомъ нѣкто Калатузовъ, молодой юноша, лѣтъ восемнадцати, котораго нѣжные родители Богъ вѣсть для чего продержали до этого возроста дома и потомъ привезли для того, чтобы посадить рядомъ съ нами во второй классъ. Мы его звали „дядюшкой„ а онъ насъ за это билъ. Калатузовъ держалъ себя „на офицерской ногѣ“. Держать себя на офицерской ногѣ въ наше время значило: не водиться за пани-брата съ маленькими, ходить въ растегнутой курткѣ, носить неформенный галстукъ, приподниматься лѣниво когда спросятъ, отвѣчать какъ бы нехотя и басомъ, ходить въ развалку. Все это строго

запрещалось, но, не умѣю вамъ сказать какъ и почему, всегда въ каждомъ заведеніи тогдашняго времени, къ которому относится мое воспитаніе, были ученики, которые умѣли ставить себя „на офицерскую ногу“, и имъ это не воспрещалось.

XII.

Въ нашемъ классѣ одинъ Калатузовъ былъ на офицерской ногѣ. Онъ могъ у насъ бить всю мелкоту, самъ онъ былъ большой дуракъ, аппетитъ имѣлъ огромный, а къ ученію способности никакой. Это знали всѣ учителя, и потому никогда его не спрашивали, а если въ заведеніе пріѣзжало какое-нибудь начальствующее лицо, то Калатузова совсѣмъ убирали и клали въ больницу. Онъ этимъ гордился. Впрочемъ разъ было съ нимъ несчастное происшествіе: его спросилъ одинъ новый учитель. Это

былъ ново прибывшій преподаватель географіи. Производя первую перекличку, онъ вызвалъ и Калатузова.

Калатузовъ тяжело приподнялся, перевалился съ боку на бокъ, облокотился косточками правой руки на столъ и легкимъ бархатнымъ баскомъ сказалъ.

— Я полагалъ что вы вѣроятно знаете, что я ничего не знаю.

Учитель расмѣялся и отвѣчалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ я запишу вамъ нуль.

— Это какъ вы хотите, отвѣчалъ спокойно Калатузовъ, но замѣтивъ что непривычный къ нашимъ порядкамъ учитель и въ самомъ дѣлѣ намѣревается безтрепетною рукой поставить ему „котелку“, и сообразивъ, что въ силу этой отмѣтки, онъ несмотря на свое крупное значеніе въ классѣ, останется съ лѣнивыми безъ обѣда, Кала-

тузовъ немножко привалился на столъ и закончилъ:

— Вы запишете мнѣ нуль, а я на слѣдующій классъ буду все знать.

Большой ростъ дурака, его пробивающіеся усы, мужественный голосъ и странная офицерская манера держаться, рѣзко выдѣлявшая его изъ окружавшей его мелюзги, все, повидимому, возбуждало къ нему большое вниманіе новаго учителя; разсмѣявшись онъ положилъ перо и сказалъ шутливо:

— Хорошо, г. Калатузовъ, я вамъ въ такомъ случаѣ не напишу нуля, если вы обѣщаетесь знать что-нибудь.

— Вы будьте въ этóмъ увѣрены, отвѣчалъ Калатузовъ.

И вотъ пришелъ слѣдующій классъ; прочитали молитву; учитель сѣлъ за столъ; сдѣлалась тишина. Многихъ изъ насъ занимало, спроситъ или не спроситъ нынѣшній

разъ новый учитель Калатузова; а онъ его какъ разъ и зоветъ.

— Вы намъ, кажется, говоритъ, — обѣщали прошлый разъ что-то выучить?

Калатузовъ нехотя, что̀ называется, какъ воръ на ярмаркѣ, повернулся, поклонился въ одинъ бокъ плечомъ, потомъ перевалился въ другой, облокотился кистями обѣихъ рукъ о парту и медленно возгласилъ:

— Точно, я вамъ это обѣщалъ.

— Что̀ же вы знаете? спросилъ учитель.

Для Калатузова это былъ вопросъ весьма затруднительный; ему было безразлично о чемъ бы его ни спросили, потому что онъ ничего не зналъ, но онъ, нимало не смутившись, равнодушно посмотрѣлъ на свои ногти и сказалъ:

— Я все знаю.

— Все?

— Да, все, еще спокойнѣе отвѣчалъ Калатузовъ.

Учителю стало необыкновенно весело, а мы съ удовольствіемъ и не безъ зависти замѣтили, что Калатузовъ овладѣвалъ и этимъ новымъ человѣкомъ и конечно и отъ него будетъ пользоваться всякими вольностями и льготами.

— Но есть же что-нибудь такое, спросилъ его учитель, — что̀ вы особенно хорошо знаете?

— Нѣтъ, мнѣ все равно; я все одинаково знаю, отвѣчалъ ни мало не смущаясь Калатузовъ.

— Но вѣрно есть что нибудь-такое что̀ вамъ особенно пріятно разсказать. Я хочу чтобы вы сами выбрали.

— Извольте, отвѣчалъ Калатузовъ и безцеремонно нагнувшись къ своему маленькому сосѣду, взялъ въ руки географію, развернулъ ее, взглянулъ на заголовокъ статьи и сказалъ:

— Пруссію.

— Вы лучше всего знаете Пруссію?

— Да, Пруссію, отвѣчалъ Калатузовъ.

— Потрудитесь начинать.

— Извольте, отвѣчалъ Калатузовъ, и глядя преспокойно въ книгу, началъ, какъ теперь помню, слѣдующее опредѣленіе: „Бранденбургія была“, но на этомъ расхохотавшійся учитель остановилъ его и сказалъ что читать по книгѣ вовсе не значитъ знать. Калатузовъ бросилъ книгу на столъ, далъ въ обѣ стороны два кулака сидѣвшимъ около него малюткамъ и довольно громко сказалъ: „Подсказывай“.... Молодой учитель смотрѣлъ на всю эту продѣлку съ видимымъ удовольствіемъ. Его это смѣшило и тѣшило. Два маленькіе мальчика, боявшіеся своего огромнаго сосѣда, оба зажужжали: „Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства“. Такъ излагались свѣдѣнія о Пруссіи въ нашей географіи.

Жужжавшіе наперерывъ другъ предъ дру-

гомъ мальчики подсказывали однако неудовлетворительно. Калатузовъ приглнался то къ одному изъ нихъ, то къ другому и, получая вмѣсто опредѣлительныхъ словъ, какое-то жужжаніе, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ: „Одинъ подсказывай“. Сосѣдній мальчикъ справа внятно произнесъ ему: „Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства“.

— Довольно, сказалъ Калатузовъ; съ этимъ онъ откашлянулся, провелъ пальцемъ за галстухомъ, поправилъ рукой волосы, которые у него, по офицерскимъ же правиламъ, были немножко длиннѣе чѣмъ у всѣхъ насъ, и спокойно возгласилъ:

— *Пруссія есть зерно.*

— Какъ зерно? переспросилъ изумленный учитель.

— Такъ написано, отвѣчалъ Калатузовъ.

— Но позвольте же узнать, какже это?

Есть зерна ржаныя, овсяныя, пшеничныя. Какое же зерно Пруссія?

Калатузовъ подумалъ и сдѣлавъ кислую гримасу, отвѣчалъ:

— Я вамъ не могу объяснить этого какое это чортово зерно.

Вотъ этотъ-то умникъ Калатузовъ во время тайнаго разговора вечеромъ въ четвергъ Лазаревой недѣли и говоритъ: „Пустяки, говоритъ, есть физическая возможность чтобы насъ отпустили завтра утромъ; мнѣ, говоритъ, нѣтъ ничего легче доказать вамъ эту физическую возможность.

Мы стали просить чтобъ онъ намъ ее доказалъ.

— Сегодня вечеромъ, началъ внушать Калатузовъ, — за ужиномъ пусть каждый оставитъ мнѣ свой хлѣбъ съ масломъ, а черезъ полчаса я вамъ открою физическую возможность добиться того, чтобы насъ не только

отпустили завтра, но даже по шеямъ выгнали.

— Выгонятъ по шеямъ!... У насъ даже ушки отъ этого запрыгали.

— Только надо чтобы кто-нибудь взялся сдѣлать одно дѣло, продолжалъ Калатузовъ.

— Страшное? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну, не очень страшное, отвѣчалъ Калатузовъ, — но таки рискованное.

— Рискованное? крикнулъ тоненькимъ голоскомъ маленькій, чистенькій и опрятный мальчикъ, который былъ необыкновенно красивъ и котораго всѣ въ классѣ цѣловали. Онъ назывался Локотковъ.

— Рискованное? воскликнулъ Локотковъ;— я берусь за всякое рискованное дѣло.

Локотковъ былъ у насъ отчаянною головой: онъ употреблялся въ классѣ для того, чтобы передразнивать учителя Нѣмца

или приводить въ ярость и нестоиство учителя Француза. Характера онъ былъ живаго, предпріимчиваго и пылкаго.

Локоткову удавалось входить въ довѣріе къ учителю французскаго языка и коварно выводить его на посмѣшище, увѣряя его во время перевода, что сказать: „у рыбъ нѣтъ зубъ“, невозможно, а надо говорить: или „у рыбей нѣтъ зубей“ или „у рыбовъ нѣтъ зубовъ“, и т. п.

Кончалось это обыкновенно тѣмъ, что Локоткову доставался нуль за поведеніе, но ему это бывало неймется, и на слѣдующій урокъ Локотковъ снова бывало смущаетъ учителя, объясняя ему что онъ не такъ перевелъ, будто „голодный мужикъ выпилъ кувшинъ воды однимъ духомъ“.

— Однимъ духомъ невозможно пить monsieur Basel, внушалъ съ кротостію учителю Локотковъ.

— Taisez-vous, сердито кричалъ Французъ

и, покусавъ въ задумчивости губы, лепеталъ: „мужикъ le payson, выпилъ кушинъ воды однимъ.... шагомъ. Да, выговаривалъ онъ тверже, вглядываясь во всѣ дѣтскія физіономіи, именно выпилъ кушинъ воды *однимъ шагомъ*.... нѣтъ.... однимъ духомъ.... нѣтъ: однимъ шагомъ....

И раздавался снова хохотъ, и monsieur Basel снова выписывалъ Локоткову zéro. И вотъ этотъ-то веселый добродушный мальчикъ вызвался совершить рискованное предпріятіе.

XIII.

Рискованое предпріятіе, которое должно было спасти насъ и выпустить двумя днями раньше изъ заведенія, по плану Калатузова, заключалось въ томъ, чтобы ночью изъ всѣхъ подсвѣчниковъ, которые будутъ вынесены въ переднюю, накрасть огарковъ и побросать ихъ въ печки: сдѣлается де угаръ и насъ отпустятъ съ утра.

Планъ былъ простъ и геніаленъ.

Что за тревожная ночь за симъ наступила! Тишина была замѣчательная: не спалъ ни кто, но всѣ притворялись спящими. Маленькій Локотковъ, въ шерстяныхъ чулкахъ, которые были доставлены мнѣ нянею для путешествія, надѣлъ на себя мнѣ же доставленную шубку мѣхомъ навыворотъ, чтобъ испугать, если невзначай кого встрѣтитъ, и съ перочиннымъ ножикомъ и съ двумя пустыми жестяными пиналами отправился на очистку оставленныхъ подсвѣчниковъ. Походъ совершился благополучно. Локотковъ возвратился, сало украдено, но самъ воръ какъ будто занемогъ; онъ легъ въ постель и не разговаривалъ. Это было вслѣдствіе тревоги и волненія. Мы это понимали.

XIV.

На небѣ засѣрѣло туманное, тяжелое апрѣльское утро. Намъ все не спится. Еще

минута, и вотъ начинается перепархиваніе съ одной кровати на другую, начинаются нервная горячка и страхъ. На нѣкоторыхъ кроватяхъ мальчики помѣщаются подвое, и здѣсь и тамъ повсемѣстно идетъ тихій шепотъ и подсмѣиванье надъ тѣмъ что̀ будетъ и какъ будетъ. Кое-кто сообщаетъ идиллическія описанія своей деревушки, своего домика, но и между идилліями и между хохотомъ всѣ безпрестанно оборачиваются на кроватку, на которой лежитъ Локотковъ. Онъ кажется спитъ; его никто не безпокоитъ. Всѣ чувствуютъ къ нему невольное почтеніе и хотѣли бы пробудить его, но считаютъ это святотатствомъ. Кто-то тихо подкрался къ нему, посмотрѣлъ въ глаза, прислушался къ дыханію и покачалъ головой. Что̀ значитъ это неопредѣлительное покачиванье головой — никому неизвѣстно, но по дортуару тихо разносится „спитъ“. И вотъ еще минута. Всѣмъ кажется что

Локоткова пора бы наконецъ будить, но ни у кого не достаетъ рѣшимости. Наконецъ гдѣ-то далеко внизу, на крыльцѣ, завизжалъ и хлопнулъ дверной блокъ.

Это истопники несутъ дрова.... роковая минута приближается: сейчасъ начнутъ топить. Духъ занимается. У всѣхъ на умѣ одно и у всѣхъ одно движеніе будить Локоткова.

Длинный, сухой ученникъ, съ совершенно бѣлыми волосами и бѣлесоватыми зрачками глазъ, прозванный въ классѣ „бѣлымъ тараканомъ“, тихо крадется къ Локоткову и только что хотѣлъ произнести: „Локотковъ, пора!“ какъ тотъ вдругъ расхохотавшись беззвучнымъ смѣхомъ, сѣлъ на кровать и прошепталъ; „Ахъ, какіе же вы трусы! Я тоже не спалъ всю ночь, но я не спалъ отъ смѣха, а вы.... трусишки!“ и съ этимъ онъ началъ обуваться.

— Вотъ-то Локотковъ, молодчина! думали мы, съ завистью глядя на своего благороднаго, самоотверженнаго товарища.

— Вотъ-то характеръ, такъ харатеръ!

За ширмами потянулся гувернеръ, всталъ, вышелъ съ заспанымъ лицомъ, и удивился, что мы уже всѣ на ногахъ.

Въ нижнемъ этажѣ и со всѣхъ сторонъ начинается хлопанье дверей и слышится веселое трещанье затопившихся печекъ. Роковая минута все ближе и ближе. Проходя въ умывальную попарно, мы всѣ бросали значительные взгляды на топившуюся печку и держались серіозно какъ заговорщики, у которыхъ есть общая тайна.

Кровь нашу слегка леденилъ и останавливалъ мучительный вопросъ, какъ это начнется, какъ это разыграется и какъ это кончится?

XV.

Локотковъ казался серіознѣе прочихъ и даже былъ немножко блѣденъ. Какъ только мы стали собираться въ классы, онъ вдругъ началъ корчить болѣзненныя мины, и улизнулъ изъ чайной подъ предлогомъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ, извѣстныхъ подъ именемъ „надобности царя Саула“. Мы смекнули что онъ отправился на опасное дѣло, и хлебали свою теплую воду съ усугубленнымъ аппетитомъ, не нарушая ни однимъ словомъ мертваго молчанія. Локотковъ запыхавшійся, немного блѣдный, со вспотѣвшимъ носомъ и взмокшими на лбу волосами, явился въ комнату снова не болѣе какъ минутъ черезъ пять. Было большое сомнѣніе, сдѣлалъ ли онъ что-нибудь, какъ нынче говорятъ, *для общаго дѣла*, или только попытался, но струсилъ и возвратился безъ успѣха. Обѣжать въ такое короткое время

цѣлое заведеніе и зарядить саломъ всѣ печи казалось рѣшительно невозможнымъ. Устремленные со вниманіемъ глаза наши на Локоткова не могли прочесть на его лицѣ ничего. Онъ былъ видимо взволнованъ, но пилъ свой остывшій чай, не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманія. Но прежде чѣмъ мы могли добиться чего-нибудь на его лицѣ, загадка уже разъяснилась. Дверь въ нашу комнату съ шумомъ распахнулась, и Нѣмецъ-инспекторъ быстро пробѣжалъ въ сопровожденіи двухъ сторожей. Густой, удушливый чадъ полѣзъ вслѣдъ за ними по всѣмъ комнатамъ. Локотковъ быстро отворилъ печную дверку этого единственнаго покоя, гдѣ еще не было угара, и въ непотухшіе угли бросилъ горсть сальныхъ крошекъ вмѣстѣ съ кускомъ синей сахарной бумаги, въ которую онѣ были завернуты. Мы поблѣднѣли. Одинъ Калатузовъ спокойно жевалъ, какъ волъ свою жвачку, и послѣ небольшой

паузы, допивъ послѣдній глотокъ чайной бурды, произнесъ спокойно:

— А вотъ теперь за это можетъ быть кому-нибудь славная порка.

При этихъ словахъ у меня вдругъ перехватило въ горлѣ. Я взглянулъ на Локоткова. Онъ былъ блѣденъ, а рука его неподвижно лежала на недопитомъ стаканѣ чаю, который онъ только хотѣлъ приподнять со стола.

— Да, славная будетъ порка, продолжалъ Калатузовъ и, отойдя къ окну, не безъ аппетита сталъ утирать свой ротъ.

— Но кто же это можетъ открыть? робко спросилъ въ это время весь покрывшійся пунцовымъ румянцемъ Локотковъ.

— Тотъ кто домой хочетъ пораньше, отвѣчалъ Калатузовъ.

XVI.

Начальство сразу смекнуло въ чемъ дѣло, да не мудрено было это и смекнуть. Рас-

пахнулись двери, и на порогѣ, расчищая усъ, явился сторожъ Кухтинъ, который у насъ былъ даже воспѣтъ въ стихахъ, гдѣ было представленно торжественное веденіе юношей-рыцарей на казнь, при чемъ

Какъ грозный исполинъ
Шагалъ тамъ съ розгами Кухтинъ.

При видѣ этого страшнаго человѣка Локотковъ изобличилъ глубокій упадокъ духа. Стоя возлѣ него, я видѣлъ не только какъ онъ покачнулся, но даже чувствовалъ какъ трепетала на его сюртучкѣ худо пришитая пуговка и какъ его маленькія пухленькія губки сердечкомъ выбивали дробь.

Начался допросъ. Дѣти сначала не признавались, но когда директоръ объявилъ, что всѣ три низшіе классы будутъ высѣчены черезъ четыре человѣка пятый, началось смятеніе.

— Отдѣляйтесь! началъ директоръ. — Ты, первый, становись къ скамьѣ.

Одинъ робкій мальчикъ отошелъ и подвинулся къ скамьѣ. Онъ водилъ тревожными глазами по залѣ и ничего не говорилъ, но правая рука его постоянно то поднималась, то спускалась, — точно онъ хотѣлъ отдать кому-то честь. Слѣдующіе четыре мальчика были отставлены въ сторону; эти немедлено начали часто и быстро креститься. Пятый снова тихо подвигался къ скамьѣ. Это былъ тотъ блѣдный, запуганный мальчикъ, котораго звали „бѣлымъ тараканомъ“. Совсѣмъ оробѣвъ онъ не могъ идти: ноги у него въ колѣняхъ подламывались, и онъ падалъ. Кухтинъ взялъ его подъ мышку какъ скрипку, и посадилъ на полъ.

— Бросали сало? отнесся къ нему директоръ.

— Да, да, пролепеталъ.

— Кто бросалъ?

„Бѣлый тараканъ“ пошатнулся, оперся

ладонями въ полъ, и качнувъ головой прошепталъ:

— Я не знаю... всѣ..

— Всѣ? стало-быть и ты?

— Я, нѣтъ, не я.

У него видимо развязывался языкъ, и онъ готовъ былъ проговориться; но вдругъ онъ вспомнилъ законы нашей рыцарской чести, побагровѣлъ и сказалъ твердо:

— Я не знаю кто.

— Не знаешь? ну, — восписуемъ ти, раба, отвѣчалъ директоръ, толкнувъ его къ скамейкѣ, и снова отдѣлилась четверка счастливыхъ.

Въ числѣ счастливыхъ четвертаго пятка выскочилъ Локотковъ. Я замѣтилъ что онъ не раздѣлялъ общей радости другихъ товарищей избѣгавшихъ наказанія; онъ не радовался и не крестился, но то поднималъ глаза къ небу, то спускалъ ихъ внизъ, дрожалъ и кусая до крови ногти и губы шеп-

талъ: „Подъ твою милость прибѣгаемъ Богородица Дѣва“.

У насъ было повѣрье, что для того, чтобы избѣжать наказанія, или чтòбы оно по крайней мѣрѣ было легче, надо было читать про себя эту молитву. Локотковъ и шепталъ ее, а между тѣмъ къ роковымъ скамейкамъ было отдѣлено человѣкъ двадцать. Калатузовъ былъ избавленъ отъ общей участи. Онъ стоялъ въ ряду съ большими, къ которымъ могли относиться однѣ увѣщательныя мѣры. Надъ маленькими началась экзекуція. Я былъ въ числѣ счастливыхъ, и стоялъ зрителемъ ужаснаго для меня тогда зрѣлища. Стоны, вопли, слезы и верченья истязуемыхъ дѣтей поднимали во мнѣ всю душу. Я сперва началъ плакать слезами, но вдругъ разрыдался до истерики. Меня хотѣли выбросить вонъ, но я крѣпко держался за товарищей, стиснулъ зубы и рѣшился ни за что не уходить. Мнѣ ка-

залось что происходитъ дѣло безчеловѣчное, за которое всѣ мы, какъ рыцари, должны были вступиться. Высѣчены уже были два мальчика и хотѣли наказывать третьяго. Въ это время Локотковъ, бѣлѣе полотна, вдругъ началъ шевелиться, и чуть только раздался свистъ прутьевъ надъ третьимъ тѣломъ,— онъ быстро выскочилъ впередъ и заговорилъ торопливымъ безсвязнымъ голосомъ:

— Позвольте, позвольте... это я бросилъ сало...

XVII.

Кухтинъ пересталъ сѣчь; тевтонскій клювъ директора вытянулся и онъ сквозь очки остро вóззрился на блѣднаго Локоткова; въ группѣ учениковъ пробѣжалъ тихій ропотъ, и на мгновеніе все затихло.

— Ты? спросилъ директоръ. — Ты самъ сознаешься?

— Я, твердо отвѣчалъ Локотковъ. — Я самъ сознаюсь: сѣките меня одного.

— Онъ? обратился директоръ къ ученикамъ.

Дѣти молчали. Нѣкоторые только, покашливая, слегка поталкивали другъ друга. На нѣсколькихъ лицахъ какъ бы мелькнула какая-то нехорошая рѣшимость, но никто не сказалъ ни слова.

— А, вы такъ! сказалъ директоръ,—тогда я буду сѣчь васъ всѣхъ, всѣхъ, поголовно всѣхъ!

И, — представьте себѣ мою прелестнѣйшую минуту въ этомъ гадкомъ воспоминаніи! насъ всѣхъ маленькихъ дѣтей точно проникла одна электрическая искра, мы всѣ рванулись къ Локоткову и закричали:

— „Да, да, сѣките насъ всѣхъ, всѣхъ сѣките, а не его“!

Директоръ закричалъ, затопалъ, далъ нѣсколькимъ, ближе къ нему стоявшимъ, звонкія пощечины, и тутъ-вдругъ начальство перешло отъ угрозы къ самымъ лукавымъ соблазнамъ.

— Это не можетъ быть, сказалъ директоръ, — чтобы вы всѣ были такъ безнравственны, низки, чтобы желать подвергнуть себя такому грубому наказанію. Я увѣренъ что между вами есть благородные, возвышенные характеры, и начальство вполнѣ полагается на ихъ благородство: я отношусь теперь съ моимъ вопросомъ именно только къ такимъ, и кто истинно благороденъ, кто мнѣ объяснитъ эту исторію, тотъ поѣдетъ домой сейчасъ же, сію же минуту!

Едва кончилась эта сладкая рѣчь, какъ изъ заднихъ рядовъ вышелъ Калатузовъ и началъ разказывать все по порядку ровнымъ и тихимъ голосомъ. По мѣрѣ того какъ онъ разсказывалъ, я чувствовалъ что по тѣлу моему разсыпается какъ будто горячій песокъ, уши мои пылали, верхніе зубы совершенно сцѣплялись съ нижними; рука моя бозотчетно опустилась въ карманъ панталонъ, достала оттуда небольшой перо-

чинный ножикъ, который я тихо раскрылъ и не взвидя вокругъ себя свѣта, бросился на Калатузова и вонзилъ въ него....

Это было дѣломъ одного мгновенія, предъ которымъ другіе три или четыре мгновенія я не давалъ себѣ никакого отчета. Я опомнился и пришелъ въ себя спустя три недѣли въ незнакомой мнѣ комнатѣ, и увидѣлъ предъ собою доброе, благословленное лицо моей матери. У изголовья моего стоялъ меленькій столикъ съ лѣкарственными бутылочками; окна комнаты были завѣшены; вездѣ царствовалъ полусвѣтъ. Въ углу моя няня тихо мочила въ полоскательной чашкѣ компрессы. Я хотѣлъ что-то сказать, но мать погрозила мнѣ пальцемъ и положила этотъ блѣдный палецъ на мои почернѣвшія губы.

— Я знаю что́ ты хочешь спросить, сказала мнѣ мать. — Забудь все: мы теперь живемъ здѣсь въ гостинницѣ, а *туда* ты больше не поѣдешь.

Меня взяли изъ заведенія и отвезли въ другое, въ Москву, гдѣ меня не били, не сѣкли, но гдѣ за то не было плѣнявшаго меня рыцарскаго духа. Отсюда, семнадцати лѣтъ, я выдержалъ экзаменъ въ Московскій университетъ. Я былъ смиренъ и тихъ; боялся угрозъ, боялся шутокъ, бѣжалъ отъ слезъ людскихъ, бѣжалъ отъ смѣха и складывался чудакомъ; но отъ сюрпризовъ и внезапностей все-таки не спасался; напротивъ, по мѣрѣ того какъ я подросталъ, сюрпризы и внезапности въ моей жизни все становились серіознѣе и многозначительнѣе. Начинаю вамъ теперь мой университетскій анекдотъ: отчего я хорошо учился, но не доучился.

XVIII.

Время моего студенчества было славное время Московскаго Университета, про которое нынче такъ кстати и не кстати ча-

сто воспоминаетъ наша современная литература. Я съ самаго перваго дня былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ фуксовъ. Домой къ матушкѣ я ѣздилъ только однажды въ годъ. Одинъ разъ я уже гостилъ, у ней, несказанно радуя ее моимъ голубымъ воротникомъ; другая побывка домой предстояла мнѣ слѣдующимъ лѣтомъ. Переписывались мы съ матушкой часто; она была покойна и очень довольна своимъ положеніемъ у дяди: онъ былъ чудакъ, но человѣкъ предобрый, что́ однако не мѣшало ему порою сердить и раздражать мою мать. Такъ онъ, напримѣръ, въ тотъ годъ какъ я былъ въ университетѣ, въ Свѣтлый праздникъ прислалъ матери самый странный подарокъ: это былъ запечатанный конвертъ, въ которомъ оказался билетъ на могильное мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ. Шутка съ этимъ подаркомъ необыкновенно встревожила мою немного мнительную мать; она мнѣ горько жаловалась

на дядино шутовство и видѣла въ этомъ что-то пророческое. Я ее успокоивалъ, но безъ успѣха.

Между тѣмъ, во ожиданіи лѣта, когда я снова падѣялся увидѣться съ матушкой, я долженъ былъ перемѣнить квартиру. Это обусловлялось случайностію. Въ семейство, въ которомъ я жилъ, пріѣхала одна родственница, и комната которую я занималъ понадобилась хозяевамъ. Я пустился на поиски себѣ новаго жилища. Дѣло это конечно не трудное и не головоломное, но злая судьба меня подстерегла. Должно вамъ сказать, что въ первый разъ, когда я пустился на эти поиски, мнѣ мерещилось, какъ бы я не попалъ въ какое-нибудь дурное мѣсто. Я зналъ много расказовъ о нехорошихъ людяхъ, нехорошихъ обществахъ и боялся попасть въ эти общества частью потому что не любилъ ихъ, чувствовалъ къ нимъ отвращеніе, частью же потому что боялся быть обиженнымъ. Я

всегда былъ характера кроткаго, и прошу васъ не судить обо мнѣ по моей гимназической исторіи. Ножъ и мечъ вообще рукѣ моей несвойственны, хотя судьба въ насмѣшку надо мною влагала въ мои руки и тотъ и другой. Я могъ вспыхивать только на мгновеніе, но вообще всегда былъ человѣкъ свойствъ самыхъ миролюбивыхъ, и обстоятельства моего дѣтства и отрочества сдѣлали меня даже меланхоликомъ и трусомъ до того что, — я по истинѣ вамъ говорю, — боялся даже перемѣнить себѣ квартиру. Но это было необходимо; я крайне стѣснялъ увеличившуюся семью моего хозяина до того, что онъ шутя сказалъ мнѣ:

— Ну, дружокъ Орестъ Марковичъ, воля твоя, а если честью оть насъ не выйдешь, я тебя съ полиціей вытравлю!

Удалиться было необходимо, и я на это рѣшился....

XIX.

И вотъ не успѣлъ я выйти на свои поиски, какъ вижу, передо мною вдругъ стала какая-то старушка.

— Батюшка мой, говоритъ, — не квартиру ли ищешь?

— Господи, словно благодѣтельная волшебница, думаю: — узнала въ чемъ я затрудняюсь и стремится помочь мнѣ.

— Да, говорю, вы отгадали: я ищу кваррути

— А у насъ голубчикъ, тутъ въ домѣ для тебя какъ разъ есть прекрасная комната. И съ этимъ словомъ добродушная старушка взяла меня за руку и подвела меня къ обитой чистою зеленою клеенкой двери, на которой была медная дощечка, въ тогдашнее время составлявшая еще въ Москвѣ довольно замѣчательную рѣдкость. На

этой дощечкѣ французскими литерами было написано: „Lèonide Postelnikoff, Capitaine“.

— Вотъ тутъ онъ, — говоритъ, — родной мой, Леонидъ-то Григорьевичъ. Онъ ей Марьѣ Григорьевнѣ, хозяйкѣ нашей, братъ доводится. Ты звякни, онъ и отопрется.

И съ этимъ словомъ старушка сама позвонила и добавила: — она теперь сама-то, Марья Григорьевна, потерямши мужа, въ разстройствѣ; а онъ ея дѣлами управляетъ; онъ и комнату сдаетъ; съ нимъ покалякай, и тебѣ здѣсь хорошо-прехорошо будетъ.

За стѣной послышались шаги, щелкнула задвижка, и въ двери показался высокій человѣкъ, одѣтый въ сѣрый нанковый казакинъ. По усамъ, по полувоенному казакину и по всей манерѣ въ этомъ человѣкѣ не трудно было узнать солдата.

— Къ барину они, Климъ Степановичъ, заговорила къ нему моя старушка. — Квартиру у Марьи Григорьевны снять желаютъ.

И, толкнувъ меня въ спину, старушка зашлепала внизъ, по лѣстницѣ, а я очутился въ небольшой свѣтлой передней, въ которой меня прежде всего поразила необыкновенно изящная чистота и, такъ-сказать, своеобразная женственность убранства. Такъ, въ этой передней стоялъ мягкій диванчикъ, обитый свѣтленькимъ ситцемъ; вѣшалки не было, но вмѣсто нея громоздился высокій платяной шкафъ, какъ бываетъ въ небольшихъ квартирахъ, гдѣ живутъ одинокія женщины. Возлѣ шкафа, на столикѣ, стоялъ подносъ съ графиномъ свѣжей воды и двумя стаканами. На окнѣ были два горшка гортензій и чистенькая проволочная клѣтка, съ громко трещавшею калужскою канарейкой, а въ углѣ — пяльцы.

Изъ дверей открылась другая комната, болѣе обширная и окрашенная розовою краской самаго пріятнаго цвѣта. Чистота этой комнаты еще болѣе бросалась

въ глаза. Крашеные полы были налощены, мебель вся свѣтилась, диванъ былъ весь уложенъ гарусными подушками, а на большомъ столѣ, подъ лампой, красовалась большая гарусная салфетка; такія же меньшія вышитыя салфетки лежали на другихъ меньшихъ столикахъ. Всѣ окна уставлены цвѣтами, и у двухъ оконъ стояли два очень красивые, самой затѣйливой, по тогдашнему времени, работы дамскіе рабочіе столика: одинъ темнаго, эбеноваго дерева, съ перламутровыми инкрустаціями; другой изъ мелкаго узорнаго паркета.

Человѣкъ въ сѣромъ казакинѣ ввелъ меня въ эту комнату и, попросивъ подождать, ушелъ въ другую дверь, далѣе. Дверь эта была полуотворена, и открывала покой еще болѣе веселый и свѣтлый: свѣтло-голубыя, небеснаго цвѣта, стѣны его такъ и выдвигались. Всего убранства этого новаго покоя я не могъ разсмотрѣть, потому что ви-

дѣлъ только одинъ уголокъ, но замѣтилъ тамъ и горки, и этажерки, и статуэтки. Судя по обстановкѣ квартиры, я рѣшительно не могъ объяснить себѣ куда это я попалъ. Но прежде чѣмъ пришелъ на этотъ счетъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ, человѣкъ въ сѣромъ казакинѣ попросилъ меня въ кабинетъ.

— Такъ это кабинетъ, подумалъ я, — и направясь по указанію, очутился въ этой небесной комнатѣ, пріюту и убранству которой въ самомъ дѣлѣ можно было позавидовать. Та же несказанная, невыразимая чистота, свѣтлая, веселенькая мебель, какая уже теперь рѣдко встрѣчается, или какую можно только встрѣтить у охотниковъ работать колькомани; вся эта мебель обита свѣтлымъ голубымъ ситцемъ, голубые ситцевые занавѣсы, съ подзорами на окнахъ, и дорогой голубой, шелковый пологъ надъ широкою двуспальною постелью. По угламъ

были, какъ я сказалъ, вездѣ горки и этажерки, уставленныя самыми затѣйливыми фигурками, по преимуществу женскими и разумѣется, обнаженными. Дорогой пологъ надъ кроватью былъ перетянутъ черезъ толстое золотое кольцо, которое держалъ въ лапахъ огромный вызолоченый орелъ. Въ углу былъ красивый трехъ-ярусный образникъ, и предъ нимъ темнаго дерева аналой, съ зелеными бархатными подушками. Словомъ, это было маленькое небо; не доставало только небожителя. Но и его собственно не недоставало: онъ былъ тоже здѣсь налицо, но только я его сразу не разсмотрѣлъ.

XX.

— Ахъ, приношу вамъ сто извиненій! услышалъ я почти изъ-за своего собственнаго плеча, и обернувшись, увидѣлъ предъ дам-

скимъ туалетомъ, какой привыкъ видѣть въ спальнѣ моей матери.... какъ вамъ сказать, кого я увидѣлъ? Иначе не могу выразиться, какъ увидѣлъ уже самаго настоящаго купидона. Увидѣлъ и.... растерялся, да и было отъ чего. Вы, конечно помните, что я долженъ былъ встрѣтить здѣсь *капитана;* но представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ предъ туалетомъ какое-то голубое существо, — таки все — все сплошь голубое; голубой воротникъ, голубой сюртукъ, голубыя рейтузы, — однимъ словомъ, все голубое, съ легкою болокурою головкой, въ бѣломъ спальномъ дамскомъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались небольшія золотистыя кудерьки въ бумажныхъ папильйоткахъ. Я просто никакъ не могъ себѣ уяснить что́ это — мущина или женщина. Но въ это время купидонъ обернулъ ко мнѣ свою усыпанную папильйотками голову, и я увидѣлъ круглое, нѣжное, матовое личико,

съ нѣжнымъ пушкомъ на верхней губѣ, защипнутымъ у угловъ устъ вверхъ тоненькими колечками. За этою работой, за завертываніемъ усиковъ, я собственнно и засталъ моего купидона.

— Приношу вамъ пятьсотъ извиненій что я васъ принимаю за туалетомъ: я спѣшу сегодня въ нарядъ, заговорилъ купидонъ,— и у меня едва есть нѣсколько минутъ на всѣ сборы; но эти минуты всѣ къ вашимъ услугамъ. Мнѣ сказали что вы хотите занять комнату у сестры Маши? Это прекрасная комната, вы будете ею очень довольны.

— Да, отвѣчалъ я, — мнѣ нужна комната, и мнѣ сказали....

— Кто вамъ сказалъ?

— Не знаю.... какая-то старушка....

— Ахъ, это вѣрно Авдотьюшка; да, у сестры прекрасная комната; сестра моя— это не изъ барышей отдаетъ, она недавно

овдовѣла, такъ только чтобы не въ пустой квартирѣ жить; Вамъ будетъ прекрасно: тамъ тишина невозмутимая. Скучно можетъ-быть?

— Я, говорю, этого не боюсь.

— А не боитесь, такъ и прекрасно; а соскучитесь — пожалуйте во всякое время ко мнѣ, я всегда радъ. Вы студентъ? Я страшно люблю студентовъ. Самъ въ университетѣ не былъ, но къ студентамъ всегда чувствую слабость. Да что̀! Какъ и иначе-то? Это наша надежда. Молодой народъ, а между тѣмъ у нихъ всѣ идеи и мысли.... а притомъ же вы сестринъ постоялецъ, такъ стало быть все равно что свой. Не правда ли?

Я очень затруднялся отвѣчать на этотъ потокъ краснорѣчія, но купидонъ и не ждалъ моего согласія.

— Эй, Климъ! крикнулъ капитанъ—Климъ!

Онъ при этомъ ударилъ два раза въ ладоши и крикнулъ:

— Трубочку поскорѣе, трубочку и шо-

колатъ.... Двѣ чашки шоколату.... Вы выкушаете? спросилъ онъ меня, и не дождавшись моего отвѣта, добавилъ: — Я чаю и кофе терпѣть не могу: чай дѣйствуетъ на сердце, а кофе, — на голову; а шоколатъ живитъ.... Приношу вамъ тысячу извиненій, что мы такъ мало знакомы, а я позволяю себѣ шутить.

Съ этимъ онъ схватилъ меня за колѣно, приподнялся, отодвинулъ немного табуретку и, придвинувшись къ зеркалу, началъ тщательно вывертывать изъ волосъ папильйотки.

— Приношу вамъ двѣ тысячи извиненій что задерживаю васъ, но все это сейчасъ кончится.... мнѣ и самому некогда... Климъ, шоколату!

Климъ подалъ шоколадъ.

Я поблагодарилъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! У насъ на Руси отъ хлѣба-соли не отказываются. Въ Англіи со-

рокъ тысячъ даютъ чтобъ было хлѣбосольство, да нѣтъ, — сами съ голоду умираютъ, а у насъ отечество кормитъ. Извольте кушать.

Дѣлать было нечего, я принялъ чашку.

XXI.

— Вонъ ваша комната-то, всего два шага отъ меня, заговорилъ капитанъ. — Видите, на извощика ко мнѣ ужь не много истратите. Вонъ видите тотъ флигель, налѣво?

Я приподнялся, взглянулъ во окно и отвѣчалъ что вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите пожалуйста къ окну.

— Да я и отсюда вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите; тутъ есть маленькій фокусъ. Видите,—прекрасный флигелекъ. У насъ, впрочемъ, и вообще весь дворъ въ порядкѣ. Прежде этого не было. Хозяйка

была страшная скареда. Я здѣсь не жилъ; сестра моя здѣсь прежде поселилась; я къ ней и хаживалъ. Хозяйка, вотъ точно также какъ сестра теперь, лѣтъ пять тому назадъ овдовѣла. Купчиха, ничего себѣ, — эдакая, всегда довольно жантильная была, съ манерами, потому что она изъ актрисъ, но тяготилась и вдовствомъ, и управлять домомъ; а я, какъ видите, люблю жить чисто, — не правда ли? Что? Я вѣдь, кажется, чисто живу? Правда-съ?

— Да, отвѣчаю я, — правда.

— Кажется правда, и это съ самаго дѣтства. Познакомитесь съ сестрой, она вамъ все это разкажетъ; я всегда, всегда любилъ чистоту, и еще въ кадетскомъ корпусѣ ею отличался. Кто тамъ что́ ни говорилъ, а военное воспитаніе.... нельзя не похвалить его; разумѣется не со всѣхъ сторонъ: съ другихъ сторонъ университетъ можетъ быть лучше; но съ другой стороны....

всегда щеточка, гребенка, маленькое зеркальце въ карманѣ, и я всегда этимъ отличался. Я, бывало, приду къ сестрѣ, да и говорю: какъ это у васъ все грязно на дворѣ! Пять тысячъ извиненій, говорю, приношу вамъ, но просто въ свинушникѣ живете. Хозяйка иногда хаживала къ сестры... ну, и... сестра ей шутила: вотъ, говоритъ вамъ бы какого мужа. Шутя, конечно, потому что моя сестра знаетъ мои правила, что я на купчихѣ не женюсь, но наши знаете всегда больше женятся на купчихахъ, такъ ужъ тѣ это такъ и разсчитываютъ. Однако же я совсѣмъ не такой, потому что я къ этой службѣ даже и неспособенъ; но та развѣсила уши. Ну куда же, скажите пожалуйста, мнѣ жениться — приношу вамъ двадцать тысячъ извиненій, — да еще жениться на купчихѣ?... Нѣтъ, говорю, я жениться не могу; но порядокъ дѣйствительно моя пассія, и домомъ управлять я согласенъ.

Она мнѣ и предложила вотъ эту квартиру. Квартира конечно очень не велика. Передняя что́ вы видѣли, залъ, да вотъ эта комната; но вѣдь съ одного довольно, а деньщикъ мой въ кухнѣ; но я и кухоньку выправилъ, такъ что не стыдно; Климъ у меня не такъ какъ у другихъ. Вотъ вы его видѣли; спросите его потомъ когда-нибудь, пожалуется ли онъ на меня? Климъ! крикнулъ онъ громко, — Климъ!

Въ дверяхъ показался сѣрый Климъ.

— Доволенъ ты мной, или нѣтъ? Не бойся меня, отвѣчай имъ такъ какъ бы меня здѣсь не было.

— Много доволенъ, ваше благородіе, отвѣчалъ деньщикъ.

— Ахъ, ты, скотина! Постельниковъ самодовольно улыбнулся и, махнувъ деньщику рукой, добавилъ: — Ну и только, и ступай теперь къ своему мѣсту: готовь шинель. На меня никто не жалуется, продолжалъ

капитанъ, обратясь ко мнѣ. — Я всѣмъ, кому я что могу сдѣлать, дѣлаю. Отчего же, скажите, и не дѣлать? Вѣдь эгоизмъ, — я приношу вамъ сто тысячъ извиненій — я вашихъ правилъ не знаю, но я откровенно вамъ скажу: я терпѣть не могу эгоистовъ.

XXII.

Потокъ этихъ словъ былъ сплошной и неудержимый, и даже увлекательный, потому что голосъ у Леонида Григорьевича былъ необыкновенно мягкій, тихо вкрадчивый, слова произносимыя имъ выходили какія-то кругленькія, и катились словно орѣшки по лубочному желобку. На меня отъ его говора самымъ неприличнымъ образомъ находилъ неодолимѣйшій магнетическій сонъ. Подъ обаяніемъ этого рокота, я даже съ удовольствіемъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ, съ удовольствіемъ созерцалъ моего ку-

пидона и слушалъ его рѣчи, а онъ продолжалъ развивать передо мной и свои мысли, и свои папильйотки.

— Хозяйка, продолжалъ онъ, — живетъ тутъ внизу, но до нея ничто не касается; всѣмъ управляю я. И сестра теперь тоже, и о ней надо позаботится. У меня, по правдѣ сказать, не малая опека, но я этимъ не тягощусь, и вы будьте покойны. Вы сколько платили на прежней квартирѣ?

Я сказалъ сколько я платилъ.

— О, мы устроимъ васъ у сестры даже гораздо дешевле и вѣрно гораздо лучше. Вы студентъ, а въ той комнатѣ вы будете жить, все даже располагаетъ къ занятіямъ. Я оттуда немножко отдаляюсь, потому что я жизнь люблю, а сестра теперь, послѣ мужниной смерти, совсѣмъ, какъ она говоритъ, „предалась Богу“; но не суди, да не сужденъ будеши. Впрочемъ, опять говорю, тамъ бѣсовъ изгоняютъ ладаномъ, а вы,

если когда захотите посмотрѣть бѣсовъ, ко мнѣ милости просимъ. Я знаете, живу молодымъ человѣкомъ, потому что юность дважды не приходитъ, и я васъ познакомлю съ прекрасными дамочками.... я не ревнивъ; нѣтъ, что̀ ихъ ревновать! — Онъ, махнувъ рукой, развернулъ послѣднюю папильйотку и, намочивъ лежавшее возлѣ него полотенце одеколономъ, обтеръ себѣ руки и заключилъ: а теперь, прошу покорно, въ вашу комнату. Времени уже совсѣмъ нѣтъ, а мнѣ еще надо завернуть въ одно мѣстечко. Климъ! громко крикнулъ онъ, хлопнувъ въ ладоши и, пристегнувъ аксельбанты, направился чрезъ гостиную.

Я шелъ за нимъ молча, не зная на что̀ и для чего я все это дѣлалъ. Въ передней стоялъ Климъ, держа въ рукахъ сѣрую шинель и фуражку. Хозяинъ мой взялъ у него эту шинель изъ рукъ и молча указалъ ему на мою студенческую шинель; я торопливо

накинулъ ее на плечи и мы вышли, прошли черезъ дворъ и остановились у двери обитой уже не зеленою сіяющею клеенкой, а темнымъ, толстымъ, сѣрымъ сукномъ. Звонокъ здѣсь висѣлъ на довольно широкомъ черномъ ремнѣ, и когда капитанъ потянулъ за этотъ ремень, намъ послышался не веселый, дребезжащій звукъ, а какъ бы ударъ маленькаго колокола, когда онъ ударяетъ отъ колеблемой вѣтромъ веревки. Прошла минута, намъ никто не отворялъ. Постельниковъ снова дернулъ за ремень. Снова раздался заунывный звукъ и дверь неслышнымъ движеніемъ проползла по полу и распахнулась. Предъ нами стояла старушка, бодренькая, востроносенькая, покрытая темнымъ коричневымъ платочкомъ. Капитанъ освѣдомился дома ли сестра и есть ли у нея кто-нибудь.

— Есть-съ, отвѣчала старушка.

— Монахи?

— Отецъ Варлаамій и Евстигнея съ Филаретушкой.

— Ну, вотъ и прекрасно! Пусть они себѣ тамъ и сидятъ. Скажи: постояльца рекомендую знакомаго. Это необходимо, добавилъ онъ мнѣ шепотомъ и тотчасъ же снова началъ вслухъ:—Вотъ видите, налѣво, этотъ корридоръ? тамъ у сестры три комнаты; въ двухъ она живетъ, а третья тамъ у нея образная; а это вотъ прямо дверь,— тутъ кабинетъ зятевъ былъ; вотъ тамъ въ нее и ходъ; а это и есть ваша комната. Глядите, заключилъ онъ, распахивая передо мной довольно высокія бѣлыя двери въ комнату, которую дѣйствительно можно было назвать прекрасною.

XXIII.

Комната, предлагаемая мнѣ голубымъ купидономъ, была большой наугольный покой

въ два окна съ одной стороны, и въ два съ другой. Весь онъ выходилъ въ большой густой садъ, деревья котораго обѣщали весной и лѣтомъ много прохлады и тѣни. Стѣны комнаты были оклеены дорогими коричневыми обоями, на которыхъ милліонъ разъ повторялась одна и та же буколическая сцена между пастухомъ и пастушкой. Въ углу стоялъ большой образъ, и предъ нимъ тихо мерцала лампада. Вокругъ стѣнъ выстроилась тяжелая мебель краснаго дерева съ бронзой, обитая темнокоричневымъ сафьяномъ. Два овальные стола были покрыты коричневымъ сукномъ; бюро краснаго дерева, съ бронзовыми украшеніями; дальше, письменный столъ и кровать въ альковѣ, задернутая большимъ вязанымъ ковромъ; однимъ словомъ, такая комната какой я никогда и не думалъ найти за мои скромныя деньги. Неудобствъ, казалось, никакихъ.

Несмотря на то что мы только что всту-

пили въ эту комнату, тишина ея уже оказывала на меня свое пріятное дѣйствіе. Это дѣйствительно была глубокая и спокойная тишина, охватывающая собой человѣка съ первой же минуты. Въ добавокъ ко всему этому, въ комнатѣ слышался слегка запахъ роснаго ладану и смирны, что́ я очень люблю.

Капитанъ Постельниковъ замѣтилъ что этотъ запахъ не ускользнулъ отъ меня, и сказалъ:

— Запахецъ конечно есть; но́ какъ на чей взглядъ, а на мой все-таки это не Богъ вѣсть какое неудобство. А за то, я вамъ говорю, эта Василиса,—старушка, которую вы видѣли, — предобрая, и сестра предобрая. Богомольная только, ну да что́ же вамъ до этого? Я, разумѣется, не знаю вашихъ правилъ, но я никогда открыто противъ религіи не возражаю. Къ чему? Всѣхъ вдругъ не просвѣтишь. Это все само собой имѣетъ свое теченіе и окончится. Я богомольнымъ

не возражаю. Вы даже, можетъ-быть, замѣтили, у меня у самого есть лампады? Я ихъ самъ жгу. Что́же такое? Это вѣдь въ существѣ ничему не мѣшаетъ, а есть люди для которыхъ это очень важно.. Вы можете этому не повѣрить, но это именно такъ: вотъ, не далеко ходить, хоть бы сестра моя, рекомендую: если вы съ ней хорошенько обойдетесь, да этакъ иногда кстати пустите при ней о чемъ-нибудь божественномъ, такъ случись потомъ и недостатокъ въ деньгахъ, она и денегъ подождетъ: а заговорите съ ней по модному, что „молъ Богъ—пустяки, я знать Его не хочу,“ или что-нибудь такое подобное, сейчасъ и провалъ, а..... а особенно на нашей службѣ.... этакою откровенностію даже все можно потерять сразу.

— Сестра! крикнулъ капитанъ, стукнувъ въ стѣну,—вели Василисѣ чрезъ два часа здѣсь все освѣжить; къ тебѣ придетъ твой постоялецъ, мой хорошій знакомый. Это не-

обходимо, опять сказалъ онъ мнѣ шепотомъ.

— А какъ васъ зовутъ?

Я назвалъ мое имя.

— Его зовутъ Орестъ Марковичъ Ватажковъ; запиши у себя, а теперь мы съ нимъ ѣдемъ. И съ этимъ Постельниковъ надѣлъ посреди комнаты фуражку и повлекъ меня за собою.

XXIV.

Черезъ ту же лѣстницу, мы снова спустились на дворъ, гдѣ я хотѣлъ раскланяться съ Постельниковымъ, не имѣя впрочемъ никакого опредѣленнаго плана ни переѣзжать на квартиру къ его сестрѣ, ни улизнуть отъ него; но Леонидъ Григорьевичъ предупредилъ меня и сказалъ:

— Нѣтъ, вы что же? развѣ вы куда-нибудь спѣшите?

— Да, немножко.

— Ну, немножко ничего.... Вы въ какую сторону?

Я сказалъ.

— Ахъ, Боже мой, намъ почти по дорогѣ. Немножко въ сторону, да отчего же? Для друга семь верстъ не околица, а я,— прошу у васъ шестьдесятъ тысячъ извиненій,—можетъ быть и не имѣю еще права вполнѣ называться вашимъ другомъ, но надѣюсь что вы не откажете мнѣ въ небольшой услугѣ.

— Охотно, говорю, если только могу.

— О, очень можете, а я вамъ сдѣлаю услугу за услугу.

Съ этими словами мы снова очутились у знакомой зеленой двери капитановой квартиры. Онъ нетерпѣливо дернулъ звонокъ, и вскочивъ на минуту, дѣйствительно тотчасъ же выскочилъ назадъ. Въ рукахъ его была женская картонка, въ какихъ обыкновенно модистки носятъ дамскія шляпы, большой

конвертъ и длинный тонкій свертокъ. Изъ этого свертка торчала зонтичная ручка.

— Вотъ, обратился онъ ко мнѣ,—потрудитесь это подержать, только держите осторожнѣе, потому что тутъ цвѣты, а тутъ,— я разумѣется приношу вамъ сто тысячъ извиненій, но вѣдь ужь вамъ все равно,— такъ тутъ зонтикъ. Но, Боже мой, что же это такое? воскликнулъ капитанъ взглянувъ на этотъ зонтикъ.

— Вотъ проклятая разсѣянность! Эта проволочка такъ и осталась не спиленною! Климъ, скорѣе напилокъ! и капитанъ быстро однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя шинель, присѣлъ верхомъ на стулъ, съ большимъ мастерствомъ укрѣпилъ къ столбику стула зонтикъ и началъ быстро отпиливать небольшой кусокъ проволоки.

— Я люблю эту работу, говорилъ онъ мнѣ, между дѣломъ.—Я вамъ скажу: въ наши лѣта все въ магазинахъ для дамъ поку-

пать; — это чортъ возьми, накладно, да и что тамъ купишь? Все самое обыкновенное и въ три-дорога; а я этакъ, все какъ-нибудь, у Сухаревой башни, да на Смоленскомъ.... очень пріятно, въ родѣ прогулки и вещи подержаныя не дорого, а ихъ вотъ самъ починю, выправлю, и презентую... Вы увидите какъ мы заживемъ, — жаловаться не будете. Я вотъ васъ сейчасъ подвезу до Никитскихъ воротъ и попрошу о маленькомъ одолженіи, а самъ поскорѣе на службу; а вы за то заведете первое знакомство, и въ то же время вамъ будетъ оказана услуга за услугу.

Я совсѣмъ не зналъ что со мною дѣлаютъ. У подъѣзда стояла гнѣдая лошадка, запряженная въ небольшія дрожечки. Мы сѣли и понеслись. Во всю дорогу до Никитскихъ вороть капитанъ говорилъ мнѣ о своемъ житьѣ, о службѣ, о бывающихъ у него хорошенькихъ женщинахъ, о томъ какъ онъ весело живетъ, и вдругъ остановилъ

кучера, указалъ мнѣ на одни ворота и сказалъ:

— Вотъ тутъ, я васъ усердно прошу, спросить прямо по лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ, перчаточницу Марью Матвѣевну; отдайте ей эти цвѣты и зонтикъ, а коробочку эту Лизѣ, блондинкѣ; приволокнитесь за нею смѣло: она самое безкорыстнѣйшее существо и очень влюбчива, вздохните глядя ей въ глаза, да руку къ сердцу, она и загорится; а пока au revoir.

И прежде чѣмъ я нашелся что-нибудь отвѣтить, капитанъ Постельниковъ уже исчезъ изъ моихъ глазъ.

XXV.

Должно вамъ сказать что всѣ эти порученія, которыя надавалъ мнѣ капитанъ Постельниковъ, конечно были мнѣ вовсе не по нутру, и я несмотря на всю излишнюю мягкость моего характера и на апатію, или

на полусонное состояніе, въ которомъ я находился во все время моихъ разговоровъ съ капитаномъ, все-таки хотѣлъ возвратить ему всѣ эти порученности; но, какъ я сказалъ, это было уже невозможно.

Слѣдующею мыслью, которая мнѣ пришла за этимъ, было возвратиться назадъ и отнести все это на его квартиру и отдать его Климу. Я находилъ что это всего достойнѣе; но, къ крайнему моему удивленію, сколько я ни звонилъ у капитанской двери, мнѣ ея никто не отперъ. Я отправился было въ квартиру его сестры, но здѣсь на двукратно повторенный мною звонокъ мнѣ отперъ двери полный румяный монахъ и съ соболѣзнующимъ взглядомъ въ очахъ проговорилъ:

— Великодушно извините: Марья Григорьевна по-затрапезно опочили, услужающихъ ихъ дома нѣтъ, а мы приходящіе ничего принять не можемъ.

— Чортъ знаетъ что такое. Э, думаю, была не была, пойду ужь и сдамъ скорѣй все по адресу.

И вотъ я снова взялъ извощика и поѣхалъ къ Никитскимъ воротамъ.

Нѣтъ никакой нужды разказывать что за особъ встрѣтилъ я въ тѣхъ дѣвицахъ, которымъ передавалъ посланныя черезъ меня вещи. Довольно сказать что все это было свѣжо, молодо, и на тогдашній юный неразборчивый мой вкусъ, очень приглядно, а главное — безцеремонно и простодушно. Я попалъ на именины и хотѣлъ разумѣется сейчасъ же отсюда и уйти; но меня схватили за руки и буквально, силой усадили за пирогъ, а пока мы ѣли пирогъ, явился внезапно освободившійся отъ своихъ дѣлъ капитанъ Постельниковъ и съ нимъ мущина съ страшными усищами: это былъ поэтъ Трубицынъ. Кончилось все это для меня тѣмъ, что я здѣсь впервые въ жизни ощу-

тилъ вліяніе пиршества, въ питьѣ дошелъ до неблагопристойной потребности уснуть въ чужомъ домѣ, и получилъ отъ Трубицына кличку „Филимонъ-простота,“ — обстоятельство ничтожное, но имѣвшее для меня, какъ увидите, самыя трагическія послѣдствія.

XXVI.

Проснувшись предъ вечеромъ на диванѣ въ чужой квартирѣ, я быстро вскочилъ и съ жесточайшею головною болью бросился скорѣй бѣжать къ себѣ на квартиру; — но представьте же себѣ мое удивленіе! только что я прихожу домой на свою прежнюю квартиру, какъ вижу что комнату мою тщательно прибираютъ и моютъ, и что въ ней не осталось уже ни одной моей вещи, положительно что называется, ни синя пороха.

— Какъ же и куда все мое отсюда дѣлось?

— А ваше все, отвѣчаютъ, перевезъ къ себѣ капитанъ Постельниковъ.

— Позвольте-съ, говорю, позвольте, что это за вздоръ! какъ капитанъ Постельниковъ перевезъ? Этого быть не можетъ.

— Нѣтъ-съ, говорятъ, дѣйствительно перевезъ.

— Да по какому же праву, говорю, вы ему отпустили мои вещи?

Но вижу что предстоящіе послѣ этого вопроса только рты разинули и стоятъ предо мною какъ удивленные галчата.

— По какому праву? продолжаю я добиваться.

— Капитану-то Постельникову? отвѣчаютъ мнѣ съ смущеніемъ.

— Да-съ.

— Капитану Постельникову по какому праву?

— Ну да: капитану Постельникову по какому праву?

Галчата и рты замкнули: дескать на тебя, братъ, даже и удивляться не стоитъ.

— Вотъ, говорятъ, чубучокъ вашъ съ змѣиными головками капитана Постельникова денщикъ не захватилъ, такъ извольте его получить.

Я разсердился, послалъ всѣмъ мысленно тысячу проклятій, надѣлъ шинель и фуражку, захватилъ въ руки чубучокъ съ змѣиными головками и повернулся къ двери, но досадно же такъ уйти не получа никакого объясненія. Я вернулся снова, взялъ въ сторонку мать моего хозяина, добрѣйшую старушку, которая казалось очень меня любила и говорю ей:

— Матушка Арина Васильевна! Поставьте мнѣ голову на плечи: разкажите зачѣмъ вы отдали незнакомому человѣку мои вещи?

— Да мы, дитя, думали, говоритъ, что сынокъ мой Митроша на тебя жалобу при-

носилъ, что ты квартиры не очищаешь, такъ что тебя по начальству отъ насъ сводятъ.

— Ахъ, Арина Васильевна, да развѣ молъ это можно, чтобы вашъ сынъ на меня пошелъ жаловаться? Вѣдь мы же съ нимъ пріятели.

— Знаю, говоритъ, ангелъ мой что вы пріятели, да мы думали, что можетъ-быть онъ въ шутку это надъ тобой пошутилъ.

— Что это: жаловаться-то, говорю, онъ въ шутку ходилъ?

— Да.

— Арина Васильевна, да нѣшто этакъ бываетъ? Нѣшто это можно?

Арина Васильевна только растопырила руки и бормочитъ: „вотъ, говори же баитъ ты съ нами!—мы сами, дитя, не знаемъ что у насъ было въ думкѣ“.

Я махнулъ рукой, захватилъ опять чубучокъ, сухо простился и вышелъ на улицу.

XXVII.

Не могу вамъ разказать въ какомъ я былъ гадкомъ состояніи духа. Разыгранная со мной штука просто сбила меня съ пахвей, потому что я, послѣ своего неловкаго поведенія у знакомыхъ дамъ капитана, ни за что́ не расположенъ былъ жить у его сестры и даже далъ было себѣ слово никогда не видать его. Комната мнѣ нравилась, и я ничего не имѣлъ противъ нея, но я имѣлъ много противъ капитана; мнѣ его предупредительность была не по нутру, а главное, мнѣ было чрезвычайно непріятно, что все это сдѣлалось безъ моей воли. Но я могъ сердиться сколько мнѣ угодно, а дѣло было уже сдѣлано.

Досада объяла меня несказанная, и я чтобы немножко поразвлечься и поразсѣяться, и чтобы не идти на новую квартиру, отправился бродить по Москвѣ.

Я ходилъ очень долго, заходилъ въ нѣсколько церквей, гдѣ тупо и безсознательно слушалъ вечернюю службу, два или три раза пилъ чай въ разныхъ трактирахъ, но наконецъ дѣваться болѣе было некуда. На дворѣ уже совсѣмъ засумерчило, и по улицамъ только изрѣдка кое-гдѣ пробѣгали запоздалыя чуйки; бродить по улицамъ стало совсѣмъ неловко. Я подошелъ къ одному фонарю, вынулъ мои карманные часы: было одиннадцать часовъ. Пора было на ночлегъ; я взялъ извощика и поѣхалъ на мою новую квартиру. Къ удивленію моему у воротъ ждалъ меня дворникъ; онъ раскрылъ передо мною калитку и вызвался проводить меня по лѣстницѣ съ фонарикомъ, который онъ зажегъ внизу, въ своей дворницкой. Ремень приснащенный къ звонку моей квартиры былъ тоже необыкновенно чутокъ и послушенъ: едва я успѣлъ его потянуть, какъ дверь, шурша своимъ войлоч-

нымъ подбоемъ, тихо отпозла и приняла меня въ свои объятія. Въ передней, на полочкѣ, тихо горѣлъ чистенькій ночничокъ. Комната моя была чиста, свѣжа; предъ большимъ образомъ Спасителя ярко сіяла лампада; вещи мои были разложены съ такою аккуратностію и съ такимъ порядкомъ, съ какимъ я самъ разложить ихъ никогда не сумѣлъ бы. Платье мое было развѣшено въ шкафѣ; посреди стола, предъ чернильницей, лежалъ мой бумажникъ и на немъ записка, въ которой значилось: „Денегъ наличныхъ 47 р. ассигнаціями, 4 цѣлковыхъ и серія“; а внизу подъ этими строками выдавлена буква „П“, по которой я узналъ, что всею этой аккуратностью въ моей комнатѣ я былъ обязанъ тому же благодатному Леониду Григорьевичу.

— И скажите пожалуста, разсуждалъ я себѣ: — когда же онъ все это дѣлалъ? Я раскисъ и ошалѣлъ, да слоны слонялъ по

Москвѣ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывалъ и еще всѣ дѣла за меня попередѣлалъ!

Я отдернулъ альковъ моей кровати и увидѣлъ постель, застланную ослѣпительно чистымъ бѣльемъ. Думать мнѣ ни о чемъ больше не хотѣлось; переѣхалъ такъ переѣхалъ, или перевезли такъ перевезли,—дѣлать ужь нечего, благо тихо, покойно, кровать готова и спать хочется. Я раздѣлся, перекрестился, легъ и заснулъ въ ту же самую минуту какъ только упалъ головой на подушки. Занавѣски, которою отдѣлялся мой альковъ, я не задернулъ, потому что, ложась, надѣялся помечтать при свѣтѣ лампады; но мечтанья, по поводу внезапнаго крѣпкаго сна, не случилось: за то около полуночи меня началъ осѣнять цѣлый рой самыхъ прихотливыхъ сновидѣній. Мы съ Постельниковымъ не то летѣли, не то валились на землю откуда-то, совсѣмъ изъ другаго міра, не то въ дружественныхъ объятіяхъ, не то

въ какомъ-то невольномъ сцѣпленіи. Я былъ какой-то темный, неопредѣленный; онъ такой же голубой, какимъ я его видѣлъ, и какимъ онъ мнѣ только и могъ представляться; но у него кромѣ того были большія влажныя крылышки; помахивая ими онъ меня словно всего склеивалъ, и свистъ отъ взмаховъ этихъ крыльевъ и сладостно и рѣзко раздавался въ моемъ слухѣ. Затѣмъ вдругъ мы очутились въ этой самой комнатѣ и ѣздили по ней долго и долго, пока вдругъ капитанъ далъ мнѣ въ носъ щелчокъ, и я проснулся.

XXVIII.

Пробужденіе мое было удивительно не менѣе самого сна. Вопервыхъ, я увидѣлъ надъ собою — кого бы вы думали? Точно такъ какъ бывало въ моемъ дѣтствѣ, я увидѣлъ надъ моимъ изголовьемъ свѣжаго во-

сковаго купидона, привѣшеннаго къ алькову моей кровати. У купидона подъ крылышками была бархатная ермолочка на розовой шелковой подкладкѣ, а на ней пришпилена бумажка, опять точно также съ надписью, какъ бывало во время моего дѣтства. Это меня поразило. Я приподнялся съ кровати и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ устремилъ глаза мои на бумажку. На ней было написано: „Оресту Марковичу Ватажкову на новоселье, въ знакъ дружбы и пріязни, Постельниковъ“.

— Чортъ знаетъ, чего этотъ человѣкъ такъ нахально лѣзетъ ко мнѣ въ дружбу? подумалъ я, и только что хотѣлъ привстать съ кровати, какъ вдругъ двери моей комнаты распахнулись и въ нихъ предсталъ самъ капитанъ Постельниковъ. Онъ несъ большой крендель, а на кренделѣ маленькую вербочку. Это было продолженіе подарковъ на мое новоселье, и съ этихъ поръ

для меня началась новая жизнь и далеко непохвальная.

XXIX.

По моему безволію и малохарактерности я конечно сблизился съ капитаномъ Постельниковымъ безмѣрно и за то сталъ заниматься науками гораздо менѣе и гораздо хуже, чѣмъ прежде. Все свое время я проводилъ у моего голубаго купидона и перезнакомился у него съ массою самыхъ нестрогихъ лицъ женскаго пола, которыхъ въ квартирѣ Постельникова было всегда какъ мошекъ въ погожій вечеръ. Это преимущественно были дамы и дѣвицы не безъ пятенъ и не безъ упрековъ. Постельниковъ былъ женскій любимецъ и, какъ настоящій любимецъ женщинъ, онъ не привязывался рѣшительно ни къ одной изъ нихъ, и третировалъ ихъ en canaille, но въ же время лукаво угождалъ

всѣмъ имъ всевозможными мелкими, нѣжными услугами. Онъ и меня втиралъ въ особенное ко многимъ изъ этихъ дамъ расположеніе, отказываться отъ котораго, при тогдашнихъ юныхъ моихъ лѣтахъ, я не всегда былъ въ состояніи. Сближеніе мое съ этою женскою плеядой, которую я едва въ силахъ возобновить въ своей памяти, началось со свадьбы той самой Тани или Лизы, которой я возилъ цвѣты. Она выходила замужъ за какого-то чиновника. Постельниковъ былъ у нея пасаженымъ отцомъ и поднесъ живую розу, на которой были его же живые стихи, которые я до сихъ поръ помню. Тамъ было написано:

Розѣ розу посвящаю,
Розѣ розу я дарю,
Розу розой украшаю,
Чтобы шла такъ къ алтарю.

На этой свадьбѣ, помню, произошелъ небольшой скандальчикъ, довольно страннаго

свойства. Постельниковъ и его пріятель, поэтъ Трубицынъ, увезли невѣсту изъ-подъ вѣнца прямо въ Сокольники и возвратили ее ея супругу только на другой день.... Жизнь моя вся шла среди подобныхъ исторій, въ которыхъ впрочемъ самъ я былъ очень неискусенъ и слылъ „Филимономъ.“

Такъ прошелъ цѣлый годъ, въ теченіи котораго я все слылъ „Филимономъ,“ хотя, по правдѣ вамъ сказать, мнѣ, какъ бы по какому-то предчувствію, кличка эта жестоко не нравилась, и я употреблялъ всяческія усилія чтобъ ее съ себя сбросить. Я и пилъ вино и дѣломъ своимъ не занимался, и въ дѣвичьемъ вертоградѣ оріентировался, а поэтъ Трубицынъ и другіе наши общіе друзья какъ зарядили меня звать „Филимономъ,“ такъ и зовутъ. Ну думаю: врагъ васъ побери, зовите себѣ какъ хотите! Пересталъ объ этомъ думать и даже началъ совершенно равнодушно отзываться

на кличку, безправно замѣнившую мое крещенное имя.

Однако я долженъ вамъ сказать что совѣсть моя была неспокойна: она возмущалась моимъ образомъ жизни, и я рѣшилъ во что̀ бы то ни стало выбраться изъ этой компаніи: дѣло стояло только за тѣмъ какъ къ этому приступить? Какъ сказать объ этомъ рѣшеніи голубому купидону и общимъ друзьямъ?... На это у меня не хватало силы и я все откладывалъ свое рѣшеніе день ото дня въ сладостной надеждѣ, что не подвернется ли какой счастливый случай и не выведетъ ли онъ меня отсюда, какъ привелъ?

Избравъ себѣ такой выжидательный способъ дѣйствій, я не ошибся въ моихъ надеждахъ на благодѣтельный случай: онъ не заставилъ себя долго ожидать и явился именно яко тать въ нощи. Этимъ распочи-

нается самая скверная полоса, закончившая собою первую половину моей жизни.

XXX.

Одинъ разъ, проводивъ отъ всенощной одну изъ своихъ знакомыхъ дамъ, я подъ мелкимъ частымъ дождемъ возвратился домой, и отворивъ свою дверь — остолбенѣлъ. Въ передней у меня спдѣли рядомъ два здоровенные солдата въ голубыхъ шинняхъ, а двери моей комнаты были связаны шнуркомъ, на которомъ болталась на бумажкѣ большая красная печать. Меня такъ и откинуло назадъ въ сѣни. Не забудьте, что въ тогдашнее время увидѣть въ своей комнатѣ голубаго солдата было совсѣмъ не то что теперь, хотя и теперь, конечно это визитъ не изъ-особенно пріятныхъ; но тогда... это спаси Боже что значило! Мнѣ тотчасъ же представилась трой-

ка, которая помчитъ меня Богъ вѣсть куда, гдѣ я пропаду безъ вѣсти и сгину невѣдомый ни матери, ни роднымъ, ни приснымъ... И вотъ во мнѣ вдругъ пробудилась вообще мало свойственная мнѣ жгучая энергія, твердая и непреклонная рѣшимость спасаться: прежде чѣмъ подстерегавшіе меня алгвазилы могли что-нибудь сообразить, я быстро скатился съ лѣстницы и явился къ Леониду Григорьевичу. Капитанъ Постельниковъ теперь въ моемъ отчаянномъ положеніи былъ единственный человѣкъ, у котораго я могъ просить какого-нибудь разъясненія и какой-нибудь защиты. Но его Климъ отворилъ мнѣ двери и объявилъ что барина нѣтъ дома, и что даже неизвѣстно когда онъ и возвратится, потому что они, говоритъ: „порютъ теперь горячку по службѣ.“

— Лантрыганили, говоритъ, лантрыганили, а вотъ теперь имъ генералъ даютъ проборку; они и порютъ горячку и на ночь на врядъ ли вернутся.

Положеніе мое дѣлалось еще безпомощнѣе, и я рѣшился во что̀ бы то ни стало отсюда не выходить. Хотя конечно и квартира Леонида Григорьевича была не Богъ знаетъ какое надежное убѣжище, но я предпочиталъ оставаться здѣсь, вопервыхъ, потому что все-таки разчитывалъ на большую помощь со стороны Постельникова, а вовторыхъ, какъ извѣстно, гораздо выгоднѣе держаться подъ самою стѣной, съ которой стрѣляютъ, чѣмъ отбѣгать отъ нея, когда вовсе убѣжать невозможно.

Тутъ, думалъ я, меня по крайней мѣрѣ никто не вздумаетъ искать, и выстрѣлы хотя на первое время вѣроятно пролетятъ надъ моею головой.

XXXI.

Изнывая и томясь въ самыхъ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ; — откуда и за что̀

рухнула на меня такая напасть, я довольно долго шагалъ изъ угла въ уголъ, по безлюдной квартирѣ Постельникова и вдругъ почувствовалъ неодолимую слабость, прикурнулъ на диванчикѣ и задремалъ. Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ какъ Постельниковъ возвратился домой и проснулся уже по обыкновенію, въ восемъ часовъ утра. Голубой купидонъ въ это время всталъ и умывался.

Растроенный и взволневанный я вбѣжалъ въ его комнату и впопыхахъ объяснилъ ему, какая со мною случилась исторія.

Постельниковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня долгимъ пристальнымъ взглядомъ, и вдругъ что-то припомнивъ, быстро хватилъ себя по лбу ладонью и воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ меня возьми, прости мнѣ, Бога ради, Филимоша за мою дурацкую разсѣянность. Успокойся, — все это, дружокъ пустяки!

— Позволь, говорю, какъ же мнѣ успокоиться, когда меня сейчасъ могутъ сослать, и я даже не знаю за что?

— Пустяки это, Филимоша, все пустяки: арестъ — вздоръ и сослать тебя никуда не сошлютъ, я тебѣ въ томъ порука, что никуда тебя не сошлютъ.

— Такъ ты, говорю, разкажи мнѣ пожалуста, въ чемъ же меня подозрѣваютъ, въ чемъ моя вина и преступленіе, если ты это знаешь?

— „Если я знаю?“ Чудакъ ты, Филимоша! Разумѣется я знаю; прекрасно, мой другъ, знаю. Это все дѣло изъ пустяковъ: у тебя книжку нашли.

— Какую, какую нашли у меня книжку?

— Рылѣева „Думы“.

— Ну, такъ что же, говорю, такое? Вѣдь это я у тебя же эту книжку взялъ.

— Ну, разумѣется, говоритъ, у меня; я этого tète à tète съ тобою и не отвергаю...

— Такъ позволь же пожалуйста... что̀ же это такое?... Откуда же кто-нибудь могъ узнать, что у меня есть эта книжка?

— А вотъ ты, говоритъ, не горячись, а сядь, да имѣй терпѣніе выслушать, такъ я тебѣ и разкажу.

Зная обильные потоки словотеченія Леонида Постельникова и его неумѣніе ничего разказывать коротко и просто, я повиновался и, скрѣпя сердце сѣлъ и страдальчески сложилъ на груди руки.

XXXII.

— Видишь ли, неспѣшно началъ мой мучитель, основательно усаживаясь у туалета и приступая къ распусканію своихъ папильйотокъ, — видишь ли, про это наконецъ дознались....

— Да я, говорю, я именно это-то и хочу знать, какимъ образомъ могли дознаться про

то что я всего по-завчера съ глаза на глазъ взялъ у тебя книжку?

— Душа моя, да зачѣмъ же, говоритъ, ты усиливаешься это постичь, когда это все именно такъ и устроено, что ты даже можетъ быть чего-нибудь и самъ не знаешь, а тамъ о тебѣ все это извѣстно? Зачѣмъ же тебѣ въ это проникать?

— Нѣтъ я, говорю, хочу знать, что же, гдѣ же я, съ кѣмъ я и кто за мною шпіонитъ?

— Ну, вотъ ужъ и „шпіонитъ“! Какія у васъ, право, глупыя слова всегда наготовѣ... Вотъ отъ этого-то мнѣ и не удивительно, что вы часто за нихъ попадаетесь... языкъ мой врагъ мой. Что такое „шпіонство“? Это обидное слово и ничего болѣе. Шпіонъ, соглядатай — это употребляется въ военное время противъ непріятеля, а въ мирное время ничего этого нѣтъ.

— Да позволь же, говорю, пожалуйста;

какъ же стало извѣстно что у меня есть твоя книга?

— А это другое дѣло; это совсѣмъ другое дѣло: тутъ нѣтъ никакого шпіонства, а я видишь .. я тебѣ откровенно признаюсь, я, чортъ меня побери, какъ на себя низлюсь, но я совсѣмъ неспособенъ къ этой службѣ. Я въ нее и не хотѣлъ, — я хотѣлъ въ уланы, а это все маменька такъ устроила, что.... въ этомъ войскѣ, говоритъ, хорошо, и обезпечено, и мундиръ, и шпоры, и это войско на войну не ходитъ, — а между тѣмъ она моя почтенная матушка-то того не сообразила, годенъ ли я, способенъ ли я къ этой службѣ. Тутъ правда не контузятъ и не ранятъ, а выслужиться можно скорѣй чѣмъ въ битвахъ, но за то эта служба требуетъ такъ сказать высшихъ способностей, тутъ такъ сказать.... къ ученому даже нѣчто примыкаетъ, потому что требуется наблюдательность, а у меня ее никакѣйшей, а у

насъ за это не хвалятъ... и основательно дѣлаютъ что не хвалятъ, потому что у насъ безъ этого нельзя, потому что иначе, на что же мы?

Нетерпѣніе беретъ меня страшное!

— Позволь, говорю, Христа ради, мнѣ тебя перебить.

— Да, хорошо, отвѣчаетъ, — перебей, братецъ, — перебей, но ты во всякомъ случаѣ долженъ со мной согласиться, что вѣдь мы же должны заботиться о томъ, чтобы мы оказывались на что-нибудь нужными?

— Прекрасно, говорю, прекрасно, но позволь...

— Нѣтъ, ты самъ позволь: мы обязаны это доказать, или нѣтъ: что мы нужны? А почему? Потому, душа моя, что вѣдь мы во что нибудь странѣ-то обходимся, потому что мы вѣдь рубля два съ полтиною въ годъ государству-то стоимъ?

Господи, мнѣ приходилось хоть плакать.

— Бога ради, говорю, Леонидъ Григорьевичъ, мнѣ не до разговоровъ; я тебя съ умиленіемъ прошу, не неси ты мнѣ, Христа ради, всей этой ахинеи, а скажи мнѣ за что меня берутъ?

— Да я къ этому и иду! что же ты самъ меня перебиваешь, а самъ говоришь что я несу ахинею?

— Ну ладно, говорю: я молчу и не перебиваю, но только ради Бога скажи скорѣе, въ чемь же дѣло?

— А въ чемъ, ты думаешь, дѣло? Все дѣло въ томъ что у насъ до этихъ поръ нѣтъ еще настоящихъ наблюдательныхъ людей. Оттого мы, чортъ знаетъ, чѣмъ и занимаемся. Ты видалъ у меня нашего офицера Бекасинникова?

— Ну видалъ, говорю, видалъ.

— Прекрасный парень, товарищъ и добрѣйшая душа, —а вѣдь какъ, каналья, одинъ разъ меня срѣзалъ? Тоже вотъ какъ у меня:

наблюдательности у него никакѣйшей, и не находчивъ, а вѣдь это въ извиненіе не берется; его и приструнили, и такъ приструнили, что хоть или въ отставку подавай, или переходи въ другую службу, но изъ нашего вѣдомства это уже считается... не ловко. Что же ты думаешь онъ, свинья, сдѣлалъ? Встрѣтилъ меня на улицѣ и ну меня обнимать, да потихоньку снялъ у меня съ сабли темлякъ, и положилъ его мнѣ въ карманъ шинели, а самъ сообщилъ что „Постельниковъ, говоритъ, манкируетъ формой, и подаетъ вредый примѣръ другимъ„. Меня вдругъ и зовутъ: я ничего не знаю, являюсь какъ былъ — и прямо поѣхалъ за это на гауптвахту. Тамъ и нашелъ я темлякъ въ шинели, да ужъ нечего дѣлать. Но я Бекасинникова въ томъ не виню: что же ты будешь дѣлать? Герои рѣдки, а службой своей долженъ каждый дорожить.

Меня вдругъ осѣнило.

— Остановись, говорю, Леонидъ Григорьевичъ: я боюсь, что я тебя наконецъ понимаю?

— Ну да, говоритъ, Филимоша, да, ты правъ; между четырехъ глазъ я отъ тебя не скрою: это я сообщилъ что у тебя есть запрещенная книжка. Приношу тебѣ, голубчикъ, въ этомъ пять милліоновъ извиненій, но такъ какъ иначе дѣлать было нечего... Ты, я думаю, вѣдь самъ замѣтилъ, что я послѣдніе дни повѣся насъ ходилъ... Я вѣдь службы могъ лишиться, а вчера мнѣ приходилось хоть вотъ какъ, — и Постельниковъ выразительно черкнулъ себя рукой по горлу и бросился меня цѣловать.

Повѣрите или нѣтъ, я даже не могъ злиться. Я былъ такъ ошеломленъ откровенностью Постельникова, что не только не обругалъ его, но даже не нашелъ въ отвѣтъ ему ни однаго слова! Да немного времени осталось мнѣ и для разговоровъ, потому,

что въ то время, какъ я не мѣшалъ Постельникову покрывать поцѣлуями мои щеки, онъ махнулъ у меня за плечами своему день щеку, и по этому мгновенію въ комнату явились два солдата и отъ него же взяли меня подъ арестъ.

Я просидѣлъ около десяти дней въ какой-то дырѣ, а въ это время вышло распоряженіе исключить меня изъ университета, съ тѣмъ чтобы ни въ какой другой университетъ не принимать; за тѣмъ меня посадили на тройку и отвезли на казенный счетъ въ нашъ губернскій городъ подъ надзоръ полиціи, причемъ конечно утѣшили меня тѣмъ, что во вниманіе къ молодости моихъ лѣтъ *дѣло* мое не довели до вѣдома высшей власти. Симъ *родительскимъ* мѣропріятіемъ положенъ былъ предѣлъ учености моей.

XXXIII.

У насъ въ деревнѣ уже знали о моемъ несчастіи. Извѣстіе объ этомъ дошло до дя-

дина имѣнія черезъ чиновниковъ, которымъ былъ присланъ секретный наказъ, гдѣ мнѣ дозволить жить и какъ наблюдать за мною. Дядя тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, но отъ матушки половину всего скрыли. Дядя возмутился за меня и Богъ знаетъ сколько лѣтъ не выѣзжая изъ деревни, тронулся самъ въ губернскій городъ чтобы встрѣтить меня тамъ, разузнать все въ подробности и потомъ ѣхать въ Петербургъ и тряхнуть въ мою пользу своими старыми связями.

При первомъ нашемъ свиданіи старикъ былъ со мною сверхъ ожиданія тепелъ и нѣженъ; онъ держалъ меня вовсе время разговора за руку, и когда я окончилъ свой разказъ, онъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Боже великій, чѣмъ люди занимаются! Ну однако, добавилъ онъ, этого такъ имъ оставить невозможно. Я поѣду просить чтобы тебѣ дозволили поступить въ другой университетъ, а теперь пока отдохни.

Онъ самъ наблюдалъ какъ мнѣ сдѣлали ванну, самъ уложилъ меня въ постель, но черезъ два часа самъ сдѣлалъ мнѣ такое горе, нанесъ мнѣ такое несчастіе, предъ которымъ шутка Постельникова была невиннѣйшею идилліей.

XXXIV.

Я спалъ безмятежно сномъ совершенно мертвымъ, какимъ только можно спать послѣ тысячеверстнаго пути на перекладной телѣгѣ, и вдругъ сквозь этотъ невѣроятный сонъ, я услышалъ заупокойное пѣніе „Святый Боже“, затѣмъ ужасный, потрясающій крикъ, стонъ, вопль — не знаю какъ вамъ и назвать этотъ ужасный звукъ, отъ котораго еще сейчасъ ноетъ мозгъ костей моихъ... Раздался этотъ крикъ, и вдругъ какая-то паника, какой-то смущающій шепотъ, хлопанье дверей и всеобъемлющій ужасъ...

Изъ живыхъ людей меня никто не будилъ, но чья-то незримая рука толкнула меня въ ребра и надъ ухомъ прожужжала пчела. Я вскочилъ, выбѣжалъ въ залъ... и увидѣлъ на диванѣ мою мать... мертвою.

Вѣщунъ сердце ея не выдержало: она чуяла что со мной худо и прилетѣла въ городъ вслѣдъ за дядей; дядѣ вдругъ вздумалось пошутить надъ ея *сентиментальностію*. Увидѣвъ, что матушка въѣхала на дворъ и выходитъ изъ экипажа, онъ заперъ на крючокъ дверь и запѣлъ „Святый Боже“. Онъ ей спѣлъ эту отходную, и вопль ея, который я слышалъ во снѣ, былъ предсмертный крикъ ея ко мнѣ. Она грохнулася у двери на землю и... умерла отъ разрыва сердца

Этого ужь я не могъ вынести и заболѣлъ горячкой, въ которой отъ всѣхъ почитался въ положеніи безнадежномъ, но вдругъ въ двѣнадцатый день опомнился,

сталъ быстро поправляться и толстѣть самымъ непозволительнымъ образомъ.

Дядя избѣгалъ со мною всякихъ свиданій, но какими-то доселѣ мнѣ невѣдомыми путями исходатайствовалъ мнѣ позволеніе жить въ Петербургѣ и оканчивать тамъ свое образованіе.

Я конечно не заставилъ себѣ повторять этого разрѣшенія, и немедлено же собрался.

Дядя наблюдалъ за моимъ здоровьемъ, но самъ скрывался; онъ показался мнѣ только въ самую минуту моего отъѣзда, но это отнюдь не былъ уже тотъ мой дядя, какого я привыкъ видѣть: это былъ старецъ смирный, тихій, убитый, въ сермяжномъ подрясникѣ, подпоясанномъ чернымъ ремнемъ и съ сѣдою щетиной на бородѣ.

Старикъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, когда я выходилъ чтобы садиться въ телѣгу и, упавъ предо мной на колѣна, горько зарыдалъ и прошепталъ:

— „Орестъ! прости меня Христа ради“.

Я бросился къ нему, поднялъ его, и мы поцѣловались и разстались съ тѣмъ чтобы уже никогда больше на этомъ свѣтѣ не видаться.

Такимъ образомъ, *шутя* выгнанный изъ Москвы, я пріѣзжалъ въ свой городъ какъ будто только для того, чтобы тамъ быть свидѣтелемъ какъ *шутя* убили при мнѣ страстно любимую мною мать и, къ стыду моему, растолстѣть отъ горячки и болѣзни.

— Что-то ждетъ меня еще въ Петербургѣ? задавалъ я себѣ пытанье, и хотя совсѣмъ разучился вѣрить во что-нибудь хорошее, но съ озлобленіемъ не боялся ничего и худаго.

— На же тебѣ меня, на! говорилъ я мысленно своей судьбѣ. На тебѣ меня, и подѣлай-ка со мной что-нибудь чуднѣе того, что ты дѣлала. Нѣтъ, молъ голубка, ты меня ужь ничѣмъ не удивишь!

— Но я въ этомъ наижесточайше ошибся: то, что̀ судьба готовила мнѣ здѣсь, превзошло всякія неожиданности.

XXXV.

Я вамъ говорилъ что въ моей рукѣ не только былъ перочинный ножъ, которымъ я ранилъ въ гимназіи великаго Калатузова, но я держалъ въ моихъ рукахъ и мечъ. Вотъ какъ это случилось:

Живу я въ Петербургѣ тихо и смирно, и учусь. Новой бѣды надъ собой разумѣется ни откуда не жду, да и думаю, что и взяться-то ей не откуда. Вѣрно, думаю, злая судьба моя ужь удовлетворилась.

Успокоивая себя такимъ образомъ, я самъ сталъ терять мое озлобленіе и началъ разсуждать обо всемъ въ духѣ сладчайшаго всепрощенія. Я даже нашелъ средство примириться съ поступкомъ дяди, стоившимъ жизни моей матери.

— Что же, думаю я, матушка умерла праведницей, а кончина ея обратила безпокойнаго и строптиваго дядю моего къ христіанскому смиренію. Благому духу моей матери это сладчайшая награда, и не обязанъ ли я смотрѣть на все совершившееся какъ на исполненіе предначертаній Промысла, ищущаго каждой заблудшей овцы?

Я рѣшилъ себѣ что это именно такъ, и написалъ объ этомъ моему дядѣ, отъ котораго чрезъ мѣсяцъ получаю большой пакетъ съ дарственною записью на всѣ его имѣнія и съ письмомъ, въ которомъ онъ кратко извѣщалъ меня, что онъ оставилъ домъ, живетъ въ кельѣ, въ одной пустынѣ, и постригся въ монахи, а потому, — добавляетъ, — „не только сіятельствомъ, но даже и благородіемъ меня впередъ не титулой, ибо монахъ благороднымъ быть не можетъ!“ Эта двумысленная, шутливая приписка мнѣ немножко не понравилась: и этого онъ не

сумѣлъ сдѣлать серіозно!... Но что̀ его осуждать?... Это кувшинъ, который уже сломилъ себѣ голову.

XXXVI.

Стояло великопостное время; я былъ тогда, какъ говорю вамъ, юноша теплый и умиленный, а притомъ же потеря матушки была насвѣжѣ, и я очень часто ходилъ въ одну домовую церковь и молился тамъ и пресладко и преискренно. Начинаю говѣть и ужь отгавливаюсь, — совсѣмъ собираюсь подходить къ исповѣди, какъ вдругъ, словно изъ театральнаго люка, выростаетъ предо мною въ темномъ углѣ церкви господинъ Цостельниковъ и проситъ у меня христіанскаго прощенія, если онъ чѣмъ нибудь меня обидѣлъ.

— Ахъ ты ракалья этакая! подумалъ я, еще онъ сомнѣвается.... „если онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ!“ Да и зачѣмъ онъ очутился

здѣсь, и говѣетъ какъ разъ въ той же церкви, гдѣ и я?... А впрочемъ, думаю: по-христіански я его простилъ, и довольно; больше ничего не хочу про него ни знать, ни вѣдать. Но вотъ-съ причастился я, а Постельниковъ опять предо мною въ новомъ мундирѣ, съ жирными эполетами, и поздравляетъ меня съ принятіемъ Святыхъ Таинъ.

— Ну да ладно, думаю, ладно, и отъ меня прошу принять такое же поздравленіе.

Вышли мы изъ церкви: онъ меня, гляжу, догоняетъ по дорогѣ и говоритъ:

— Ты вѣдь меня, Филимоша, простилъ, и больше не сердишься?

Я даже и слова не нашелъ что̀ отвѣтить ему на такой фамильярный приступъ.

— Не сердись, говоритъ, пожалуйста, Филимоша; я, ей-Богу, всегда тебя любилъ; но я совсѣмъ неспособенъ къ этой службѣ

и отъ того, чортъ меня знаетъ, какъ медленно и подвигаюсь.

— Однако, говорю, чѣмъ же медленно? У васъ уже жирные эполеты. — А самъ, знаете, все норовлю отъ него въ сторону.

А онъ не отстаетъ и продолжаетъ:

— Ахъ, что̀ говоритъ, въ этомъ, Филимоша, что жирные эполеты? Развѣ другіе-то это одно до сихъ поръ имѣютъ? Нѣтъ, да я, впрочемъ, на начальство и не ропщу: я самъ знаю что я къ этой службѣ неспособенъ. Стараюсь, да неспособенъ, и вотъ это меня сокрушаетъ. Я переведенъ сюда для пользы службы, а службѣ отъ меня никакой пользы нѣтъ, да и впередъ не будетъ и я это чувствую и скорблю... Мнѣ худо потому что я человѣкъ товарищественный. Вы вѣдь, я думаю, это помните?

— Какъ же, помню, молъ, даже непремѣнно очень помню.

— Да вотъ, у меня здѣсь теперь есть но-

вый пріятель, Станиславъ Пржикржившцкій, по-просту — Стаська.... Представьте, какой только возможно-чудеснѣйшій малый: товарищъ, весельчакъ, и покутить не прочь и въ картишки, со всѣми литературами знакомъ, и самъ весслые стихи на все сочиняетъ; но тоже совершенно, какъ у меня, нѣтъ никакой наблюдательности. Представьте себѣ, комизма много, а наблюдательности нѣтъ; ѣдь это даже удивительно! Генерала нашего представляетъ какъ нельзя лучше, да и вообще всѣхъ насъ пересмѣшитъ въ манежѣ. Пріѣдетъ и кричитъ: „Bonjour, мой взводъ!“ Тѣ орутъ: „Здравія желаемъ, ваше благородіе!“ — „Какое, говоритъ, у васъ нынче меню?“ — „Шшы, ваше благородіе.“— „Вахмистръ, говоритъ, покажи мнѣ мое мѣсто!“... Однимъ словомъ, пересмѣшитъ до упаду, а служебной наблюдательности все-таки нѣтъ. Онъ мнѣ разъ и говоритъ: „Душка, Постельниковъ, ты опытнѣе, пособи мнѣ

обратить на себя вниманіе. Иначе, говоритъ, я васъ больше и тѣшить не хочу, потому что на меня начинаютъ находить прегорькія минуты.“ — „Да другъ ты мой, отвѣчаю ему, да мнѣ самому не легче тебя.„— И я это не лгу. Вы не повѣрите что я Богъ знаетъ какъ обрадовался, узнавъ что вы въ Петербугѣ.

— А вы почему, говорю, это узнали?

— Да какже, говоритъ не узнать? Вѣдь у насъ это по реестрамъ видно.

— Гмъ, да молъ вотъ что́.... по реестрамъ у васъ видно.

А онъ продолжаетъ что хотѣлъ было даже ко мнѣ поѣхать „чтобы душу отвести“, да все, говоритъ, ждалъ случая.

Ухъ, батюшки, такъ меня и кольнуло!

— Какъ, какого, говорю, вы ждали случая?

— А какого-нибудь, отвѣчаетъ, чтобы въ именины или въ рожденье... нагрянуть къ

вамъ съ хлѣбомъ и солью... А кстати, вы когда именинникъ?—И тотчасъ же самъ и отгадываетъ.—Чего же, говоритъ, я дуракъ спрашиваю будто я не знаю что 14-го декабря?

Это вовсе неправда, но мнѣ разумѣется слѣдовало бы такъ и оставить его на этотъ счетъ въ заблужденіи; но я это не сообразилъ, и со страха чтобъ онъ на меня не нагрянулъ, говорю: я вовсе и не именинникъ 14-го декабря.

— Какъ, говоритъ, не именинникъ? Развѣ святаго Филимона не 14-го декабря?

— Я, отвѣчаю, этого не знаю, когда святаго Филимона, да и мнѣ можно это и не знать, потому что я вовсе не Филимонъ, а Орестъ.

— Ахъ, и вправду! воскликнулъ Постельниковъ. — Представьте: сила привычки! Я даже и позабылъ: вѣдь это Трубицынъ поэтъ васъ Филимономъ прозвалъ... Прав-

да, правда, это онъ прозвалъ... а у меня есть одинъ знакомый, онъ дѣйствительно именинникъ 14 декабря, такъ онъ даже просилъ консисторію перемѣнить ему имя, потому.... потому что... четырнадцатаго декабря.... Да!.. четырнадцатаго...

И вдругъ Постельниковъ возрился на меня острымъ, пристальнымъ взглядомъ, еще разъ повторилъ слово „четырнадцатаго декабря," и съ этимъ тихо, въ разсѣянности пожалъ мнѣ руку и медленно ушелъ отъ меня въ сторону.

Я былъ очень радъ что отъ него освободился, пришелъ домой, пообѣдалъ и пресладостно уснулъ, но вдругъ увидѣлъ во снѣ, что Постельниковъ подалъ меня на блюдѣ въ видѣ поросенка подъ хрѣномъ какому-то веселому господину, котораго назвалъ при этомъ Стаськой Пржикржившицкимъ.

— На, говоритъ, Стася, кушай; совсѣмъ готовый: и ошпаренъ и сваренъ.

Дѣло пустое сонъ, но такъ какъ я ужасный сновидецъ, то это меня смутило. Впрочемъ авось, думаю, пронесетъ Богъ этотъ сонъ мимо. Ахъ! не тутъ-то было; сонъ палъ въ руку.

XXXVII.

Приходитъ день къ вечеру; „ночною темнотой мрачатся небеса, и люди для покоя смыкаютъ ужь глаза“,—а ко мнѣ въ двери кто-то динь-динь-динь, а вслѣдъ затѣмъ сбруею брясь дрясь-жись! „Здѣсь, говоритъ, такой-то Ватажковъ?“

Ну конечно, отвѣчаютъ, что здѣсь.

Вошли милые люди и вѣжливо попросили меня собраться и ѣхать.

Одѣлся я бѣдный и ѣду.

Ѣдемъ долго ли, коротко ли, пріѣзжаемъ куда-то и идемъ по корридорамъ и переходамъ. Вотъ и комната большая, не то казенная, не то общежитейская... На окнахъ

тяжелыя занавѣски, по серединѣ круглый столъ покрытый зеленымъ сукномъ, на столѣ лампа съ рѣзнымъ матовымъ шаромъ и нѣсколько кипсековъ; этажерка съ книгами законовъ, а въ глубинѣ диванъ.

— Дожидайтесь здѣсь, велѣлъ мнѣ мой провожатый и скрылся за слѣдующею дверью.

Жду я часъ, жду два: ни звука ни откуда нѣтъ. Скука беретъ ужасная, скука одолѣвающая даже волненіе и тревогу. Вздумалъ было хоть законъ какой-нибудь почитать, или посмотрѣть въ окно, чтобъ уяснить себѣ мало-мальски: гдѣ я и въ какихъ нахожусь палестинахъ, но боюсь! Просто тронуться боюсь, одну ногу поднимаю, а другая такъ мнѣ и кажется что подъ полъ уходитъ... Терпѣнья нѣтъ какъ страшно!

— Вотъ что думаю себѣ: проползу-ка я осторожненько къ окну на четверенькахъ На четверенькахъ это совсѣмъ не такъ ри-

сковано: руки осунутся, я сейчасъ всѣмъ тѣломъ назадъ и не провалюсь.

Думалъ, думалъ, да вдругъ насмѣлился, какъ вдругъ въ то самое время, когда я пробирался медвѣдемъ, двери въ комнату растворились и на порогѣ показался лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ чаю.

Появленіе этого свидѣтеля моего комическаго ползанія на четверенькахъ меня чрезвычайно сконфузило... Лакей каналья держался дипломатическимъ совѣтникомъ, а самъ едва не хохоталъ подавая чай, но мнѣ было не до его сатирическихъ ко мнѣ отношеній. Я взялъ чашку и только внимательно смотрѣлъ на всѣ половицы, по которымъ пройдетъ лакей. Ясно что это были половицы благонадежныя и что по нимъ ходить было безопасно.

— Да и Боже мой! сообразилъ я вдругъ, что̀ же я за дуракъ такой, что я боюсь той

или другой половицы? Вѣдь если мнѣ ужь опредѣлено здѣсь провалиться, такъ все равно, — и весь диванъ конечно можетъ провалиться!

Это меня чрезвычайно успокоило и осмѣлило, и я, послѣ долгаго сидѣнья, вдругъ вскочилъ и заходилъ черезъ всю комнату съ ярымъ азартомъ. Нестерпимѣйшая досада, негодованіе и гнѣвъ, — гнѣвъ душащій, но безсильный, все это меня погоняло, и шпорило, и я шагалъ и шагалъ и.... вдругъ, милостивые мои государи, столкнулся лицомъ къ лицу съ сѣдымъ человѣкомъ, очень небольшаго роста, съ огромными усами и въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. За его плечомъ стоялъ другой человѣкъ, ростомъ повыше и въ такомъ же точно мундирѣ, только съ оберъ-офицерскими эполетами.

Оба незнакомца, повидимому, вошли сюда уже нѣсколько минутъ и стояли глядя на меня съ усиленнымъ вниманіемъ.

Я сконфузился и остановился.

XXXVIII.

Маленькій генералъ понялъ мое замѣшательство, улыбнулся и сказалъ: „ничего-съ!“

Я поклонился. Генералъ мнѣ показался человѣкомъ очень добрымъ и мягкимъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ?* спросилъ онъ меня тихо и безстрастно, но глубоко таинственно.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ я ему смѣло, — меня зовутъ не Филимонъ, а Орестъ.

— Знаю-съ, и не о томъ васъ спрашиваю.

— Я, — говорю, — я отвѣчаю вашему превосходительству какъ разъ на вашъ вопросъ.

— Неправда-съ, воскликнулъ возвышая голосъ генералъ, причемъ добрые голубые глаза его хотѣли сдѣлаться злыми, но вышли только круглыми. — Не правда-съ: вы

очень хорошо знаете о чемъ я васъ спрашиваю, и отвѣчаете мнѣ вздоръ.

Теперь я дѣйствительно ужь только и могъ отвѣчать одинъ вздоръ, потому что я ровно ничего не понималъ, чего отъ меня требуютъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ!* воскликнулъ генералъ, сдѣлавъ еще болѣе круглые глаза и упирая мнѣ въ грудь своимъ указательнымъ пальцемъ. — Ага !что-съ, продолжалъ онъ, изловивъ меня за пуговицу,—что? Вы думаете что намъ что-нибудь неизвѣстно? Намъ все извѣстно: прошу не запираться, а то будетъ хуже! васъ въ вашемъ кружкѣ зовутъ Филимонъ? Слышите; не запираться, хуже будетъ!

Я спокойно отвѣчалъ что не вижу вовсе и никакой нужды быть въ этомъ случаѣ не искреннимъ предъ его превосходительствомъ; дѣйствительно, говорю, пришла когда-то давно одному моему знакомому блажь наз-

вать меня *Филимономъ*, а другіе это подхватили, находя будто имя *Филимонъ* мнѣ почему-то идетъ....

— А, вотъ въ томъ-то и дѣло что это вамъ идетъ; вы наконецъ въ этомъ сознались, и я васъ очень благодарю. Генералъ пожалъ мнѣ съ признательностію руку и добавилъ: — Я очень радъ что послѣ вашего раскаянія могу все это представить въ самомъ мягкомъ свѣтѣ, и Богъ дастъ, не допущу до дурной развязки. Извольте за это сами выбирать себѣ любой полкъ; вы гдѣ хотите служить: въ пѣхотѣ или въ кавалеріи?

— Ваше превосходительство, говорю, позвольте... я нигдѣ не хочу служить, ни въ пѣхотѣ, ни въ кавалеріи....

— Тсъ! молчать! молчать! тсссъ! закричалъ генералъ. — Намъ все извѣстно! Вы человѣкъ съ состояніемъ, вы должны идти въ кавалерію.

— Но, ваше провосходительство, я ни куда не хочу идти.

— Молчать! тсъ! не смѣть!... молчать! Отправляйтесь сейчасъ съ моимъ адъютантомъ въ канцелярію. Вамъ тамъ приготовятъ просьбу и завтра вы будете записаны юнкеромъ, — понимаете: юнкеромъ въ уланы, или въ гусары; я предоставляю это на вашъ выборъ, я не стѣсняю васъ: куда вы хотите?

— Да, ваше превосходительство, я—говорю — никуда не хочу.

Генералъ опять затопоталъ, закричалъ и кричалъ долго что-то такое, въ чемъ было не мало добрыхъ и жалкихъ словъ насчетъ спокойствія моихъ родителей и моего собственнаго будущаго, и затѣмъ вдругъ,— представьте вы себѣ мое вящее удивленіе, вслѣдъ за сими словами непостижимый генералъ вдругъ перекрестилъ меня крестомъ

со лба на грудь, быстро повернулся на каблукахъ и направился къ двери.

XXXIX.

Отчаяніе придало мнѣ неожиданную смѣлость: я бросился вслѣдъ за генераломъ, схватилъ его рѣшительно за руку и зычно воскликнулъ: Ваше превосходительство! воля ваша, а я не могу.... Извольте же мнѣ по крайней мѣрѣ сказать, что̀ же я такое сдѣлалъ? За что̀ же я долженъ идти въ военную службу?

— Вы ничего не сдѣлали, тихо и безгнѣвно отвѣчалъ мнѣ генералъ. — Не думайте что намъ что-нибудь неизвѣстно: намъ все извѣстно, мы на то поставлены, и мы знаемъ что вы ничего не сдѣлали.

— Такъ за что̀ же-съ, за что̀, говорю меня въ военную службу?

— А развѣ военная служба это наказаніе? Военная служба это презервативъ.

— Но помилуйте, говорю, ваше превосходительство; вы только извольте на меня взглянуть: вѣдь я совсѣмъ къ военной службѣ неспособенъ, и я себя къ ней никогда не предназначалъ, притомъ же.... я дворянинъ, и по вольности дворянства, дарованной Петромъ III и подтвержденной Великою Екатериной....

— Тсъ! тсъ! не смѣть! молчать! тсъ! ни слова больше! замахалъ на меня обѣими руками генералъ, какъ бы стараясь вогнать въ меня назадъ вылетѣвшія изъ моихъ устъ слова.—Я вамъ дамъ здѣсь разсуждать о вашей Великой Екатеринѣ! Тсссъ! Что̀ такое ваша Великая Екатерина? Мы лучше васъ знаемъ что̀ такое Великая Екатерина!... черная женщина!... не смѣть, не смѣть, про нее говорить!....

И генералъ снова повернулъ къ двери.

Отчаяніе мною овладѣло страшное.

— Но Бога ради! закричалъ я, снова дог-

навъ и схвативъ генерала дерзостно за руку. — Я вамъ повинуюсь, повинуюсь, потому что не могу не повиноваться....

— Не можете, да, не можете и не должны! проговорилъ мягче прежняго генералъ.

По тону его голоса и по его глазамъ мнѣ показалось, что онъ не безучастливъ къ моему положенію.

Я этимъ воспользовался.

— Умоляю же, говорю, ваше превосходительство, только объ одномъ: не оставьте для меня вѣчною тайной, въ чемъ моя вина, за которую я иду въ военную службу?

Генералъ, не сердясь, сложилъ Наполеоновски свои руки на груди и, отступивъ отъ меня шагъ назадъ, проговорилъ:—Васъ прозвали *Филимонъ!*

— Знаю, говорю, это несчастье; — это Трубицынъ.

— *Филимонъ!* повторилъ растягивая генералъ. — И, какъ вы сами мнѣ здѣсь бла-

городно сознались, это больше или меньше соотвѣтствуетъ вашимъ свойствамъ?

— Внѣшнимъ, ваше провосходительство, внѣшнимъ, наружнымъ, торопливо лепеталъ я, чувствуя что какъ будто въ имени „Филимонъ“ дѣйствительно есть что-то преступное.

— Прекрасно-съ! и съ этимъ генералъ неожидано прискакнулъ ко мнѣ пѣтушкомъ, взялъ меня руками за плечи, подвинулъ свое лицо къ моему лицу; носъ къ носу и глядя мнѣ инквизиторски въ глаза, заговорилъ:— А позвольте спросить васъ когда празднуется день святаго Филимона?

Я вспомнилъ свой утреній разговоръ съ Постельниковымъ о моемъ тозоименитствѣ и отвѣчалъ: — Я сегодня случайно узналъ, что этотъ день празднуется четырнадцатаго декабря.

— *Четырнадцатаго декабря!* произнесъ вслѣдъ за мною въ нѣкоемъ ужасѣ гене-

ралъ, и быстро отхвативъ съ моихъ плечъ свои руки, поднялъ ихъ съ трепетомъ вверхъ надъ своею головой и возведя глаза къ небу, еще разъ прошепталъ придыханіемъ *четырнадцатаго декабря!* и качая въ ужасѣ головою исчезъ за дверью, оставивъ меня вдвоемъ съ его адъютантомъ.

XL.

— Вы ничего этого не бойтесь, весело заговорилъ со мною адъютантъ, чуть только дверь за генераломъ затворилась.—Повѣрьте, это все гораздо страшнѣе въ разказахъ. Онъ вѣдь только егозитъ и пѣтушится, а на дѣлѣ онъ Божья коровка и къ этой службѣ совершенно неспособенъ.

— Но однако, говорю, мнѣ по его приказанію все-таки надо идти въ полкъ.

— Да полноте, говоритъ; я даже не понимаю за что́ вы его такъ сильно раздражили? Не все ли вамъ равно гдѣ ни служить?

— Да, такъ-съ; но я совершено не способенъ къ военной службѣ.

— Ахъ! полноте вы, Бога ради, толковать о способностяхъ! Развѣ у насъ это все по способностямъ разчисляютъ? я и самъ къ моей службѣ не чувствую никакого призванія, и онъ (адъютантъ кивнулъ на дверь за которую скрылся генералъ) и онъ самъ сознается что онъ даже въ кормилицы больше годится, чѣмъ къ нашей службѣ, а всѣ мы между тѣмъ служимъ. Я вамъ посовѣтую: идите вы въ гусары, Вы,—извините меня,—вы этакій кубастенькій боченочекъ, прикоринастый; вамъ лучше въ гусары, да тамъ и общество дружное и залихватское.... Вы пьете?... Нѣтъ!... Ну, да все равно. А острить можете?

— Нѣтъ, отвѣчаю, я и острить не могу.

— Ну какъ-нибудь, изъ Грибоѣдова что ли: „Ахъ Боже мой, что̀ станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна“, или что-ни-

будь другое, — вѣдь это не трудно... Неужто и этого не можете?

— Да это, можетъ-быть, и могу, отвѣчаю я, — да зачѣмъ же это?

— Ну вотъ и довольно что можете, а зачѣмъ — это послѣ сами поймете; а что это не трудно, такъ я вамъ за то головой отвѣчаю: у насъ одинъ гусаръ чортъ знаетъ какимъ острякомъ слылъ отъ того только что за каждымъ словомъ прибавлялъ: „Ахъ, екскюзе ма фамъ“; но все это пока въ сторону, а теперь къ дѣлу: бумага у меня для васъ уже заготовлена; что̀ вамъ тамъ таскаться въ канцелярію? только выставить полкъ, въ какой вы хотите, заключилъ онъ, вытаскивая изъ-за лацкана сложенный листъ бумаги, и тотчасъ же вписалъ тамъ въ пробѣлѣ имя какого-то гусарскаго полка, далъ мнѣ подписать и, взявъ ее обратно, сказалъ мнѣ что я совершенно свободенъ и долженъ только завтра же об-

ратиться къ такому-то портному, состроить себѣ юнкерскую форму, а послѣ завтра опять явиться сюда къ генералу, который самъ отвезетъ меня и отрекомендуетъ моему полковому командиру.

XLI.

Такъ все это и сдѣлалось. Портной одѣлъ меня, писаря записали, а генералъ осмотрѣлъ, ввелъ къ себѣ въ кабинетъ, благословилъ маленькимъ образкомъ въ ризѣ, сказалъ что „все это вздоръ“ и отвезъ меня въ каретѣ къ другому генералу, моему полковому командиру. Я сдѣлался гусаромъ недуманно, негаданно, противъ всякаго моего желанія и противъ всѣхъ моихъ дворянскихъ вольностей и природныхъ моихъ способностей. Жизнь моя казалась мнѣ погибшею, и я самовольно представлялъ себя себѣ самому не иначе какъ волчкомъ, который посукнула рука какого-то злаго ча-

родѣя, — и вотъ я кручусь и верчусь по его капризу: ѣзжу верхомъ въ манежѣ и слушаю Грибоѣдовскія остроты, и какъ Гамлѣтъ сношу удары оскорбляющей судьбы купно до сожалѣній Трубицына и извиненій Постельникова, а все-таки не могу вооружиться противъ моря бѣдъ и покончить съ ними разомъ: съ мосту да воду... Что вы на меня такъ удивленно смотрите? Ей Богу я въ пору моей воинской дѣятельности часто и много помышлялъ о самоубійствѣ, да только все помышлялъ, но по слабости воли не рѣшался съ собою покончить. А въ это время меня произвели въ корнеты и вдругъ.... въ одинъ прекрасный день, предъ весною тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятаго года въ скромномъ жилищѣ моемъ раздается бѣшеный звонокъ, затѣмъ шумъ въ передней, бряцанье сабли, восклицанія безумной радости и въ комнату ко мнѣ влетаетъ весь сіяющій Постельниковъ!...

XLII.

Увидавъ Постельникова, да еще въ такія мудреные дни, я даже обомлѣлъ, а онъ ну меня цѣловать, ну меня вертѣть и поздравлять.

— Что̀ такое? думаю себѣ, и какъ я ни золъ былъ на Постельникова, а спрашиваю его съ чѣмъ онъ меня поздравляетъ?

— Дружище мой, Филимоша, говоритъ, ты свободенъ!

— Что̀? что̀, говорю, такое?

— Мы свободны!

— Э, думаю, нѣтъ, братъ, не надуешь!

— Да радуйся же! говоритъ, скотъ ты этакій: радуйся и поздравляй ее!

— Кого-о? пытаю съ удивленіемъ.

— Да ее, се, нашу толстомясую мать Ѳедору Ивановну! Ну Россію что ли, Россію! будто ты не понимаешь: она свободно и всѣ должны радоваться.

— Нѣтъ, молъ, не надуешь, не хочу радоваться.

— Да пойми же пентюхъ, пойми с-в-о-б-о-д-е-н-ъ... Слово-то ты это одно пойми!

— И понимать, говорю, ничего не хочу.

— Ну такъ ты, говоритъ, послѣ этого даже не скотъ, а *рабъ*.... понимаешь ли ты, рабъ въ своей душѣ!

— Ладно, думаю, отваливай дружокъ, отваливай.

— Да ты, шутъ этакій — пристаетъ— пойми только куда мы теперь пойдемъ, какія мы антраша теперь станемъ выкидывать!

— Ничего, отвѣчаю, и понимать не хочу.

— Такъ вотъ же тебѣ за то, и будутъ на твою долю одно: „ярмо съ гремушкою да бичъ“.

И чудесно, только оставьте меня въ покоѣ.

Такъ я и сбылъ его съ рукъ; но черезъ мѣсяцъ онъ вдругъ снова предсталъ моему изумленному взору и уже не съ веселою улыбкой, а въ самомъ строгомъ чинѣ, и началъ на *вы*.

— Вы, говоритъ, на меня когда-то роптали и сердились.

— Никогда, отвѣчаю, я на васъ не роптalъ. — Думаю чортъ съ тобой со всѣмъ: еще и за это достанется.

— Нѣтъ, ужь это, говоритъ, мнѣ обстоятельно извѣстно; вы даже обо мнѣ ни когда ни чего ни говорите и тогда когда я къ вамъ, какъ къ товарищу, съ общею радостною вѣстью пріѣхалъ, вы и тутъ меня приняли съ недовѣріемъ; но Богъ съ вами, я вамъ все это прощаю. Мы давно знакомы, но вы, вѣроятно, не знаете моихъ правилъ: мои правила таковы чтобы за всякое зло платить добромъ.

— Да, думаю себѣ, знаю я: ты до дна

маслянъ, только тобой подавишься; и говорю: — вы очень добры.

— Совсѣмъ нѣтъ; но это, извините меня, самое злое и самое тонкое мщеніе — платить добромъ за оскорбленія. Вотъ въ чемъ вопросъ: хотите ли выѣхать за границу?

Я даже привскочилъ.

— Какъ говорю, за какую за границу?

— За какую! Ужь конечно за западную: въ Парижъ, въ Лондонъ, — въ Лондонѣ теперь чудныя дѣла дѣлаются... Что тамъ только печатается!.. Тамъ восходитъ наша звѣзда, хотите почитать?

— Нѣтъ, говорю, не хочу.

— Но отъ чего же?

— Да такъ не хочу да и только..

— И ѣхать не хотите?

— Нѣтъ ѣхать хочу, но....

— Что за но?

— Но меня, говорю, не пустятъ за границу.

— Отчего это не пустятъ? — и Постельниковъ захохоталъ. — Не отъ того ли что ты именинникъ-то четырнадцатаго декабря.... Э, братъ, это ужъ все назади осталось; теперь на политику иной взглядъ, и нынче даже не такія вещи ничего не значатъ. Я, я, — понимаешь, — *я* тебѣ отвѣчаю что тебя пустятъ. Ты въ отпускъ хочешь или въ отставку?

— Ахъ зачѣмъ же отвѣчаю, въ отпускъ! Нѣтъ ужь я, если только можно, въ чистую отставку хочу.

— Ступай, и въ отставку подавай по болѣзни рапортъ, и катай за границу.

— Да мнѣ никто и свидѣтельства, говорю, не дастъ что я боленъ.

Постельниковъ меня за это даже обругалъ.

— Дуракъ! говоритъ, ты извини меня: просто дуракъ! Да ты не хочешь ли, я тебѣ достану свидѣтельство, что ты во второй половинѣ беременности?

— Ну ужъ это, говорю, ты вздоръ несешь!

— Держишь пари?

— И пари не хочу.

— Нѣтъ пари! держи пари.

И самъ руку протягиваетъ.

— Нечего, говорю, и пари держать, потому что все это вздоръ.

— Нѣтъ ты держи со мною пари.

— Сдѣлай милость, говорю, отстань, мнѣ это непріятно.

— Такъ что жъ ты споришь? Я ужь знаю что̀ говорю. Съ моего брата на перевозочномъ пунктѣ въ Крыму сорокъ рублей взяли чтобы контузію ему на полную пенсію приписать, когда его и комаръ не кусалъ; но мой братъ дуракъ: ему правую руку отмѣтили, а онъ лѣвую подвязалъ, потомъ и вышелъ изъ этого только одинъ скандалъ, насилу, насилу кое какъ поправили. А для умнаго человѣка ничего не побоятся

сдѣлать. Возьмись за самое легкое, за такъ-называемое „казначейское средство“: притворись сумашедшимъ, напусти на себя маленькую меланхолію, говори вздоръ: „я, молъ, дитя кормлю; жду писемъ изъ розоваго замка,“ и тому подобное.... Согласенъ?

— Хорошо, отвѣчаю, согласенъ.

— Ну вотъ только всего и надо. И сто рублей дать тоже согласенъ?

— Я триста дамъ.

— На что же триста? Ты, милый другъ, этакъ Петербургу цѣны портишь,—за триста тебя здѣсь теперь вѣдь на родной матери перевѣнчаютъ и въ томъ тебѣ документъ дадутъ.

— Да мнѣ ужъ, говорю, не до разчетовъ: лишь бы вырваться, не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми....

Постельниковъ вдругъ порскнулъ и потомъ такъ и покатился со смѣху.

— Прекрасно, говоритъ, вотъ и это прекрасно! Извини меня, что я смѣюсь, но это

для начала очень хорошо „не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми!“.... Это чортъ знаетъ какъ хорошо; ты какъ и коммиссіи..... какъ они къ тебѣ пріѣдутъ свидѣтельствовать.... Это скоро сдѣлается. Я извѣщу что ты не того...

Постѣльниковъ помоталъ пальцемъ у своего лба и добавилъ: Извѣщу что у тебя меланхолія, и что ты съ оружіемъ въ рукахъ небезопасенъ, а ты: „не съ деньгами, молъ, жить, а съ добрыми людьми“, и вообще чѣмъ будешь глупѣе, тѣмъ лучше.

И съ этимъ Постельниковъ, сжавъ мою руку, исчезъ.

XLIII.

Два, три дня я прожилъ такъ, на власть Божію, но въ большемъ разстройствѣ, и многимъ, кто видѣлъ меня въ эти дни, казался чрезвычайно страннымъ. Совершеннѣе притворяться меланхоликомъ, какъ выходило

у меня безъ всякаго притворства, было невозможно. На третій день ко мнѣ нагрянула коммиссія, съ которой я, въ крайнемъ моемъ замѣшательствѣ, рѣшительно не зналъ что̀ говорить.

Расказывалъ имъ за меня все Постельниковъ, до упада смѣявшійся надъ тѣмъ какъ онъ будто бы на сихъ дняхъ приходитъ ко мнѣ, а я будто сижу на кровати и говорю что „я дитя кормлю“; а черезъ недѣлю онъ привезъ мнѣ чистый отпускъ за границу, съ единственнымъ условіемъ взять отъ него какія-то бумаги и доставить ихъ въ Лондонъ для напечатанія въ *Колоколъ*.

— Конечно, убѣждалъ меня Постельниковъ, — ты не подумай, Филимоша, что я съ тѣмъ только о тебѣ и хлопоталъ чтобы ты эти бумажонки отвезъ; нѣтъ, на это у насъ теперь сколько угодно есть охотниковъ, но ты знаешь мои правила: я далъ тѣмъ

нашимъ лондонцамъ-то слово съ каждымъ знакомымъ, кто ѣдетъ заграницу, что-нибудь туда посылать, и потому не нарушаю этого порядка и съ тобой; свези и ты имъ кой что. Да здѣсь впрочемъ все и довольно невинное: насчетъ нашего генерала и насчетъ дворни. Въ Берлинѣ ты все это можешь даже смѣло въ почтовый ящикъ бросить, — оттуда ужь оно дойдетъ.

Признаюсь вамъ, принимая вручаемый мнѣ Постельниковымъ конвертъ, я былъ твердо увѣренъ что онъ по своей „неспособности къ своей службѣ“ непремѣнно опять хочетъ сыграть на меня. Ошибался я или нѣтъ, но планъ его мнѣ казался ясенъ: только что я выѣду, меня цапъ-царапъ и схватятъ съ поличнымъ, — съ бумагами про какую-то дворню и про генерала.

— Нѣтъ, чортъ возьми, думаю, довольно: болѣе не поддамся, и сшутилъ съ его письмомъ такую же штуку какую онъ расказы-

валъ про темлякъ, то-есть „хорошо, говорю, мой другъ; благодарю тебя за довѣріе.... Какъ же, отвезу, непременно отвезу и лично Герцену въ руки отдамъ“, — а самъ началъ его на прощанье обнимать и цѣловать лукавыми лобзаніями, да и сунулъ его конвертъ ему же самому въ задній корманъ. Что̀ вы всѣ, господа, опять смотрите на меня такими удивительными глазами? Не кажется ли вамъ что я неблагодарно поступилъ по отношенію къ господину Постельникову? Можетъ-быть и такъ, можетъ-быть даже что онъ отнюдь и не имѣлъ никакого намѣренія устраивать мнѣ на этихъ бумажонкахъ ловушку, но обжегшіеся на молокѣ дуютъ и на воду; въ этомъ самая дурная сторона предательства: она родитъ подозрительность въ душахъ самыхъ довѣрчивыхъ.

И вотъ наконецъ я опять заграницей, и опять на свободѣ, на свободѣ послѣ не-

устаннаго паденія на меня столькихъ внезапныхъ и несподеванныхъ бѣдъ и напастей! Я самъ не вѣрилъ своей свободѣ. Я не поѣхалъ ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, а остался въ маленькомъ германскомъ городкѣ, гдѣ хотѣлъ спокойно жить, мыслить и продолжать мое неожиданно и такъ оригинально прерванное занятіе науками. Все это мнѣ и удалось: моей нетребовательности заграницею мнѣ постоянно все удается, и не удалось долго лишь стремленіе усвоить себѣ привычку знать что свободенъ. Проходили мѣсяцы и годы, а я все просыпаясь, каждое утро спрашивалъ себя: дѣйствительно ли я проснулся? на самомъ ли дѣлѣ я въ Германіи, и имѣю право не только не ѣздить сегодня въ манежѣ, но даже вытолкать отъ себя господина Постельникова, еслибъ онъ вздумалъ посѣтить мое убѣжище?

Наконецъ всеисцѣляющее время увраче-

вало и этотъ недугъ сомнѣнія, и я совершенно освоился съ моимъ блаженнѣйшимъ состояніемъ въ тишинѣ и стройной послѣдовательности европейской жизни, и даже началъ совсѣмъ позабывать нашу россійскую чихарду.

XLIV.

Такъ тихо и мирно провелъ я цѣлые годы, то сидя въ моемъ укромномъ уголкѣ, то посѣщая столицы Европы и изучая ихъ историческіе памятники, а въ это время здѣсь на Руси все выдвигались вопросы, реформы шли за реформой, люди будто бы покидали свои обычныя кривлянья и шутки, брались за что-то въ серіозъ; я признаюсь, ничего отъ этого не ждалъ и ни во что̀ не вѣрилъ, и такъ къ стыду моему не только не принялъ ни въ чемъ ни малѣйшаго участія, но даже былъ удивленъ, замѣтивъ что это уже не одни либеральные

разговоры, и что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано много безповоротнаго, надъ чѣмъ пошутить никакому шутнику неудобно. Въ это время старикъ, дядя мой, умеръ, и мои домашнія обстоятельства потребовали моего возвращенія въ Россію, я этому даже обрадовался; я почувствовалъ влеченіе, родъ недуга, увидѣть Россію обновленную, мыслящую и серіозно устроящую самое себя въ долготу дней. Я приближался къ отечеству съ душевнымъ трепетомъ, какъ къ купинѣ очищаемой божественнымъ огнемъ, и переѣхалъ границу, крестясь и благословляясь..... и что̀ бы вы думали: надолго ли во мнѣ хватило этого торжественнаго заряда? Помогли ли мнѣ соотчичи укрѣпить мою вѣру въ то, что время шутовства, всякихъ юродствъ и кривляній здѣсь минуло навсегда, и что подъ вѣяніемъ духа той свободы, о которой у насъ не смѣли и мечтать въ мое время, теперь всѣ образо-

ванные русскіе люди взялись за умъ и серіозно тянутъ свою земскую тягу, поощряя робкихъ, защищая слабыхъ, исправляя и воодушевляя помраченныхъ и малодушныхъ, и вообще свивая и скручивая наше растрепанное волокно въ одну крѣпкую бечеву, чтобы сцѣпить ею во-едино великую рознь нашу и дать ей окрѣпнуть въ сознаніи силы и права?...

Какъ бы не такъ!

XLV.

Прежде всего мнѣ пришлось, разумѣется, поблагоговѣть предъ Петербургомъ; городъ узнать нельзя: похорошѣлъ, обстроился, провелъ рельсы по улицамъ, а либерализмъ такъ и ходитъ волнами, какъ море; страшно даже какъ бы онъ всего не захлестнулъ, какъ бы имъ люди не захлебнулись! „Государь въ столицѣ, а на дрожкахъ ѣздятъ писаря, въ фуражкахъ ходятъ офицеры“; у дверей

ресторановъ столики выставили, кучера на козлахъ трубки курятъ... Ума помраченье, что̀ за вольности! Офицеры не колотятъ приказныхъ ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, да и приказныхъ что-то не видно.

— Гдѣ бы это они всѣ подѣвались? спрашиваю одного стараго знакомаго.

— А ихъ, отвѣчаетъ, сократили,—теперь вѣдь у насъ на все благоразумная экономія. Служба не богадѣльня.

— Что̀ же и прекрасно, говорю; пусть себѣ за другой трудъ берутся.

Посѣтилъ стараго товарища, гусара, нынче директоромъ департамента служитъ. Живетъ такимъ бариномъ что даже и независтливый человѣкъ, пожалуй, позавидовалъ бы.

— Вѣрно, говорю, хорошее жалованье получаетъ?

— Нѣтъ, какое же, отвѣчаетъ, жалованье! У насъ оклады небольшіе. Все экономію

загоняютъ. Квартира, вотъ... да и то не изъ лучшихъ.

Я дальше и распрашивать не сталъ; вѣрно,—думаю,—братецъ ты мой, взятки берешь, и встрѣтясь съ другимъ знакомымъ, выразилъ ему на этотъ счетъ подозрѣніе; но знакомый только яростно расхохотался.

— Этакъ ты, пожалуй, заподозришь, говоритъ, что и я взятки беру?

— А ты сколько, спрашиваю, получаешь жалованья?

— Да у насъ оклады, отвѣчаетъ, небольшіе; я всего около двухъ тысячъ имѣю жалованья.

— А живешь, молъ, чудесно и лошадей держишь?

— Да вѣдь, другъ мой, на то, разказываетъ, у насъ есть суммы: къ двумъ тысячамъ жалованья я имѣю три добавочныхъ, да „къ нимъ“ тысячу двѣсти, да двѣ тысячи

прибавочныхъ, да „къ нимъ“ тысяча четыреста, да награды, да на экипажъ.

— И онъ, стало-быть,—говорю,—точно также?

— А конечно; онъ еще болѣе; ему, кромѣ добавочныхъ и прибавочныхъ даютъ и на дачу, и на поѣздку за границу, и на воспитаніе дѣтей; да въ прошедшемъ году онъ дочь выдавалъ замужъ, — выдали на дочь и на похороны отца и онъ и его братъ оба выпросили: зачѣмъ же ему брать взятки? Да ему ихъ и не дадутъ.

— Отчего же, любопытствую, не дадутъ? Онъ мѣсто вліятельное занимаетъ.

— Такъ что̀ же такое что мѣсто занимаетъ; но онъ вѣдь службою не занимается.

— Вотъ тебѣ и разъ! Это же почему не занимается?

— Да нѣкогда, милый другъ; у насъ нынче *своею* службой почти никто не занимается; мы всѣ нынче завалены сторонними занятіями;

каждый сидитъ въ двадцати комитетахъ по разнымъ вопросамъ, а тутъ благотворительствовать... Мы вѣдь нынчѣ всѣ благотворимъ... да; благотворимъ и сами, и жены наши всѣ этимъ заняты и ни намъ некогда служить, ни женамъ нашимъ некогда хозяйничать... Просто бѣда отъ благотворенія! А кто въ военныхъ чинахъ, такъ еще стараются быть на разводахъ, на парадахъ, на церемоніяхъ... вѣчный кипятокъ.

— Это, пытаю, зачѣмъ же,—на церемоніи-то ѣздить? Развѣ этого требуютъ?

— Нѣтъ, не требуютъ, но вѣдь хочется же на виду быть.... Это доходитъ нынче даже до цинизма, да и нельзя иначе.... иначе ты закиснешь; а между тѣмъ за всѣмъ за этимъ *своею* службою заниматься нѣкогда. Вотъ видишь, у меня шестнадцать разныхъ книгъ; все это казначейскія книги по разнымъ ученымъ и благотворительнымъ обществамъ.... Выбираютъ въ казначеи, и иду... и служу...

Все дѣло-то на грошъ, а его нужно вписать, записать, перечесть, выписать въ расходы, и все самъ веду.

— А ты зачѣмъ, говорю, на это дѣло какого-нибудь писарька не принаймешь?

— Нельзя, голубчикъ, этого нельзя... у насъ по всѣмъ этимъ дѣламъ начальствуютъ барыни, — народъ, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, самый пустой и безтолковый, но требовательный, а отъ нихъ, братъ, подчасъ много зависитъ при случаѣ... Вѣдь изъ того мы всѣ этихъ обществъ и держимся. У насъ нынче всѣ по обществамъ; даже и попы и архіереи есть... Нынче это прежнія протекціи очень съ успѣхомъ замѣняетъ, а инымъ даже не малыя и прямыя выгоды приноситъ.

— Какія же прямыя-то выгоды тутъ возможны?

— Возможны другъ мой, возможны: знаешь пословицу „и попъ отъ алтаря питает-

ся“, ну и изъ благотворителей тоже есть такіе: вонъ недавно одна этакая на женскую гимназію собирала, да весь сборъ ошибкою въ карманѣ увезла.

Зачѣмъ же вы не смотрите за этимъ?

— Смотримъ, да какъ ты усмотришь, — отъ школъ ее отогнали, она кинулась на колокола собирать и колокола вышли тоже не звонки. Слѣдимъ любезный другъ, зорко слѣдимъ, но дѣятельность-то стала ужъ очень обширна,—не услѣдишь.

— А на службѣ писарьки работаютъ?

— Ну нѣтъ, и тамъ есть „этакія крысы“ безкарьерныя... онѣ незамѣтны, но есть. А ты вотъ что, если хочешь быть по старому, погусарски, пріятелемъ, — запиши, сдѣлай милость, что-нибудь.

— На что это записать?

— А вотъ на что хочешь; въ этой книгѣ на „Общество снабженія книгами безграмотнаго народа“, въ этой на „Комитетъ для

возбужденія вопросовъ", въ этой на „Комитетъ по устройству комитетовъ", здѣсь „Комитетъ для обсужденія безполезности нѣкоторыхъ обществъ", а вотъ въ этой на „Подачу религіознаго утѣшенія недостаточнымъ и бѣдствующимъ"... вообще все добрыя дѣла; запиши на что̀ хочешь, хоть пять, десять рублей.

— Экъ деньги-то, подумалъ про себя, какъ у васъ нынѣ при экономіи дешевы, а однако записалъ десять рублей на „Комитетъ для обсужденія безполезности нѣкоторыхъ обществъ". Что̀ же, и въ самомъ дѣлѣ это учрежденіе нужное.

— Благодарю, говоритъ, вставая мой пріятель, — мнѣ пора въ комитетъ, а если хочешь повидаться, въ четвергъ, въ два часа тридцать пять минутъ, я свободенъ, но и то, впрочемъ, въ это время мы должны поговорить о чемъ мы будемъ разговаривать въ засѣданіи, а въ три четверти третьяго у меня собирается уже и самое засѣданіе.

— Ну, думаю себѣ, этакой кипучей дѣятельности нигдѣ, ни въ какой другой странѣ, на обоихъ полушаріяхъ нѣтъ. Въ цѣлую недѣлю человѣкъ одинъ только разъ имѣетъ десять минутъ свободнаго времени, да выходитъ что и тѣхъ нѣтъ!... Ужь этого пріятеля, Богъ съ нимъ, лучше не безпокоить.

— А когда же ты, спрашиваю его со всѣмъ на порогѣ,—когда же ты что-нибудь читаешь?

— Когда намъ читать! мы ничего, отвѣчаетъ, не читаемъ, да и зачѣмъ?

— Ну, чтобы хоть немножко освѣжить себя послѣ работы.

— Какое тамъ освѣженіе: въ литературѣ идетъ только одно бездарное науськиванье на Нѣмцевъ, да на Поляковъ. У насъ совсѣмъ теперь перевелись хорошіе писатели.

— Прощай же, говорю, голубчикъ, и съ тѣмъ ушелъ.

Экономія и недосуги этихъ господъ, признаюсь, меня жестоконько покоробили, но, думаю, можетъ-быть это только въ чиновничествѣ загостилось старое кривлянье на новый ладъ. Дай-ка заверну въ другіе углы; поглазѣю на литературу; за что̀ такъ на нее жалуются?

XLVI.

Пока недѣлю какую придется еще пробыть въ Петербургѣ, буду читать. Въ самомъ дѣлѣ за границей всего одну или двѣ газетки видѣлъ, а тутъ ихъ вонъ сколько!... Вѣдь что̀ же нибудь въ нихъ написано. Накупилъ... Ухъ, Боже мой! дѣйствительно вездѣ понаписано! Одинъ день почиталъ, другой почиталъ, нѣтъ, — вижу страшно; за человѣческій смыслъ свой надо поопасаться. Другое бы дѣло: было бы можетъ быть ин-

тересно съ кѣмъ-нибудь изъ пишущихъ лично познакомиться. Обращаюсь съ такою просьбою къ одному товарищу: познакомьте, говорю, меня съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Но тотъ при первыхъ моихъ словахъ кислую гримасу состроилъ.

— Не сто́итъ, говоритъ: Боже васъ сохрани... не совѣтую... Особенно вы человѣкъ не здѣшній, такъ это даже и небезопасно.

— Какая, возражаю, возможна опасность?

— Да денегъ попросятъ, — имъ вѣдь ни добавочныхъ, ни прибавочныхъ не даютъ,— они и кучатся.

— Ну?

— Ну, а далъ — и пропало, потому это „абсолютной честности“ не мѣшаетъ; а не дашь,— въ какой-нибудь газеткѣ отхлещутъ. Это тоже „абсолютной честности“ не мѣшаетъ. Нѣтъ, лучше совѣтую беречься.

— Было бы, говорю, еще за что̀ и отхлестать?

— Ну, у насъ на этотъ счетъ просто: вы вотъ сегодня при мнѣ нанимали себѣ въ деревню лакея и онъ вамъ по вашему выраженію „не понравился“, а завтра можно напечатать, что вы смотрите на наемъ себѣ лакея съ другой точки зрѣнія; и добиваетесь чтобъ онъ вамъ „нравился“. Нѣтъ, оставьте ихъ лучше въ покоѣ; „съ ними“ у насъ порядочные люди нынче не знакомятся.

— Я задумался, и говорю что хоть только для куріоза желалъ бы кого-нибудь изъ нихъ видѣть чтобы понять, что въ нихъ за закалъ.

— Ахъ оставьте пожалуйста; да они всѣ давно сами другъ про друга все высказали; больше знать про нихъ не интересно.

— Однако живутъ они: не топятся и не стрѣляются.

— Съ чего имъ топиться! Бранятъ ихъ, ругаютъ, да что такое брань! что это за тяжкая напасть? Про иного дѣло скажутъ,

а онъ самъ на десятерыхъ навретъ еще худшаго, — вотъ и затушевался.

— Ну, напраслина-то, вѣдь можетъ-быть и отвергнута.

— Какъ разъ! Одинъ-то разъ, конечно, можно, пожалуй и опровергнуть, а если на васъ по всѣмъ правиламъ осады разомъ цѣлые баталіоны, цѣлые полки на васъ двинутъ, ящикъ Пандоры со всякими скверностями на васъ опрокинутъ,—такъ отъ всѣхъ ужь и не отлаешься. Макіавелли не даромъ говорилъ: лги, лги и лги,—что-нибудь прилипнетъ и останется.

— Но за то, говорю, въ такихъ занятіяхъ самъ портишься.

— Небольшая въ томъ и потеря; уголь сажею не можетъ замараться.

— Уваженіе всѣхъ честныхъ людей этимъ теряется.

— Очень оно имъ нужно!

— Да и самъ теряешь возможность къ усовершенствованію себя и воспитанію.

— Да полноте пожалуйста: кто въ Россіи о такихъ пустякахъ заботится. У насъ не тѣмъ концомъ носъ пришитъ чтобы думать о самосовершенствованіи или о судѣ потомства.

И точно, сколько я потомъ не приглядывался, дѣйствительно носъ у насъ не тѣмъ концомъ пришитъ и ни туда его тянетъ.

XLVII.

Ходилъ въ театръ: давали піесу, въ которой показано народное недовѣріе къ тому, что новая правда воцаряется. Одно дѣйствующее лицо говоритъ, что пока въ лежащихъ надъ Невою каменныхъ „свинтусахъ“ (сфинксахъ) живое сердце не встрепенется, до тѣхъ поръ все будетъ только для одного вида. Автора жесточайше изругали за эту піесу. Спрашивалъ свѣдущихъ людей: за

что же онъ изруганъ? За то чтобы правды не говорилъ, отвѣчаютъ... Какая дивная литература съ ложью въ идеалѣ!

Познакомился наконецъ случайно въ клубѣ художниковъ съ однимъ поэтомъ и возмущенный тѣмъ что слышалъ, поговорилъ съ нимъ о правдѣ и честности. Поэтъ того же мнѣнія, что правда не годится и даже разъяснялъ мнѣ, почему правды въ литературѣ говорить не слѣдуетъ; это будто бы потому что „правда есть мечъ обоюдо-острый“ и ею подчасъ можетъ пользоваться и правительство; честность, говоритъ, можно признавать только одну „абсолютную“, которую можетъ имѣть и воръ и фальшивый монетчикъ. Дальше я не хотѣлъ и рѣчи вести объ этомъ: взаправду „за человѣка страшно“! Спрашиваю только ужь о самыхъ практическихъ вещахъ: вотъ, говорю, къ удивленію моему я вижу у васъ подъ однимъ изданіемъ подписывается редакторъ Калатузовъ...

скажите мнѣ пожалуйста... меня это очень интересуетъ... я зналъ одного Калатузова въ гимназіи.

— Этотъ здѣшній, очень онъ плохъ, перебиваетъ меня поэтъ.

— Редакторъ-то?

— Да, ахъ какъ безнадежно плохъ!—какъ котелка.

— Скажите, Бога ради, и тотъ, говорю, былъ небоекъ.

— Ну, все-таки это вѣрно не тотъ. Этотъ, напримѣръ, какъ забралъ себѣ въ голову что въ Англіи была королева Елисавета, а нынче королева Викторія—такъ и твердитъ что „въ Англіи женщинамъ лучше, потому что тамъ королевы царствуютъ.“ Сотрудники хотѣли его въ этомъ разувѣрить, — не дастся: „вы, говоритъ, меня подводите на смѣхъ.“ А „абсолютная“ честность есть.

— Какъ же, говорю, его редакторомъ-то сдѣлали?

— А что же такое? Для утвержденія въ редакторствѣ у насъ вѣдь пока еще въ губернскомъ правленіи не свидѣтельствуютъ. Да и что такое редакторъ? Редакторы есть всякіе. Беремъ, батюшка, въ этомъ примѣры съ нашихъ заатлантическихъ братій. А впрочемъ, и прекрасно: весь вопросъ въ абсолютной честности: она литературу убиваетъ, но за то злобу-съ, злобу и затмѣніе въ умахъ раститъ и множитъ.

— Есть же, однако, полагаю, между ними люди, для которыхъ дорога не одна абсолютная честность?

— Какъ же-съ, непремѣнно есть, и вотъ не далеко ходить. Вонъ видите, за тѣмъ столомъ сидитъ пентюхъ-то, — это извѣстный православистъ, онъ меня на дняхъ какъ-то тутъ встрѣчаетъ и говоритъ:—„Что жь вы, батюшка, намъ-то ничего не даете?“— Удивляюсь, отвѣчаю, что вы меня объ этомъ и спрашиваете.

— А что̀ такое?

— Да вѣдь вы меня, говорю, въ своемъ изданіи ругаете.—Удивляется: „когда“?—Да постоянно, молъ.—„Ну, извините пожалуйста. Да вы что̀ жь, этого не читали что ли?“—„Ну вотъ, стану, говоритъ, я этимъ навозомъ заниматься... Я все съ бумагами.... сильно было поразстроился и теперь весь биржей поглощенъ.... Богъ съ ними!“

— Это вы изволите говорить: „Богъ съ ними?“

— Нѣтъ, это не я, а онъ: я Бога не безпокою. Я хотѣлъ открыть изданіе въ среднемъ духѣ, но никакого содѣйствія нѣтъ.

— Отчего же?

— Да я по глупости шесть тысячъ попросилъ, и отказали, говорятъ: „Денегъ нѣтъ“.... Послѣ узналъ, что теперь чтобы получить что-нибудь надо милліонъ просить: тогда дадутъ. Думаю опять скоро просить.

— Милліонъ?

— Нѣтъ, милліонъ восемьсотъ пятьдесятъ семь тысячъ; такъ смѣта выходитъ.

— На журналъ, или на газету?

— Нѣтъ, на особое предпріятіе....

Поэтъ всталъ, зѣвнулъ, и протягивая мнѣ руку, добавилъ: на одно предпріятіе, обѣщающее впереди милліардъ въ туманѣ.

— И что жь, спрашиваю удерживая его за руку,—имѣете надежду что дадутъ вамъ эти деньги?

— Да, непремѣнно, говоритъ, дадутъ; у насъ все это хорошо обставлено, въ національномъ духѣ; чухонскій графъ изъ Финляндіи, два остзейскіе барона и три Жида во главѣ предпріятія, да полторы дюжины полячишекъ для сплетень. Непремѣнно дадутъ.

Я заплатилъ за столомъ деньги за себя и за поэта, и ушелъ. Это кстати былъ послѣдній день моего пребыванія въ Петербургѣ.

XLVIII.

Москву я проѣхалъ наскоро: пробылъ только всего одинъ день и посѣтилъ двухъ знакомыхъ ... Люди уже солидные,—у обоихъ дѣти въ университетѣ.

Здѣсь Петербургъ не чествуютъ: тамъ говорятъ, всѣ искривлялись: „кто съ кѣмъ согласенъ и кто о чемъ споритъ, — и того не разберешь. Они скоро всѣ провалятся въ свою финскую яму".

Давно я помню въ Москвѣ все ждутъ этого петербургскаго провала и все еще не теряютъ надежды, что эта благая радость ихъ совершится.

— А васъ, любопытствую, Богъ милуетъ, не боитесь провалиться?

— Ну, мы!.. Петербургъ, братъ, говорятъ, строенъ милліонами, а Москва вѣками. Подъ нами земля прочная. Тамъ въ Петербургѣ-то у васъ вонъ ужь, говорятъ, отцовъ рѣ-

жутъ, да на матеряхъ женятся, а насъ этимъ не увлечешь: тутъ у насъ и храмы, и мощи—это наша святыня, да и въ учености наша молодежь своихъ свѣтильниковъ имѣетъ... преданія... Кудрявцева и Грановскаго чтитъ. Разумѣется. Кудрявцевъ и Грановскій ужь того... немножко для нашего времени негодятся... а все жь, еслибы нашъ университетъ еще того... не множко бы ему хорошей чемерицы въ носъ, и студенты чтобъ отъ профессоровъ не зависѣли, и университетъ бы нашъ даже еще кое куда годился.... а то ни одного уже профессора хорошаго не стало.

— Какъ ни одного?

— Да рѣшительно ни одного: въ петербургскихъ газетахъ ихъ славно за это отжариваютъ.

Вотъ тебѣ и „наши преданія“ и „наша святыня“!

Экой вздоръ какой! Экая городьба!

Поѣлъ у Гурина пресловутой утки съ груздями, заболѣлъ и ѣду въ деревню; свой губернскій городъ въ которомъ меня такъ памятно сѣкли, проѣзжаю мимо; не останавливаюсь и въ уѣздномъ, и являюсь къ себѣ въ Одоленское—Ватажкова тожь.

И вотъ они опять—знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безпечна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата мелкаго и мелкаго тиранства!...

Что-то здѣсь новаго, на этихъ сонныхъ нивахъ, на этой черноземной пажити?

XLIX.

Просторъ и лѣнь, лѣнь и просторъ! Они опять предо мною во всей своей красѣ; но кровли крышъ покрыты лучше и мужики въ сапогахъ. Это большая новость, въ которой я, впрочемъ, никогда не отчаявался, вѣруя

что и мужикъ знаетъ что подъ крѣпкою крышей безопаснѣй жить и въ крѣпкихъ сапогахъ ходить удобнѣе чѣмъ въ дырявыхъ лаптяхъ.

Спросилъ въ бесѣдѣ своего прикащика: поправляются ли мужики?

— Какже, говоритъ; теперь они живутъ гораздо прежняго превосходнѣйше.

Хотѣлъ даже перекреститься на образъ, но поопасавшись не придерживается ли мой прикащикъ нигилистическаго образа мыслей, воздержался чтобы сразу себя предъ нимъ не скомпрометтировать и только вздохнулъ: буди, Господи, благословенъ за сіе!

Но какъ же остальное? Какъ она, наша интеллигенція?

— Много ли, спрашиваю, здѣсь сосѣдей помѣщиковъ теперь живетъ и какъ они хозяйничаютъ?

— Нѣтъ, докладываетъ; какіе же здѣсь господа? Господъ здѣсь нѣтъ; господа всѣ

уѣхали по земскимъ учрежденіямъ, мѣстовъ себѣ стараются въ губерніи.

— Неужто же всѣ по учрежденіямъ? Этого быть не можетъ!

— Да живутъ-съ, говоритъ, у насъ одни господа Локотковы, мелкопомѣстные.

— Ну такъ какже, моль, ты мнѣ говоришь что никого нѣтъ? Я даже знаю этого Локоткова. (Это, если вы помните, тотъ самый мой старый товарищъ что въ гимназіи Француза дразнилъ и въ печки сало кидалъ.) Ты, приказываю, вели-ко мнѣ завтра дрожки заложить: я къ нему съѣзжу.

— Это, отвѣчаетъ, какъ вамъ будетъ угодно; но только они къ себѣ никого благороднаго званія не принимаютъ, и у насъ ихъ, господина Локоткова, всѣ почитаютъ ни за что.

— Это, молъ, что̀ за глупость?

— Точно такъ-съ, говоритъ; какъ они сами своего званія рѣшившись и ходятъ въ

зипунѣ, и званіе свое порочатъ, и съ родительницей своею Аграфеной Ивановной поступаютъ очень неблагородно.

Заинтересовался я знать о Локотковѣ: разкажи, говорю, мнѣ сдѣлай милость, толкомъ: какже это онъ такъ живетъ?

— Совсѣмъ, отвѣчаетъ, въ родѣ мужика живутъ; въ одной избѣ съ работниками.

— И въ полѣ работаетъ?

— Нѣтъ-съ, въ полѣ они не работаютъ, а все подъ сараемъ книжки сочиняютъ.

— О чемъ же, молъ, тѣ книжки, не знаешь ли?

— Давали-съ они намъ, да не интересно: все по крестьянскому сословію, про мужиковъ.... Ничего не вѣрно: крестьяне смѣются.

— Ну, а съ матерью-то у нихъ что же: нелады, что ли?

— Постоянные нелады: еще шесть дней въ недѣлю ничего, и туда и сюда, только

промежь собою ничего не говорятъ, да отворачиваются; а ужь въ воскресенье непремѣнно и карамболь.

— Да почему же въ воскресенье-то карамболь?

— Потому, какъ у нихъ промежь собой все несогласіе выходитъ въ пирогахъ.

— Ничего, говорю, братецъ мой, не понимаю: какъ такъ въ пирогахъ у нихъ несогласіе?

— Да баринъ Локотковъ, говоритъ, велятъ матушкѣ чтобъ и имъ и людямъ одинаковые пироги печь, а госпожа Аграфена Ивановна говорятъ: „я этого понять не могу“, и заставляютъ стряпуху чтобъ людскіе пироги были хуже.

— Ну?

— Ну-съ вотъ изъ-за этого изъ-за самаго они завсегда и ссорятся: Аграфена Ивановна говорятъ что пусть пироги хоть изъ одного теста, да съ отличкою: господскіе

чтобъ съ гладкою коркой, а работничьи на щипокъ защипнуть; а баринъ сердятся и сами придутъ и перещипываютъ у загнетки. Они перещипываютъ, а Аграфена Ивановна послѣ приказываютъ стряпухѣ: „станешь сажать, говорятъ, въ печку, такъ людскіе шесть пироговъ на полъ урони, чтобъ они въ сору обвалялись“; а баринъ за это взыскъ.... Сейчасъ тутъ у припечка и ссора.... Они и толкнутъ старуху.

— Это мать-то?

— Точно такъ-съ; ну, а народъ ее Аграфену Ивановну жалѣетъ, какъ они при прежнемъ крѣпостномъ званіи были для своихъ людей барыня добрая. Ввечеру баринъ соберутъ къ избѣ мужиковъ и заставляютъ судить себя съ барыней; барыня заплачутъ: „Ребятушки, изволятъ говорить, я себя не жалѣвши его воспитывала, чтобъ онъ въ полковые пошелъ, да генераломъ былъ“. А баринъ говорятъ: „А я ребята, говорятъ, этихъ

глупостей не хочу; я хочу мужикомъ быть". Ну мужики извѣстно всѣ сейчасъ на барынину сторону. „Съ чего, баютъ, съ какого мѣста ты такого захотѣлъ? Нѣшъ тебѣ мужикомъ-то лучше быть"? —Баринъ крикнутъ: „Лучше! честнѣе, говорятъ, ребята, быть мужикомъ". Мужики плюнутъ и разойдутся. „Врешь, баютъ, въ генералахъ честнѣй быть, —мы и сами, говорятъ, хоть сейчасъ, всѣ согласны въ генералы идти". Только всего и суда у нихъ выходитъ; а стряпуха, просто ни одна стряпуха у нихъ больше недѣли изъ-за этого не живетъ, потому что никакъ угодить нельзя. Теперь съ полгода баринъ книги сочинять оставили и сами стали пироги печь, только ѣсть ихъ никакъ нельзя.... невкусно.... Баринъ и сами даже это [illegible] что не умѣютъ, и говорятъ: „Вотъ, говорятъ, ребята, какое мнѣ классическое воспитаніе дали, что даже противъ матери я не могу потрафить". Дьячокъ Сергѣй

на нихъ даже по этому случаю волостному правленію донось подавалъ.

— Въ чемъ же донось?

— Да на счетъ ихъ странности. Писалъ, что господинъ Локотковъ самъ, говоритъ, ночью къ Каракозову по телеграфу леталъ.

— Ну?

— Мужики было убить его за это хотѣли, а начальство этимъ пренебрегло; даже дьячка же Сергѣя самого за это и послали въ монастырь дрова пилить, да и то сказали, что это еще ему милость за то что онъ глупъ и не зналъ что̀ дѣлалъ. Теперь вѣдь, сударь, у насъ не то какъ прежде: ничего не разберешь, добавилъ махнувъ съ неудовольствіемъ рукою прикащикъ.

— Да дьячокъ то вашъ, спрашиваю, откуда-же взялъ что по телеграфу летать можно?

— Это, отвѣчаетъ мой прикащикъ, — у нихъ у духовенства нынче больше все про-

исходитъ съ отчаянности, такъ какъ на нихъ теперь законъ вышелъ чтобъ ихъ сокращать; гдѣ два было, говорятъ, одинъ останется...

— Ну, такъ что же, молъ, изъ этого?

— Такъ вотъ они выходитъ теперь другъ предъ дружкой и хотятъ все себя одинъ противъ другаго показать.

Фу, думаю, какой вздоръ мнѣ этотъ человѣкъ разказываетъ! Махнулъ рукой и отпустилъ его съ Богомъ.

Однако не утерпѣлъ, пораспросилъ еще кое-кого изъ людей насчетъ всего этого и оказалось что прикащикъ мой не лжетъ.

— Ну, думаю, чѣмъ узнавать черезъ плебсъ, да черезъ десятыя руки, пущусь-ка лучше я самъ въ самое море, окунусь въ самую интеллигенцію.

Начинаю съ того что еще уцѣлѣло въ селахъ и что здѣсь репрезентуетъ мѣстную образованность.

L.

Отправился съ визитомъ къ своему попу. Добрѣйшій Михаилъ Сидоровичъ, или отецъ Михаилъ, — скромнѣйшій человѣкъ и запивушка, котораго дядя мой князь Оболенскій скончавшійся въ схимѣ, заставлялъ когда-то хоронить его борзыхъ собакъ и поклонятьсяся золотому телцу,—уже не живетъ. Вмѣсто него священствуетъ сынъ его, отецъ Иванъ. Я зналъ его еще семинаристомъ, когда онъ бывало приходилъ во флигель къ покойной матушкѣ Христа славить, а теперь онъ ужь лѣтъ десять на мѣстѣ и бородой по самые глаза заросъ — настоящій Атта-Троль.

Засталъ его дома за писаніемъ. Увидавъ меня, онъ скорѣе спряталъ въ столъ тетрадку. Поздоровались. Спрашиваю его: какъ, батюшка, поживаете?

— Что̀, сударь Орестъ Марковичъ! жизнь

наша противъ прежняго стала, говоритъ, гораздо хуже.

Вотъ-те и разъ, думаю, нашелся человѣкъ, которому даже хуже кажется.

— Чѣмъ же, пытаю, вамъ теперь, отецъ Иванъ, хуже?

— Да какже, сударь не хуже? Въ прежнее время, при помѣщикахъ, сами изволите помнить, бывало и соломкой, и хлѣбцемъ, и всѣмъ дворяне не забывали, и крестьянъ на подмогу въ рабочую пору посылывали; а нынѣ нѣтъ того ничего, и народъ къ намъ совсѣмъ охладѣлъ.

— Народъ-то, говорю, отчего же охладѣлъ? Это въ вашихъ рукахъ—возобновить его теплоту къ религіи.

— Нѣтъ, ужь какое же, сударь, возобновленіе! Прежде онъ въ крѣпостномъ званіи страдалъ и былъ постоянно въ нуждѣ и въ горести, и прибѣгалъ въ несчастіи своемъ къ Господу; а теперь изволите ви-

дѣть.... нынче мужичокъ идетъ въ церковь только когда захочетъ...

— Ну, думаю, лучше это мимо.

— Между собою, любопытствую, какъ вы теперь, батюшка, живете?—потому что я зналъ что всегда бывало здѣсь, какъ и вездѣ: гдѣ два причта, тамъ и страшная, безкровная война.

LI.

Только что я коснулся въ разговорѣ съ отцомъ Иваномъ деликатной исторіи войны на поповкахъ, мой собесѣдникъ такъ и замахалъ руками.

— Ужасно, сударь Орестъ Марковичъ, ужасно, говоритъ, мы, духовные, къ этому смятенію подвержены, о мирѣ всего міра Господа умоляемъ, а самимъ намъ въ этомъ недугѣ вражды исцѣленія нѣтъ.

Добродушный священникъ съ сокруше-

ніемъ осѣнилъ себя крестомъ и воздохнувъ добавилъ: думаю, говоритъ, что это не иначе какъ отъ того, что гдѣ преизбытоествуетъ благодать, тамъ преобладаетъ и грѣхъ.

— А вѣдь и ссориться-то, говорю, кажется не за что̀ бы?

— Да, совершенно, сударь, часто не за что̀.

— А все-таки ссоритесь?

— Да вѣдь какже быть: ссоримся-съ и даже люте отъ сего страждемъ и оскудѣваемъ.

Я посовѣтовалъ, что надо бы молъ стараться ужъ какъ-нибудь ладить.

— Знаете, это такъ, говорю, надо дѣлать: бери всякъ въ руки метлу да мети *свою улицу* — весь городъ и очистится. Блюди каждый самъ себя, гони отъ себя смуту, вотъ она и повсюду изчезнетъ.

— Нельзя-съ, улыбается отецъ Иванъ, другіе товарищи не согласятся.

— Да что вамъ до товарищей?

— Нѣтъ-съ; да теперь и время не такое-съ. Это надо было какъ-нибудь прежде дѣлать до сокращенія, а теперь ужь хоть и грѣхъ воровать, но нельзя миновать.

Чтобъ отойдти отъ этого вопроса, я только и нашелся что молъ хоть промежду себя-то съ отцомъ Маркеломъ старайтесь ладить— не давайте дурнаго примѣра и соблазна темнымъ людямъ.

— Да ничего, отвѣчаетъ отецъ Иванъ, — мы между собой стараемся чтобы ладно... только вотъ отецъ Маркелъ у насъ... коллега очень щекотисты....

— Что̀ такое?

— Къ криминаціямъ они имѣютъ ужасное пристрастіе: все кляузничаютъ ужасно. Впали въ нѣкую дружбу съ нашимъ дьякономъ Викторычемъ, а тотъ давно прокри-

минаціями обязанъ, и намѣреваются вдвоемъ чтобы какъ-нибудь меня со втораго штата въ заштатъ свести и вдвоемъ остаться по новому правилу.

— Это, говорю, жаль: „ничто добро, ничто красно, а жити братіе вкупѣ.“

— Какое ужь, отвѣчаетъ, „вкупѣ“ жить, Орестъ Марковичъ, когда и на своемъ-то на особомъ дворѣ, и то никакъ не убережься! Вотъ какъ изволите видѣть: я все дома сижу. Какъ только пошелъ разговоръ про новыя правила, что будутъ насъ сокращать, я, опасаясь злыхъ клеветъ и навѣтовъ, все сижу дома, — а по осени вдругъ меня и вызываютъ къ преосвященному. Знаете, дѣло это у насъ, по духовному состоянію, столь страшное, что только воспомянешь про всеобжирающую консисторію, такъ просто лытки трясутся. Изволите знать сами, великій государь Петръ Первый въ регламентѣ духовномъ ихъ на-

именовалъ: „оныя архіерейскія несытыя собаки“.... Говорить не остается, сударь!.. Семьдесятъ верстъ проѣхалъ, толконулся къ секретарю чтобы хоть узнать, зачѣмъ? „Ничего, говорятъ, не вѣдаемъ: тебя не консисторія звала, а самъ владыко по секрету вытребовали.“ Предстаю со страхомъ самому владыкѣ, — такъ и такъ, говорю, такой-то священникъ. Они какъ только услыхали мою фамилію, такъ и говорятъ: „а это ты, такой сякой, плясунъ и игрунъ“!

Я даже, знаете, предъ владыкою онѣмѣлъ и устами слова не могу выговорить.

— Никакъ нѣтъ, говорю, ваше преосвященство: я жизнь провождаю тихую въ домѣ своемъ.

— „Ты еще противурѣчишь! Слѣдуй, говорятъ за мной“!

Привели меня въ небольшой покойчикъ, и изъ полбюра (не могу ужь вамъ объ-

яснить, что такое называлось полбюро) вынимаетъ бумагу.

— „Читай, говорятъ, гласно.“

Я читаю въ предстаніи здѣсь секретаря и соборнаго протодьякона. Пишетъ, — это вижу по почерку, — коллега мой, отецъ Маркелъ, что: „такого-то говоритъ числа, осеннею порою, въ позднее сумерочное время, проходя мимо оконъ священника такого-то, — имя мое тутъ названо, — невзначай заглянулъ я въ узкій створъ между двумя нарочито притворенными ставнями его ярко освященнаго окна, и замѣтилъ сего священника безумно скачущимъ и пляшущимъ съ неприличными ударeніями пятами ногъ по подряснику.“

— „Остановись, говорятъ его преосвященство, на семъ пунктѣ, и объясни, что ты можешь противъ этого въ оправданіе свое отвѣтствовать“?

— Что же, говорю, владыко святый, все сіе истинно.

— „Зачѣмъ же это, изволятъ спрашивать, ты столь нагло плясалъ, ударяя пятами“?

— Съ горя, говорю, ваше преосвященство.

— „Объяснись!“ изволили приказать.

— Какъ по недостаточности моего званія, говорю, владыко святый, жена моя каждый вечеръ, по неимѣнію работницы, отправляется для доенія коровы въ хлѣвъ, гдѣ хранится навозъ, то я, содержа на рукахъ свое малое грудное дитя, плачущее по матери и просящее груди, — какъ груди дать ему не имѣю, и чѣмъ его разсѣять не знаю, — то я, не умѣя настоящихъ французскихъ танцевъ, такъ съ симъ младенцемъ плавно по жидовски прискакую по комнатѣ и пою ему: „тра-тата, тра-та-та, вышла кошка за кота“, или что другое въ семъ родѣ невиннаго содержанія, дабы оно

было утѣшно отъ сего, и въ томъ вся вина моя. — Владыка задумались и говорятъ: „хорошо, сіе непредосудительно, въ сихъ цѣляхъ какъ отецъ невозбранно танцовать можешь, но читай дальше.“

„Другажды“, читаю, пишутъ отецъ Маркелъ, „проходя съ дьякономъ случайно вечернею порою мимо дома того же священника отца Іоанна опять видѣли, какъ онъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ женою, племянникомъ и съ купно пріѣхавшею къ нему на каникулярное время изъ женской гимназіи племянницею, азартно игралъ въ карты, яростно ударяя по столу то кралею, то хлапомъ, и при семъ непозволительно восклицалъ: „никто больше меня, никто“! Прочитавъ сіе, взглянулъ я на преосвященнаго владыку и, не дожидаясь его вопроса, говорю:

— И сіе, ваше преосвященство, правда. Точно, говорю, одна̀жды, и всего только

однажды игралъ я, по случаю племянницына пріѣзда, но было сіе не для ради забавы и празднолюбія, а съ философскою цѣлію, въ видахъ указанія превосходства Адамова пола предъ Еввинымъ поломъ, а отнюдь не для праздной забавы и утѣшенія.

— „Объяснись, говорятъ владыко, и въ этимъ!“

— Было, говорю, сіе такъ, что племянница моя, дочь брата моего, что въ приказные вышелъ и служитъ совѣтникомъ, пріѣхавъ изъ губерніи начала обременять понятія моей жены, что якобы нашъ мужской полъ долженъ въ скорости обратиться въ ничтожество, а женскій надъ нами будетъ властвовать и господствовать; то я ей на это возразилъ нѣсколько апостольскимъ словомъ, но какъ она на то начала, громко хохоча, козлякать и брыкать, книги мои безъ толку порицая, то я, въ книгахъ новаго сочиненія достаточной практики по

бѣдности своей не имѣя, а чувствуя, что стерпѣть сію обиду всему мужскому колѣну не долженъ, то я, не зная что на всѣ ея слова ей отвѣчать, сказалъ ей: „Буде ты столь превосходно умна, то скажи, говорю, мнѣ такое поученіе, чтобъ я призналъ тебя въ чемъ-нибудь наученною“; но тутъ, владыко, и жена моя, хотя она всегда до сего часа была женщина богобоязненная и ко мнѣ почтительная, но вдругъ тоже къ сей племянницѣ за женскій полъ присоединилась и зачали вдвоемъ столь громко цокотать, какъ двѣ сороки, „что васъ, говорятъ, больше нашего учатъ, а мы васъ все-таки какъ захотимъ, такъ обманываемъ“, то я, преосвященный владыко, дабы унять имъ оное, обуявшее ихъ, безсмысліе, потерявъ спокойствіе, воскликнуль:

— Стой, говорю, стой, ни одна не смѣй больше ни слова говорить! Этого я не могу! Давайте, говорю, на томъ самомъ сло-

рить, на чемъ всѣ мы поровну учены, и увидимъ кто изъ насъ совершеннѣе? Есть, говорю, у насъ карты? Жена говоритъ: есть. — Давай, говорю, сюда карты.

Жена подала карты.

Говорю: сдавай въ дураки!

Сдали. Я и жену и племянницу ученую къ ряду по три раза дурами и оставилъ. Довольно, говорю, съ васъ; но видя, что онѣ и симъ еще мало въ неправотѣ своего спора убѣдились, говорю:

— Сдавай въ короли!

Сдали въ короли. Я вышелъ королемъ, сынишку—виноватъ, ваше преосвященство, сынишку тоже для сего диспута съ собою посадилъ,—его въ принцы вывелъ, а жену въ мужики. Вотъ, говорю, твое мѣсто; а племянницу солдатомъ оставилъ,—это, молъ, тебѣ и есть твоя настоящая должность!

— Вотъ, говорю, ваше преосвященство,

истинно докладываю я, едино съ сею философскою цѣлью въ карты игралъ, и ни мало себя и мужской полъ не уронилъ.

Владыка разсмѣялись. „Ступай, говорятъ, игрунъ и танцунъ на свое мѣсто“, а отцу Маркелу съ дьякономъ носъ и утерли... но я симъ недоволенъ...

— Помилуйте, говорю, да чего же вамъ еще?

— Какъ чего? Ахъ нѣтъ, Орестъ Марковичъ, такъ нельзя: вѣдь они вонъ, и дьяконъ и отецъ Маркелъ, по сіе время ходятъ, и отецъ Маркелъ все вздыхаетъ на небо.

— Такъ что же вамъ до этого?

— Ахъ, какъ вы это располагаете: это они прокриминацію затѣваютъ!... Нѣтъ, пока эти новыя права взойдутъ, тутъ еще много грѣха будетъ!

LII.

Встрѣчаю на другой день въ березовой рощицѣ отца дьякона; сидитъ и колесныя втулки сверлитъ.

— Вы, говорю, отецъ дьяконъ, какъ поживаете?

— Ничего, говоритъ, Орестъ Марковичъ; живемъ преестественно въ своемъ видѣ. Я въ настоящее время, нынче вѣдь все овцами занимаюсь.

— А, а! скажите, говорю, пожалуйста, торговать пустились?

— Да-съ, овцами, и вотъ тоже колеса дѣлаю и пчелъ завелъ.

— И что же, говорю, счастливо вамъ ведется?

— Да какъ вамъ доложить: торгую понемножку. Нельзя: время такое пришло, что однимъ нынче духовенству ничѣмъ заниматься нельзя. Насъ вѣдь дьяконовъ то.

слыхали?... насъ скоро уничтожатъ. У насъ тутъ по сосѣдству Поливановскій дьяконъ на шасѣ постоялый дворъ, снялъ, — чудесно ему идетъ, а у меня капиталу нѣтъ: пока кой-чѣмъ берусь, а впереди никто какъ Богъ. Въ прошломъ году до сорока штукъ овецъ было продалъ, да вотъ Богъ этимъ несчастьемъ посѣтилъ.

— Какимъ, говорю, несчастьемъ?

— Да какже-съ? развѣ не изволили слышать? вѣдь мы все просудили съ отцомъ Маркеломъ.

— Да, да, говорю, слышалъ; разказывалъ мнѣ отецъ Иванъ.

— Да, мы, говоритъ, съ нимъ, съ отцомъ Иваномъ тутъ немного поссорились, и имъ чрезъ насъ вдобавокъ того ничего и не было на счетъ ихъ плясоты, а вѣдь они вонъ небось вамъ не разсказали, что съ ними съ самими-то отъ того произошло?

— Нѣтъ, молъ, не говорилъ.

— Они вѣдь у насъ къ нынѣшнему времени не отъ своего дѣла совсѣмъ разсудокъ потеряли. Какъ съ племянницею они разъ на счетъ бабьего подъ нами преимущества поспорили, такъ съ тѣхъ поръ все о направленіи умовъ только и помышляютъ. Проповѣди о постѣ, или о молитвѣ говорить они уже не могутъ, а все выйдутъ къ аналою, да экспромту о лягушкѣ: „какъ, говорятъ, нынѣ нѣкіе глаголемые анатомы въ свѣтскихъ книгахъ о душѣ лжесвидѣтельствуютъ по разсѣченію лягушки,“ или „сколь дерзновенно говорятъ нынѣ нѣкіе лжеанатомы по усѣченному и электрическою искрою припаленному кошачьему хвосту полагаютъ о жизни“.... а прихожане этимъ смущались, что въ церкви, говорятъ, сказываетъ онъ негожія рѣчи про припаленный кошкинъ хвостъ и лягушку; и дошло это вскорѣ до благочиннаго; и отцу Ивану экспромту теперь говорить запрещено, ина-

че какъ по тетрадкѣ, съ пропускомъ благочиннаго; а они что ни начнутъ сочинять, — все опять мимовольно или отъ лягушки, или — что̀ уже совсѣмъ не идуще — отъ кошкина хвоста пишутъ, и главное, все понапрасну, потому что говорить имъ этого ничего никогда не позволятъ. Вы у нихъ изволили быть?

— Былъ.

— И непремѣнно за писаніемъ ихъ застали?

— Кажется, говорю, онъ точно что-то писалъ и спряталъ.

— Спряталъ! быстро воскликнулъ дьяконъ, — ну такъ поздравляю же васъ, сударь... Это онъ опять разчалъ запрещенную проповѣдь.

— Да почему же вы такъ увѣрены, что онъ непремѣнно запрещенную проповѣдь пишетъ?

— Да потому что и о лягушкѣ, и о кош-

киномъ хвостѣ, и о женскомъ правилѣ имъ это все запрещено, а они ужъ не свободомысленны, и отъ другаго теперь не исходятъ.

— Отецъ Маркелъ же, любопытствую, свободнѣе?

Дьяконъ крякнулъ и рукой махнулъ.

— Тоже, говоритъ, сударь, и они сильно попутаны; но только тотъ вѣдь у насъ ко всему этому воитель на враги одолѣнія продерзостью возмогаетъ.

— Вотъ какъ?

— Какже-съ! Они, отецъ Маркелъ, видя что отцу Ивану ничего по ихъ доносу не вышло ни за плясаніе, ни за карты, впали въ ужасную гнѣвность, и послѣ, разъ за разомъ, еще сорокъ три бумаги на него написали. „Мнѣ, твердятъ, ужь теперь все равно; если ему ничего не досталось, такъ и я ничего не боюсь. Я только, говорятъ, дороги не знаю, а то я бы плюнулъ на

всѣхъ и самъ къ Гарибальди пошелъ.“ Мнѣ даже жаль ихъ стало потому ничего не успѣваетъ, а наипаче молва бываетъ.

Я говорю: отецъ Маркелъ, бросьте все это: видите, говорю, что ничего уже отъ него при нынѣшнемъ начальствѣ не позаимствуешь. Не слушаетъ. Я матушку ихъ, супругу, Марѳу Тихоновну, началъ просить. Матушка, говорю, вы уговорите своего отца Маркела, чтобъ онъ бросилъ и помирился, потому какъ у насъ по торговой части судбище считается всего хуже, а лучше всего миръ. Матушка сразу со мной согласились, но говорятъ: „Охъ, дьяконъ, молчи: онъ просто въ родѣ какъ бы въ изступленіи ума“. Стоимъ этакъ съ нею за угломъ, да разговариваемъ, а отецъ Маркелъ и вотъ онъ.

— „Что, говоритъ, все тутъ небось про меня злословите?“

Матушка говоритъ: „Маркелъ Семенычъ, ты лучше послушай-ка что дьяконъ-то какъ

складно для тебя говоритъ: помирись ты съ отцомъ Иваномъ"! А отецъ Маркелъ какъ заскачетъ на мѣстѣ: „знаю, говоритъ, я васъ, знаю что вы за люди съ дьякономъ-то". И что же вы, сударь, послѣ сего можете себѣ представить? Вдругъ, сударь мой, вызываетъ меня черезъ три дня попадья, Марѳа Тихоновна, черезъ мою жену на огородъ.

— „Охъ, дьяконъ, говоритъ, вѣдь намъ съ тобой плохо!

— Что, молъ, чѣмъ плохо?

— „Да вѣдь мой отецъ Маркелъ-то на насъ съ тобой третьяго дня репортъ послалъ."

Такъ, знаете, меня варомъ и обварило....

— Какъ такъ репортъ? Въ какомъ смыслѣ?

— „А вотъ поди же! говоритъ. Какъ мы съ тобой онамедни за угломъ стояли, онъ послѣ того цѣлую ночь меня мучилъ: гово-

ри, пристаетъ, жена какъ дьяконъ тебѣ говорилъ: чѣмъ можно попа Ивана изнять?“

— Ничѣмъ, говорю, его изнять нельзя!

— „А! ничѣмъ! ничѣмъ! говоритъ, это я знаю: это тебя дьяконъ научилъ. Ты теперь, говоритъ, презрѣвъ законъ и религію, идешь противъ мужа. И такъ меня тутъ такимъ словомъ обидѣлъ, что я тебѣ и сказать не могу.“

— Матушка, да это что же, молъ, такое несообразное?

— „Нѣтъ, а ты, говоритъ, еще подожди что будетъ?“ И потомъ онъ цѣлый день все со мной воевалъ и послѣ обѣда, и слава Богу, заснулъ, а я, плачучи, вынула изъ сундука кусочекъ холстинки, что съ похоронъ дали, да и стала ему исподнія шить; а онъ вдругъ какъ вскочитъ. „Стой, говоритъ, злодѣйка! что ты это дѣлаешь?“

— „Тебѣ, говорю, Маркелъ Семенычъ исподнія шью.“

— „Врешь, говоритъ; ты это не мнѣ шьешь, а ты это дьякону.“

Ну, разумѣется, попадья—женщина престарѣлая — заплакала и подумала себѣ такую женскую мысль, что дай-молъ я ему докажу, что я это *ему* шью, а не дьякону, и взяла красной бумаги и начала на тѣхъ исподнихъ литеры *вѣди* мѣтить, а онъ, отецъ Маркелъ, подкрался, да за руку ее хапъ.

— „А! Говоритъ, вотъ когда я тебя поймалъ! Что ты тутъ выводишь?

— „Твое имено выставляю, *вѣди*,“ говоритъ попадья.

— „А что такое, говоритъ, обозначаетъ это *вѣди*“?

Попадья говоритъ что обозначаютъ его фамилію: „Вѣденятинъ“, а онъ говоритъ: „врешь, эти вѣди значитъ Викторычъ, дьяконъ“, и я, говоритъ, объ этомъ рапортъ донесу. Сѣлъ ночью и написалъ.

Я даже не воздержался при этихъ сло-

вахъ дьякона и воскликнулъ: фу, какая глупость!

— Нѣтъ-съ, вы еще насчетъ глупости подождите, останавливаетъ разскащикъ: почему же это *вѣди* означаетъ что „Викторычъ“, когда имя мое *Еремѣй*, а фамилія *Козявкинъ*? Вѣдь это съ ихъ стороны ничего болѣе какъ одна глупая забывчивость, что сколько лѣтъ со мною священнодѣйствуютъ, а не знаютъ какъ ихъ дьякона зовутъ! А между тѣмъ какъ вы, сударь, полагаете? воскликнулъ дьяконъ, становясь въ наполеоновскую позицію, — что изъ того воспослѣдовало? На третій день благочинный пріѣхалъ, уговаривалъ отца Маркела, что, молъ, по вашему сану, хоша бы и точно такое дѣло было, такъ его нельзя оглашать, потому что за это вы сана лишитесь. Но отецъ Маркелъ: „пускай, говорятъ, я лучше всего рѣшусь, а этого такъ не пожертвую.“ Позвали насъ въ консисто-

рію. Отецъ Маркелъ говоритъ: „я ничего не боюсь и поличное съ собою повезу“, и повезли то бѣльишко съ собою; но все это дѣло сочтено за глупость, и отецъ Маркелъ хоша отосланъ въ монастырь на дьячевскую обязанность, но очень въ надеждѣ что хотя они генерала Гарибальди и напрасно дожидались, но за то теперь скоро, говоритъ, графъ Бисмраковъ изъ Петербурга адъютанта пришлетъ и настоящихъ русскихъ всѣхъ выгонитъ въ Ташкентъ барановъ стричь... Ну пусть, но вѣдь это еще можетъ пока одинъ разговоръ такой... А я страждую, и всего уже больше какъ на тридцать овецъ постраждовалъ. А за что? За сосѣдскую глупость, а межъ тѣмъ если этакъ долго эти приходы не разверстаются у насъ, все будутъ идти прокриминаціи, и когда меня въ настоящемъ видѣ сократятъ, мнѣ по торговой части тогда ужь и починать будетъ не съ чѣмъ. Вотъ, что, Орестъ Мар-

ковичъ, духовное лицо у насъ теперь въ смущеніе приводитъ.

LIII.

Такъ помаленьку устраиваясь и поучаясь, сижу я однажды предъ вечеромъ у себя дома, и вижу, что ко мнѣ на дворъ въѣхала пара лошадей въ небольшомъ тарантасикѣ, и изъ него выходитъ очень небольшой человѣчекъ, совсѣмъ похожій съ виду на художника: матовый блѣдный брюнетикъ, съ длинными, черными, прямыми волосами, съ бородкой и съ подвязанными черною косынкой ушами. Походка легкая и осторожная: совсѣмъ петербургская золотуха и мозоли, а глаза сѣрые, большіе, очень добрые и располагающіе.

Подойдя къ открытому окну, у котораго я стоялъ, гость очень развязно поклонился, и нѣсколько меланхолическимъ голосомъ говоритъ:

— Я не изъ самыхъ пріятныхъ посѣтителей; вашъ становой Васильевъ, честь имѣю рекомендоваться,—и съ этимъ направляется на крыльцо, а я встрѣчаю его на порогѣ.

Долженъ вамъ, сказать что я питаю большое довѣріе къ первымъ впечатлѣніямъ и этотъ золотушный становой необыкновенно понравился мнѣ, какъ только я на него взглянулъ. Я всегда видалъ становыхъ сытыхъ, румяныхъ, даже красныхъ, мѣшковатыхъ, нескладныхъ и рѣзкихъ, а такихъ какъ этотъ мнѣ никогда и въ умъ не приходило себѣ представить.

— Радъ, говорю, очень съ вами познакомиться,—и повѣрьте, дѣйствительно было радъ. Такой мягкій человѣкъ, что хоть его къ больной ранѣ прикладывай, и особенно мнѣ въ немъ понравилось, что хотя онъ съ вида и похожъ на художника, но нѣтъ въ немъ ни этой семинарской застѣнчивости, ни маркерской развязности и вообще ни-

чего лакейскаго, безъ чего художникъ у насъ рѣдко обходится. Это просто входитъ бѣдный джентльменъ,—въ своемъ родѣ олицетвореніе благородной и спокойной гордости и нищеты рыцаря Ламанчскаго.

— Благодарю за доброе слово, отвѣчаетъ онъ тихо и кротко на мое привѣтствіе и входя добавляетъ:—впрочемъ я по счастію дѣйствительно привезъ вамъ такія вѣсти, что онѣ стоятъ добраго слова,—и съ этимъ даетъ мнѣ бумагу, а самъ прямо отходитъ къ шкафу съ книгами и начинаетъ читать титулы переплетовъ.

Я пробѣжалъ бумагу и вижу, что предводитель дворянства нашей губерніи, въ уваженіе долгаго моего пребыванія за границей и пріобрѣтенныхъ тамъ познаній по части сельскаго благоустройства, проситъ меня принять на себя трудъ приготовить къ предстоящему собранію земства соображенія на счетъ возможно лучшаго устройства врачебной части въ селеніяхъ.

LIV.

Какъ я кончилъ читать, становой ко мнѣ оборачивается и говоритъ:

— А что, я вѣдь правъ: вамъ конечно будетъ пріятно для бѣднаго человѣчества поработать.

Я отвѣчаю что онъ-то правъ, и что я дѣйствительно съ удовольствіемъ возьмусь за поручаемое мнѣ дѣло и сдѣлаю все что въ силахъ, но только жалѣю, что очень мало знаю условія теперешняго сельскаго быта въ Россіи, и добавилъ, что большой пользы надо бы ожидать лишь отъ такихъ людей, какъ онъ и другіе, на глазахъ которыхъ начались и совершаются всѣ нынѣшнія реформы.

— И, полноте! отвѣчаетъ становой,—да у меня-то о такихъ практическихъ дѣлахъ вовсе и соображенія нѣтъ. Я вотъ больше все по этой части,—и онъ кивнулъ рукой на шкафъ съ книгами.

Намъ подали чай и мы сѣли за столъ.

— Вамъ, начинаетъ становой, — можно очень позавидовать: вы кажется совсѣмъ опредѣлились.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно. Онъ понялъ мое недоумѣніе и сейчасъ объяснилъ:

— Я это сужу по вашимъ книгамъ, — у васъ все болѣе книги историческія.

— Это, отвѣчаю, книги подбора моего покойнаго дяди, а вы меня застали вотъ за *Душою животныхъ* Вундта, и показываю ему книгу.

— Не читалъ, говоритъ, да и не желаю. Господинъ Вундтъ очень односторонній мыслитель. Я читалъ *Тѣло и душа* Ульрици.— Это гораздо лучше. Признавать душу у всѣхъ творей это еще не Богъ вѣсть какое свободомысліе, да и вовсе не ново. Преосвященный Иннокентій вѣдь тоже не отвергалъ души животныхъ. Я слышалъ, что

онъ объ этомъ даже писалъ бывшему Кіевскому ректору Максимовичу, но что̀ намъ еще пока до душъ животныхъ, когда мы своей души не понимаемъ? Согласитесь это важнѣе.

Я согласился, что стремленіе постичь свою душу очень важно.

— Очень радъ, что вы такъ думаете, отвѣчалъ становой, — а у насъ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни преступно пренебрегаютъ. А кричатъ: „нашъ вѣкъ! нашъ вѣкъ!“ Скажите же пожалуйста, въ чемъ же превосходство этого вѣка предъ вѣками Платона, Сократа, Сенеки, Плутарха, Канта или Гегеля? Что̀ тогда стремились понять, за то теперь даже взяться не знаютъ. Это ли прогрессъ!... Нѣтъ-съ: это регрессъ, и это еще Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ замѣчено и сказано въ его одѣ „на Счастіе“, что ужъ человѣчество теряетъ умственный устой: „Повисли въ воздухѣ мартышки и весь свѣтъ

сталъ полосатый шутъ.“ Я понимаю прогрессъ по Спензеру, то-есть прогрессъ вижу въ наисовершеннѣйшемъ раскрытіи нашихъ способностей; но этотъ „нашъ вѣкъ“ какія же раскрылъ способности? Однѣ самыя грубыя. У насъ тутъ докторъ есть въ городѣ, Алексѣй Ивановичъ Отрожденскій, прекрасный человѣкъ, честный и свѣдущій,—вамъ съ нимъ даже не худо будетъ посовѣтоваться насчетъ врачебной части въ селеніяхъ,—но ужасно грубый матеріалистъ. Даже странно: онъ знаетъ конечно, что въ теченіе семи лѣтъ все матеріальное существо человѣка израсходывается и замѣняется, а не можетъ убѣдить себя въ необходимости признать въ человѣкѣ независимое начало, сохраняющее намъ тождественность нашего сознанія во всю жизнь. Какое отупѣніе смысла! Это даже обидно и мнѣ очень непріятно. Я здоровья, видите, не богатырскаго и впечатлителенъ и отъ всѣхъ этакихъ вещей

страдаю, а здѣсь особенно много охотниковъ издѣваться надъ вопросами духовнаго міра. Это по моему не что̀ иное какъ невѣжество, распространяемое просвѣщеніемъ и я оправдываю Льва Николаича Толстаго, что онъ назвалъ печать „орудіемъ невѣжества.“ По крайней мѣрѣ по отношенію къ знаменитому „нашему вѣку“ это очень вѣрно. Преданія и внутренній голосъ души ничего подобнаго не распространяютъ.

Вотъ, думаю, какая птица ко мнѣ залетѣла!

— Васъ, говорю, кажется занимаютъ философскіе вопросы?

— Да, немножко, сколько необходимо, и сколько могу имъ отдать при моей службѣ; да и согласитесь, какъ ими не интересоваться: здѣсь живемъ минуту, а *тамъ* вѣчность впереди насъ, и вѣчность позади насъ, и что̀ такое мы въ этой экономіи? Неужто ничто? Но тогда зачѣмъ же всѣ хлопоты о

правахъ, о справедливости? Зачѣмъ даже эти сегодняшнія хлопоты объ устройствѣ врачебной помощи? Тогда все вздоръ, nihil. Не все ли равно, такъ ли пропадутъ ефемериды, или иначе? Минутой раньше или минутой позже, не все ли это равно? Родительское чувство, или гуманность.... Да и они ничтожны!... Если дѣти наши мошки и жизнь ихъ есть жизнь мошекъ, или еще того менѣе, такъ о чемъ хлопотать? Родилось, умерло и пропало; а если всѣ сразу умрутъ и еще лучше,—и совсѣмъ не о чемъ будетъ хлопотать. А ужь что касается до иныхъ заботъ, — о правахъ, о справедливости, о возмездіи объ отмщеніи притѣснителямъ и обо всемъ, о чемъ теперь всѣ говорятъ и пишутъ, такъ это ужь просто сумасшествіе: стремиться къ идеаламъ для того, что̀ само въ себѣ есть nihil!... Я не понимаю такого идеализма при сознаніи своей случайности.

Позвольте, да что̀ же это за становой!

LV.

Я крайне заинтересовался моимъ гостемъ и говорю ему, что любопытствую знать, какого мнѣнія держится онъ объ этомъ самъ?

— Я вамъ на это, говоритъ, могу смѣло отвѣчать: я держусь самаго простаго мнѣнія, и какъ мнѣ и очень многимъ кажется, самаго яснаго: въ экономіи природы ничто не исчезаетъ, никакая гадость; за что же должно исчезнуть одно самое лучшее: начало, воодушевлявшее человѣка и двигавшее его разумъ и волю? Этого не можетъ быть! Разумѣется утверждаютъ, что все это не матерія, а функціи; я однако этого мнѣнія не раздѣляю и стою за самостоятельное начало душевныхъ явленій. Конечно объ этомъ теперь идутъ и почти всегда шли безконечные споры, но меня это не смущаетъ: вопервыхъ, истинные ученые за насъ... Вонъ ужь и Лудвигъ въ *Lehrbuch der*

Physiologie прямо сознаетъ, что въ каждомъ ощущеніи, кромѣ того, что въ немъ можетъ быть объяснено раздраженіемъ нервовъ, есть *нѣчто* особенное, отъ нервъ независимое, а душой-то всѣ эти вопросы постигаются ясно и укладываются въ ней безмятежно. Отрожденскій все упираетъ на то, что даже и самому Строителю міра мѣста будто бы нигдѣ нѣтъ; а я ему возражаю, что мы и о мѣстахъ ничего не знаемъ, и указываю на книжку Фламаріона *Многочисленность обитаемыхъ міровъ*, но онъ не хочетъ ее читать, а только бранится и говоритъ: „Это спиритскія бредни“. Но какъ же спиритскія бредни, когда вѣдь онъ самъ этой книги не читалъ и даже не знаетъ что Фламаріонъ профессоръ астрономіи? Вотъ такимъ образомъ съ нимъ совсѣмъ спорить и невозможно.

— Вы метафизикъ?

— Нѣтъ, я въ вопросахъ этого рода рѣд-

ко иду путемъ умозаключеній, хотя и люблю искусную и ловкою игру этимъ орудіемъ, какъ напримѣръ у Лаврентія Стерка, котораго у насъ впрочемъ невѣжды считаютъ своимъ братомъ скотомъ, между тѣмъ, какъ онъ въ своемъ „Каранѣ“ приводитъ очень усердно и тончайшія фибры Левенхука, и песчинку покрывающую сто двадцать пять орифисовъ, черезъ которыя мы дышемъ и другое многое множество современныхъ ему открытій въ доказательство, что вещи и явленія, которыхъ мы не можемъ постигать нашимъ разсудкомъ вовсе не невозможны отъ этого,—но все это въ сторону. Я признаю священныя тайны завѣта и не подвергаю ихъ безплодной критикѣ. Къ чему, когда инструментъ нашъ плохъ и не беретъ этого? Нѣтъ, постиженіе сверхъестественнаго и духовнаго метафизическимъ методомъ, по моему, не приноситъ никакого утѣшенія и только сбиваетъ. Развѣ иногда въ шутку

съ Отрожденскимъ, когда онъ издѣвается надъ вѣчностью и отвергаетъ все неизслѣдимое на томъ основаніи, что все сущее будто бы уже изслѣдовано въ своихъ явленіяхъ и причинахъ, ну тогда я, шутя, дозволяю себѣ употребить нѣчто въ родѣ метафизическаго метода такимъ образомъ, что спросишь: Извѣстно ли ученымъ отъ чего кошки слѣпыми рождаются? отчего конь коню въ одномъ мѣстѣ другъ друга чешутъ? отчего голубь въ полночь воркуетъ? „Неизвѣстно"!... Но говоритъ, „это вздоръ!" Какъ вздоръ? Вотъ ужь сейчасъ отсюда прямо и пойдетъ несостоятельность и посылки на то, что еще „откроютъ". Дай Богъ конечно открытій, я ихъ жарко желаю,— не по своей разумѣется должности, — но все что̀ ученые откроютъ, то все въ нашу пользу, а не въ пользу матеріалистовъ. Вонъ матеріалисты нивѣсть какъ радовались работамъ надъ мозгами, а что̀ вышло? От-

крыто что мозгъ свиньи и дельфина очень развитъ, а собака вѣдь умнѣе ихъ, хоть мозгъ ея развитъ и хуже. Вотъ вамъ и доказали!

Становой добродушно засмѣялся.

— Вы, любопытствую, въ духовной академіи воспитывались, или въ университетѣ?

— Нѣтъ, я такъ, кое-въ-какомъ французскомъ пансіонишкѣ учился: въ казенное заведеніе, по тогдашнимъ правиламъ, я не могъ попасть, потому что Васильевъ, какъ я называюсь — это вѣдь не настоящая, то-есть не родовая моя фамилія. Моя покойница матушка была Швейцарка... дѣвица... очень бѣдная... въ экономкахъ служила у одного русскаго помѣщика. Отца своего я не зналъ... я... понимаете, только сынъ моей матери, и Васильевымъ называюсь по крестному отцу. Самъ я, однако, Русскій, а въ чины произошелъ такимъ образомъ, что въ Харьковскомъ университетѣ экзаменъ

на уѣзднаго учителя выдержалъ; но матушка пожелала, чтобъ я вышелъ изъ учителей и пошелъ въ чиновники. Находила, что это благороднѣе; можетъ-быть заблуждалась; ну это ей такъ было угодно, — я исполнилъ ея волю; а теперь ужь и она скончалась, а все служу. Боюсь, чтобъ ей не было непріятно, что я какъ будто ждалъ ея кончины. Да и зачѣмъ мѣнять?

— Но насколько, говорю, смѣю позволить себѣ судить о васъ по нашему мимолетному знакомству и по вашимъ искреннимъ словамъ, — вамъ, вѣроятно, учительскія занятія были бы гораздо сроднѣе, чѣмъ обязанности полицейской службы?

— Ахъ, полноте: не все ли это равно, на какомъ стулѣ не посидѣть въ чужой гостиной? Не оглянешься, какъ праотцы отсюда домой позовутъ. Нѣтъ, это мнѣ совершенно все равно: на умѣренныя мои потребности жалованья мнѣ достаетъ; я да-

же и роскошь себѣ позволяю, фортепіано имѣю; а служба самая легкая: все только исполняю то, что велѣно, а своею совѣстью, своимъ разумомъ и волей ни на волосъ ничего не дѣлаю... Какъ хотите, эти выгоды чего-нибудь да стоятъ; я совершенно безотвѣтственъ! Знаете, summa jus summa in juria — высочайше право есть высочайшее безправіе. Вотъ еслибъ у меня была такая ужасная должность, какъ напримѣръ прокурорская, гдѣ надо людей обвинять,— ну, это, разумѣется, было бы мнѣ нестерпимо, и я бы страдалъ и терзался; но теперь я совершенно доволенъ моимъ положеніемъ и счастливъ.

— Но жаль, замѣчаю, что вы себѣ, напримѣръ, не усвоили адвокатуры. Вы могли бы принести много добра.

— Ахъ нѣтъ, пожалуста, не жалѣйте! Да и какое тамъ возможно добро? Одного выручай, другаго топи. Нѣтъ это тоже не

по мнѣ, и я благодарю Бога, что я на своемъ мѣстѣ.

— Да ужь судьей даже, и то, — настаиваю, — вы были бы болѣе на мѣстѣ.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани: что̀ здѣсь за правда на этой планетѣ, и особенно юридическая правда, которая и на наши несовершенныя понятія не правда, а поношеніе правды! Юридическая правда идетъ *подъ чертою* закона несовершеннаго, а правда нравственная выше всякой черты въ мірѣ. Я вѣдь, если откровенно говорить, я до сихъ поръ себѣ не рѣшилъ: преступленіе ли породило законъ, или законъ породилъ преступленіе? А когда мысленно дѣлаю себя чьимъ-нибудь судьей, то я, въ здравомъ умѣ, думаю, какъ король Лиръ думалъ въ своемъ помѣшательствѣ: сто̀итъ только вникнуть въ исторію преступленій и видишь: „нѣтъ виноватыхъ.„ Я знаю что это противно — не законамъ гражданскимъ,—нѣтъ,

я объ этомъ вздорѣ не говорю, но это противно положеніямъ, вытекающимъ изъ понятія о самостоятельности душевныхъ явленій. Вотъ тутъ и начинается мой разладъ и неопредѣленность, потому что я все-таки чувствую что „нѣтъ виноватыхъ“, а это несовмѣстимо. Отрожденскій увѣряетъ меня, что я сумашедшій. Онъ видитъ вопіющую несообразность въ томъ, что я, допуская свободную волю, не оправдываю убійства и мщенія, и клянется, что меня за мои несообразности когда нибудь въ желтый домъ посадятъ. Но скажите, Бога ради, рязвѣ меньшая несообразность утверждать, что у человѣка нѣтъ свободной воли, что онъ зависитъ отъ молекулъ и отъ нервныхъ узловъ, и въ то же самое время мстить ему за то, что онъ думаетъ или поступаетъ такъ, а не этакъ? Вѣдь это верхъ несправедливости! Нѣтъ, я убѣжденъ что, мстить и убивать человѣка не слѣдуетъ ни обыкновен-

нымъ людямъ, ни правителямъ. Ни кто не виноватъ — „нѣтъ виноватыхъ!“ Если все дѣло въ нашихъ молекулахъ и нервахъ, то люди ни въ чомъ не виноваты, а если душевныя движенія ихъ независимы, то „правители всегда въ пору своему народу“, какъ сказалъ Монтескье; и потомъ вѣдь.... что же такое и сами правители? Что тутъ серіознаго и съ кѣмъ изъ нихъ стоитъ считаться? Все это такое nihil, такое *ничто*... Одинъ крошечку получше, другой крошечку похуже: не все ли это равно тому кто совсѣмъ нигилистъ и кто *не гилистъ*? Это можетъ озабочивать одну мелочь: газетчиковъ, журналистовъ и другой подобный имъ мелкій людъ, но не настоящаго человѣка, постигающаго свое призваніе. Другое дѣло, еслибы могло идти дѣло о чемъ-нибудь такомъ, чѣмъ бы достигалась общая правда....

— А вы надѣетесь что она достижима?

— Еще бы! Непремѣнно-съ достижима.

LVI.

Становой улыбнулся, вздохнулъ, и помолчавъ, тихо проговорилъ въ раздумьѣ: Одна минута малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ была бы минута непростительной, малодушной трусости.

— А какъ близка эта минута? Когда вы ожидаете видѣть царство всеобщей правды?

Становой снова улыбнулся беззаботно и бодро крякнувъ отвѣчалъ что годъ тому назадъ ему лучшіе врачи въ Петербургѣ сказали, что онъ больше двухъ лѣтъ не проживетъ.

— Ну, допустить, говоритъ, что эти ученые люди при нынѣшней точности ихъ основательной науки, лѣтъ на десять ошиблись, а все-таки мнѣ, значитъ, не далеко до интереснаго дня.

— То-есть вы интереснымъ днемъ считаете день смерти?

— Да, когда отворится дверь въ другую комнату. Апполонъ Николаевичъ Майковъ съ поэтическимъ прозорливствомъ подмѣтилъ это любопытство у Сенеки въ его разговорѣ съ Луканомъ въ „трехъ смертяхъ!“ Согласитесь, что это самый интереснѣйшій моментъ въ человѣческой жизни. Вотъ я сижу у васъ, и очень весело обо всемъ мы разсуждаемъ, а вѣдь я не знаю, есть ли у васъ кто тамъ за этой запертою дверью, или никого нѣтъ? А между тѣмъ всякій шорохъ оттуда меня.... если не тревожитъ, то интересуетъ: кто тамъ такой? что онъ дѣлаетъ? А сердиться на то что вы мнѣ этого не сообщаете, я не смѣю: вы хозяинъ, вы имѣете право сказать мнѣ объ этомъ и имѣете право не сказать. Это такъ; но разъ что я заподозрилъ что тамъ кто то есть, я все-таки долженъ лучше предполагать, что тамъ хорошее общество. Я обязанъ такъ думать изъ уваженія къ хозяину,

и вотъ я стараюсь быть достойнымъ этого общества, я усиливаюсь держать себя порядочно, вести разговоръ не оскорбляющій развитаго чувства. Проходитъ нѣкоторое время, и вдругъ вы по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отворите двери и попросите меня перейти въ то общество и... мнѣ ничего; мнѣ не стыдно и меня оттуда не выгонятъ. А держи я себя здѣсь сорванцомъ и негодяемъ, мнѣ туда или отъ стыда нельзя будетъ взойти, или просто меня даже не пустятъ.

— А если тамъ никого и ничего нѣтъ въ той комнатѣ?

— Чтожъ такое? Если и такъ, то развѣ мнѣ хуже отъ того, что я велъ себя крошечку получше? Я и тогда все-таки не въ потерѣ. Повѣрьте, что самое маленькое усовершенствованіе есть въ сущности очень большое пріобрѣтеніе и доставляетъ изящнѣйшее наслажденіе. Я вѣдь отрицаю зна-

ченіе такъ-называемыхъ великихъ успѣховъ цивилизаціи: учрежденія, законы, это все только обуздываетъ зло, а добра создать не можетъ ни одинъ геній; эта планета исправительный домъ и ея условія неудобны для общаго благоденствія. Человѣкъ тутъ легко обозливается и легко падаетъ. Вотъ на этотъ-то счетъ и велико ученіе церкви о благодати, которая въ церковномъ единеніи восполняетъ оскудѣвающихъ и регулируетъ вселенскую правду.

— Скажите, говорю, Бога ради: зачѣмъ же вы, при такомъ вашемъ воззрѣніи на все, не ищете мѣста священника?

— Это уже не вы одни мнѣ говорите, но вѣдь все это такъ только кажется, а на самомъ дѣлѣ я, видите, никакъ еще для себя не опредѣлюсь въ самыхъ важныхъ вопросахъ; у меня все мѣшается, то одно, то другое.... Отрожденскій, — тотъ матеріалистъ, о которомъ я вамъ говорилъ, — по-

тѣшается надъ этими моими затрудненіями опредѣлить себя и предсказываетъ, что я опредѣлю себя въ сумасшедшій домъ; но это опять хорошо такъ въ шутку говорить, а на самомъ дѣлѣ опредѣлиться ужасно трудно, а для меня даже кажется будетъ и совсѣмъ невозможно; но чтобы быть честнымъ и послѣдовательнымъ, я ужъ разумѣется долженъ, идти пока дальше нельзя будетъ.

— Въ чемъ же, говорю, ваши затрудненія? Можетъ-быть это что-нибудь такое что̀, при извѣстныхъ стараніяхъ, при извѣстныхъ усиліяхъ, могло бы быть улажено?

— Нѣтъ, благодарю васъ; это дѣло здѣсь въ Россіи уже неисправимое: я самъ виноватъ, я былъ неосторожень или, если вы хотите, довѣрчивъ—и попался. Позвольте—я вамъ это разкажу?

— Ахъ, пожалуйста!

— Извольте, случай прекуріозный.

LVII.

— Я былъ очень радъ — началъ становой, — что родился римскимъ католикомъ; въ такой странѣ какъ Россія, которую принято называть самую вѣротерпимою, и по неотразимымъ побужденіятъ искать соединенія съ независимѣйшею церковью, я уже былъ и лютеранином и реформатомъ, и вообще три раза перешелъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, и все благополучно; но два года тому назадъ я принялъ православіе, и вотъ въ этомъ собственно вся исторія. Мнѣ оно очень нравилось, но особенно въ этомъ случаѣ на меня имѣли очень большое вліяніе неодобренныя сочиненія Иннокентія и запрещенныя богословскія сочиненія Хомякова, написанныя, впрочемъ, въ строго-православномъ духѣ. Это могущественная пропаганда въ пользу православія. Я убѣдился изъ

втораго тома этихъ сочиненій въ чистотѣ и многихъ превосходствахъ восточнаго православія, а особенно въ его прекрасномъ устраненіи государства въ дѣлѣ вѣры. Плѣнясь этимъ, я съ свободнѣйшею совѣстью перешелъ въ православіе; но.... оказывается что этой вѣры я уже перемѣнить не могу.

— Конечно, говорю, не можете. А вы этого не знали?

— Представьте, этого-то я и не зналъ; а то, разумѣется, я подождалъ бы.

— То-есть, чего же вы подождали бы?

— Испыталъ бы прежде еще нѣкоторыя другія вѣроисповѣданія, которыя можно перемѣнить, а православіе оставилъ бы на самый послѣдъ.

— Да зачѣмъ же, спрашиваю, это вамъ нужно мѣнять его? Развѣ вы разочаровались и въ убѣдительности словъ Иннокентія и Хомякова, и въ чистотѣ самаго православія?

— Нѣтъ, не разочаровался нисколько ни въ чемъ, но меня смутило что православія нельзя перемѣнить. Сознаніе этой несвободности меня лишаетъ спокойствія совѣсти. Самостоятельность моя этимъ подавлена и возмущается. Я подалъ просьбу, чтобъ мнѣ позволили выйти, а если не позволятъ, то думаю уйти въ Турцію, гдѣ христіанскія исповѣданія не имѣютъ протекціи и отъ того въ извѣстномъ отношеніи свободнѣе и ближе къ духу Христова ученія. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта, а теперь прощайте и извините меня, что я отнялъ у васъ много времени.

Я было просилъ его поужинать и переночевать, но становой отъ этого рѣшительно отказался и сказалъ, что онъ долженъ еще поспѣшить въ сосѣднюю деревню для продажи „крестьянскихъ излишковъ“ на взысканіе недоимки.

— Какіе же вы у нихъ находите „излишки“? спрашиваю его на порогѣ.

— А какіе у нихъ могутъ быть излишки? Никакихъ. Продаемъ и ложку и плошку, овцу, корову, — все, кромѣ лошадей и сохъ.

— И что̀ же, вы производите это не смущаясь совѣстью и безъ борьбы?

— Ну, какъ вамъ сказать, операція самая непріятная, потому что тутъ и дѣтскій плачъ, и женскій вой, и тяжелые мужичьи вздохи... однимъ словомъ все, что описано у Беранже: и „вставай братъ — пора, подать въ деревнѣ сбираютъ съ утра“... Очень тяжело; но вѣдь во всякомъ случаѣ видѣть эти страданія и скорбѣть о своемъ безсиліи отвратить ихъ все-таки легче чѣмъ быть ихъ иниціаторомъ. Мои обязанности все-таки всѣхъ легче: я машина, да-съ, я ничто другое какъ послѣдняя спица въ колесницѣ: съ меня за это не взыщется, а тѣмъ кто эти денежки тянетъ... Охъ, я скорблю за нихъ!

На сихъ словахъ мы разстались съ этимъ антикомъ, и онъ уѣхалъ.

LVIII.

Становой Васильевъ довольно долго не шелъ у меня изъ головы, и я даже во снѣ не разъ видалъ его священникомъ въ ризѣ, а въ его фуражечкѣ съ кокардой—отца Маркела, ожидавшаго себѣ въ помощь генерала Гарибальди изъ Петербурга. Впрочемъ я и въявь былъ того убѣжденія, что имъ очень удобно было бы помѣняться мѣстами, еслибы только не мѣшало становому смущавшее его недозволеніе перемѣнить православную вѣру, которую онъ собственно и не имѣлъ нужды перемѣнять. Но вопросъ объ устройствѣ врачебной части въ селеніяхъ занималъ меня еще болѣе и вытѣснилъ на время изъ моей головы и ссоры нашей поповки, и религіозно-философскія сомнѣнія моего приходскаго становаго. Я никогда ни-

чѣмъ дѣльнымъ не послужилъ землѣ своей, и потому при этомъ случаѣ, представлявшемся мнѣ порадѣть въ ея пользу, взялся за дѣло съ энергіей, какой даже не предполагалъ въ себѣ.

Я принялся писать. Пока я излагалъ историческое развитіе этого дѣла въ чужихъ краяхъ, все у меня шло какъ по маслу; но какъ только я написалъ: „обращаемся теперь къ Россіи“—все стало въ пень и не движется.

Съ великими натугами скомпилировалъ я кое-какъ, по офиціальнымъ источникамъ то, что̀ разновременно предполагалось и установлялось для народнаго здравія; но чувствую что все это сухо, и что въ исполненіи, какъ и въ неисполненіи всѣхъ этихъ предначертаній и указовъ, вездѣ или непроглядная тьма или злая иронія.... Выходитъ что все это никуда не годилось, кромѣ какъ на смѣхъ.... А что̀ здѣсь гоже? что̀

пріимчиво? что̀ въ этомъ родѣ можетъ принести добрый плодъ на нашей почвѣ? Просто отчаяніе! Чѣмъ больше думаю, тѣмъ громаднѣе выростаютъ и громоздятся предо мною самыя ужасныя опасенія насмѣшекъ жизни. Комическая вещь, въ самомъ дѣлѣ, если и въ настоящемъ случаѣ съ народомъ повторится комедія, которую господа врачи разыгрываютъ съ больными нищими, назначая имъ лафитъ къ столу и катанье предъ обѣдомъ въ покойной колескѣ!.. А съ другой стороны, что̀ же и присовѣтуешь, когда и лафитъ и коляска нужны? Говорятъ: главное дѣло гигіена; но Бога ради: какая же такая гигіена слыхана въ русской избѣ?... А между тѣмъ до собраній, въ которыя я долженъ явиться, остается уже недалеко, и надо будетъ представить дѣло въ обстоятельномъ изложеніи, съ обдуманными предположеніями. Что̀ же предполагать, и что́ планировать? Просто до

нѣкотораго отчаянія дошелъ я и впалъ въ такую нервическую раздражительность, что самъ на себя управы никакой не находилъ.

Думалъ, думалъ, и видя что ничего не выдумаю, рѣшилъ себѣ съѣздить въ свой уѣздный городъ и повидаться съ тѣмъ матеріалистомъ врачемъ Отрожденскимъ, о которомъ мнѣ говорилъ и съ которымъ даже совѣтовалъ повидаться становой Васильевъ. Сказано, сдѣлано: пріѣзжаю въ городишко, остановился на постояломъ дворѣ, и чтобъ имѣть предлогъ познакомиться съ докторомъ не совсѣмъ официальнымъ путемъ, посылаю просить его къ себѣ какъ больной врача.

LIX.

Человѣкъ пошелъ и черезъ минуту возвращается.

— Лѣкарь, говоритъ, не пошли-съ.

— Какъ, спрашиваю, отчего онъ не пошелъ?

— Начали, говорить, распрашивать: „Умираетъ твой баринъ или нѣтъ?“ — Я говорю: нѣтъ, слава Богу, не умираетъ. „И на ногахъ можетъ быть ходитъ?“ — На чемъ же имъ, отвѣчаю, и ходить какъ не на ногахъ. — Докторъ меня и поругалъ: „Не остри, изволили сказать, потому что отъ этого умнѣе не будешь, а отправляйся къ своему барину и скажи что я къ нему не пойду, потому что у кого ноги здоровы тотъ самъ можетъ къ лѣкарю придти.“

Выслушавъ такой рапортъ моего слуги, я ни мало не обидѣлся; что же, думаю, изъ „новыхъ людей“ онъ! Взялъ шляпу и трость, и пошелъ къ нему самъ.

Застаю, въ не особенно чистой комнатѣ, небольшаго, довольно полнаго брюнета, лѣтъ сорока двухъ, скоро пишущаго что-то за ломбернымъ столомъ.

Извинился и спрашиваю: дома ли докторъ Отрожденскій.

— Весь къ вашимъ услугамъ, отвѣчаетъ, не оборачиваясь, брюнетъ. — Присядьте, если угодно; я сейчасъ только отзывъ уѣздному начальнику допишу.

Я присѣлъ и смотрю съ боку на моего хозяина: лицо довольно симпатичное, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ видны и умъ и доброта.

Пока я его разсматривалъ, онъ кончилъ свое писаніе, расчеркнулся, записалъ бумагу въ книгу, запечаталъ въ конвертъ, свиснулъ и, вручивъ вошедшему солдату, этотъ пакетъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ что̀ мнѣ угодно?

— Прежде всего, говорю, мнѣ господинъ докторъ, кажется что я немножко нездоровъ.

— Ну, будьте увѣрены, что если еще самимъ вамъ только *кажется* что вы нездоровы, такъ болѣзнь не очень опасная. Что же такое вы чувствуете?

Я пожаловался на нервное раздраженіе.

Лѣкарь посмотрѣлъ на меня, пожалъ меня рукой не за пульсъ, а за плечо, и вздохнувъ, отвѣчаетъ:

— Вы вотъ очень толсты: видите сколько мяса и жиру себѣ наѣли. Васъ надо бы хорошенько выпотнить.

— Какже, говорю, это выпотнять?

— Вы богаты или нѣтъ?

— У меня, отвѣчаю, есть обезпеченное состояніе.

— Да? ну это скверно: не на кордѣ же вамъ въ самомъ дѣлѣ себя гонять, хоть и это бы для васъ очень хорошо. Меньше ѣшьте, меньше спите.... Управляющій у васъ есть?

— Есть.

— Отпустите его, а сами разбирайтесь съ мужиками: они вамъ скоро жиру поспустятъ. Потомъ, когда обвыкнетесь, и будете имѣть уже настоящее тѣло, — полное, вотъ какъ

я, но безъ жира, тогда и избавитесь отъ всякой нервической чепухи.

— Но вѣдь согласитесь, говорю, — эта нервическая чепуха очень непріятна.

— Ну, съ какой стороны смотрѣть на это: кому не на что жаловаться, такъ гадкіе нервы имѣть даже очень хорошо. Больше я вамъ ничего сказать не могу, заключилъ докторъ, и самъ приподнимается съ мѣста, выпроваживая меня такимъ образомъ вонъ.

LX.

Нѣтъ, позволь, думаю себѣ, братъ, ты меня такъ скоро не выживешь.

— Я, говорю, кромѣ того имѣю надобность поговорить съ вами уже не о моемъ здоровьѣ, а о народномъ. Я имѣю порученіе представить будущему собранію земства нѣкоторыя соображенія насчетъ устройства врачебной части въ селеніяхъ.

— Такъ зачѣмъ же, говоритъ, вы мнѣ давеча не дали знать объ этомъ съ вашимъ лакеемъ? Я бы по первому его слову пришелъ къ вамъ.

Я нѣсколько позамѣшкалъ отвѣтомъ и пробурчалъ что не хотѣлъ его безпокоить.

— Напрасно, отвѣчаетъ. — Вѣдь все же равно, вы меня звали, только не за тѣмъ за чѣмъ слѣдовало; а по службѣ звать никакой обиды для меня нѣтъ. Назвался груздемъ полѣзай въ кузовъ; да я и самъ бы радъ скорѣй съ плечъ свалить эту пустую консультацію. Не знаю что вамъ угодно отъ меня узнать, но знаю что рѣшительно ничего не знаю о томъ что̀ можно сдѣлать для учрежденія врачебной части въ селеніяхъ.

— Представьте что и я, говорю, тоже не знаю.

— Ну, вотъ и прекрасно! значитъ у насъ обоихъ на первыхъ же порахъ достигается

самое полное соглашеніе: вы такъ и донесите что мы оба, посовѣтовавшись, рѣшили что мы оба ничего не знаемъ.

— Но это будетъ шутка.

— Нѣтъ, напротивъ, самая серіезная вещь. Шутить будутъ тѣ кто начнутъ разказывать что они что-нибудь знаютъ и могутъ что-нибудь сдѣлать.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, сообщить ваши взгляды о томъ что̀ надо преобразовать?

— Это могу: надо преобразовать европейское общество и экономическое распоряженіе его средствами. У меня для этого примѣнительно къ Россіи даже составлена кое-какая смѣта, которою я, — исходя изъ того что исправное хозяйство одного крестьянскаго дома стоитъ среднимъ числомъ сто пятьдесятъ рублей, — доказываю, что путемъ благоразумныхъ сбереженій въ одномъ Петербургѣ, можно въ три года во

всей Россіи уменьшить на двадцать пять процентовъ число заболѣваній и на пятьдесятъ процентовъ цифру смертности.

— Это, отвѣчаю, очень интересно, но вѣдь отъ насъ не этихъ соображеній требуютъ. Отъ насъ ждутъ соображеній: что̀ можно сдѣлать для народнаго здоровья въ тѣхъ средствахъ въ какихъ находится нынче жизнь народа.

— Да, отъ насъ требуютъ соображеній: какъ бы соорудить народу эпанчу изъ тришкана кафтана? Портные, я слыхалъ, по поводу такой шутки говорятъ „что если это выправить, да переправить, да аршинъ шесть прибавить, то выйдетъ и эпанча на плеча“.

— Согласенъ, отвѣчаю, съ вами и въ этомъ; но вѣдь надо же съ чего-нибудь начать чтобы найти выходъ изъ этого положенія. Я вотъ разсмотрѣлъ нѣсколько статистическихъ отчетовъ о заболѣвающихъ и о смертности по группамъ болѣзней, и...

— И напрасно все вы это сдѣлали, перебилъ меня докторъ. — Эти отчеты способны только путать, а не уяснить дѣло. Наша литература въ этомъ отличается. Вонъ я недавно читалъ въ одной газетѣ будто *всѣ* болѣзни войска разносятъ. Очень умно! И лихорадка, и насморкъ — это все отъ войскъ! Глупо, но есть выводъ и направленіе и дѣло въ шляпѣ. Такъ и всѣ смертные случаи у насъ приписываются той или другой причинѣ, для того чтобъ отписаться, а народъ мретъ положительно только отъ трехъ причинъ: отъ холода, отъ голода и отъ глупости. Отъ этихъ хворобъ его и надо лѣчить. Какія же отъ этого лѣкарства, и въ какомъ порядкѣ ихъ надо давать? Это то же что̀ извѣстная задача: какъ въ одной лодкѣ перевезти чрезъ рѣку волка, козу и капусту чтобы волкъ козы не съѣлъ, а коза — капусты, и чтобы всѣ цѣлы были. Если вы устремитесь прежде всего на уничтоженіе вредно дѣйствующихъ причинъ

отъ холода и голода, тогда надо будетъ лѣчить не народъ, а нѣкоторыхъ другихъ особъ, изъ которыхъ каждой надо будетъ или выпуститъ крови отъ одной пятой до шестой части вѣса всего тѣла, или же подвѣсить ихъ каждаго минутъ на пятнадцать на веревку. Потомъ бы можно пожалуй и снять, а можно и не снимать.... Но это ни къ чему путному не поведетъ, потому что въ народѣ останется одна глупость, и онъ, избавившись отъ голода, обожрется, и съ дуру устроится еще хуже нынѣшняго. Стало-быть надо начинать съ азовъ — съ лѣченія *отъ глупости*. Я постоянно имѣю съ этимъ дѣло, и давно предоставилъ моему фельдшеру свободное право — по его собственной фантазіи опредѣлять причины смерти вскрываемыхъ труповъ, и знаю что онъ все вретъ. Дѣло гораздо проще. Зимой мужики дохнутъ преимущественно отъ холода, отъ дрянной одежды и дряннаго помѣщенія, по вес-

намъ — съ голоду, потому что при началѣ полевыхъ работъ аппетитъ у нихъ разгорается огромный, а удовлетворять его нечѣмъ; а затѣмъ остальное время — отъ пьянства, драки и вообще всякихъ глупостей, происходящихъ у глупаго человѣка отъ сытости.

— Вы сытость, говорю, тоже полагаете въ числѣ вредностей?

— А непремѣнно: дурака до сыта кормить нужно съ предосторожностями. Смотрите вонъ овсяная лошадь... ставьте ее къ овсу смѣло: она ѣстъ, и ей ничего, а припустите-ка мужичью клячу: она либо облопается и падетъ, либо пойдетъ лягаться во что̀ попало, пока сама себѣ всѣ ноги поотколотитъ. Вонъ у насъ теперь на линіи, гдѣ чугунку строятъ, какой моръ пошелъ! Всякій день меня туда возятъ; человѣка по четыре, по пяти вскрываю: неукротимо мрутъ отъ хорошей пищи.

— Отъ хорошей?! спрашиваю съ удивленіемъ.

— Да, отъ хорошей-съ, а не отъ худой. Это чиновникамъ хочется доказать что отъ худой, чтобы подрядчика прижать, а я знаю что непомѣрная смертность идетъ отъ хорошаго свойства пищи, и мужики сами это знаютъ. Какъ только еще началась эта исторія, человѣкъ съ двадцать сразу умерло; я спрашиваю: „отъ чего вы ребята, дохнете?“ „— А все съ чистаго хлѣба, говорятъ, дохнемъ ваше высокоблагородіе: — какъ мы зимой этого чистаго хлѣбушка дома не чавкали, а все съ мякиной, такъ вотъ таперича на чистой хлѣбъ насъ посадили и помираемъ.“ Обдержатся — ничего, а какъ новая партія придетъ — опять дохнутъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, сразу шесть человѣкъ вытянулись: два брата какъ другъ противъ друга сидѣли, ѣвши кашу, такъ оба и покатились. Вскрывалъ ихъ фельдшеръ: въ же-

лудкѣ каша, въ пищеводѣ каша, въ глоткѣ каша и во рту каша; а остальные которые переносятъ, жалуются: „Мы, баютъ, твоя милость, съ сытости стали на ноги падать, работать не можемъ“.

— Ну и чѣмъ же вы имъ помогли? Любопытно знать.

— Велѣлъ ихъ въ полъ-обѣда отгонять отъ котла палками. Подрядчикъ этого не смѣлъ; но они сами изъ себя трехъ разгонщиковъ выбрали, и смертность уменьшилась; а теперь въѣлись, и ничего: фунтъ меду мнѣ въ благодарность принесли.

Представьте себѣ мое положеніе съ этакимъ консультантомъ!

LXI.

— Но вѣдь это, говорю, все что вы изволили разказать, случаи экстренные, а вѣдь мы должны имѣть въ виду другое, когда

крестьянинъ умираетъ своею смертью безъ медицинской помощи.

— Да зачѣмъ же ему нужно умирать съ медицинскою помощью? вопросилъ лѣкарь. Развѣ ему отъ этого легче будетъ, или дешевле? Пустяки-съ все это! Поколику я медикъ, и могу оказать человѣку услугу чтобъ онъ при моемъ содѣйствіи умеръ съ медицинскою помощью, то ручаюсь вамъ что отъ этого мужику будетъ ни мало не легче, а только гораздо хлопотнѣе и убыточнѣе.

Удивился я, и прошу его объяснить мнѣ: отчего же это будетъ убыточнѣе, если съ мужика ни за рецептъ, ни за лѣкарство ничего не возьмутъ?

— А оттого, отвѣчаетъ, что мужикъ не вы, онъ не пойдетъ къ лѣкарю пока ему только *кажется* что онъ нездоровъ. Это дѣлаютъ жиды да дворяне, эти охотники пачкаться, а мужикъ человѣкъ степенный и

солидный, онъ разсказами это про свои болѣзни докучать не любитъ и отъ лѣкаря прячется, и со смокомъ дожидается пока смерть придетъ, а тогда ужь любитъ чтобъ ему не мѣшали умирать и даже готовъ за это деньги платить.

Ну, думаю себѣ, это ты, любезный другъ, врешь; я вовсе не такъ глупъ чтобы тебѣ повѣрить, и говорю ему:—Извините меня, но я никогда еще не слыхалъ чтобы какой-нибудь человѣкъ платилъ врачу деньги за то чтобъ ему поскорѣе умереть.

— Мало ли, отвѣчаетъ, чего вы не слыхали. Я много разъ это видѣлъ въ военныхъ больницахъ, особенно въ Петербургѣ козаки изъ старовѣровъ, ахъ какъ спокойно это совершаютъ! Съ большою-съ, съ большою серьезностію.... скорѣе семь разъ умретъ, чѣмъ позволитъ себѣ клистиръ сдѣлать, да-съ. Да вотъ даже нынѣшнимъ еще лѣтомъ со мной былъ такой случай, уже не

въ больницѣ. Тутъ помѣщица есть, очень важная барыня,—отсюда верстахъ въ десяти,—тоже вотъ, въ родѣ васъ, совсѣмъ ожирѣла. Разсердилась она какъ-то на дочь и расходились у ней, какъ у васъ, самордаки; дочь ея пишетъ мнѣ что „маменька умираетъ совсѣмъ“. Думаю: чортъ знаетъ, пожалуй, чего добраго, и дѣйствительно умретъ, и за нее, какъ за что̀ путное, подъ судъ попадешь что не подалъ помощи. Отправился къ ней на таратайкѣ. Пріѣзжаю, просятъ подождать. Жду и наблюдаю изъ залы какъ мальчишка лакейченокъ въ передней читаетъ старому лакею газету *Вѣсть*, и оба ею очень довольны. Старый лакей внушаетъ молодому лакею „вотъ говоритъ, какъ должно пишутъ настоящія господа“ и самъ сѣдой оселъ отъ радости заплакать готовъ. Великій народъ россійскій!... Прошелъ часъ; выходитъ ко мнѣ прекрасная барышня, дочка, и съ заплаканными глазками, говоритъ

что маменькѣ ея, изволите видѣть, полегче (вѣрно помирились) и что теперь онѣ изволили заснуть и не велѣли себя будить, а васъ, говоритъ, приказали просить въ контору, тамъ вамъ завтракъ подадутъ; и съ этимъ словомъ подаетъ мнѣ рубль серебромъ въ розовомъ пакетикѣ. Я завтрака ѣсть не пошелъ, спросилъ себѣ стаканъ воды, и положилъ на тарелку рубль его барыни, а барышнѣ сказалъ: „Сдѣлайте одолженіе, сударыня, скажите отъ меня вашей маменькѣ, что видалъ я на своемъ вѣку разныхъ свиней, но ужь такой полновѣсной свиньи какъ ваша родительница до сей поры не видывалъ.“

И въ таратайку ихъ я не сѣлъ, а ушелъ отъ нихъ пѣшкомъ. Жара страшная, десять верстъ ходьбы все-таки изрядно; пыль столбомъ стоитъ, солнце печетъ. На половинѣ дороги есть деревушка. Иду по улицѣ—даже собаки не тявкаютъ,—отъ жары кто ку-

да, подъ застрѣхи, да въ подполья попрятались. Смотрю, — у одной хатенки на порогѣ двое ребятишекъ сидятъ и синее молоко одною ложкой хлѣбаютъ и дѣлятся этою ложкой какъ самые заправскіе соціалисты. Одинъ разъ одинъ хлебнетъ, другому передаетъ, а тотъ хлебнетъ, этому передаетъ. Удивительно! Досужій человѣкъ на это цѣлое разсужденіе о русскомъ народѣ можетъ написать. И вдругъ это молоко меня соблазнило. Зайду, думаю, въ избу, нельзя ли хоть уста промочить. Вошелъ; вопервыхъ муха! самая неумѣримая муха! Такъ жужжитъ даже стонъ стоитъ. Вовторыхъ— жара нестерпимая и никого въ избѣ нѣтъ, только откуда-то тянется мучительное тяжкое оханье. Я вышелъ на дворъ, вижу бабенка навозъ вилами сушитъ.

— Есть, говорю, у тебя молоко?

Думала, думала и отвѣчаетъ, что молоко есть.

— Дай же, говорю, мнѣ молока; я тебѣ гривенникъ дамъ.

— А на что, говоритъ, мнѣ твой гривенникъ? Гривенникъ-то у насъ еще славу Богу и свой есть.

Однако согласилась, дала молока.

Сѣлъ я въ сѣняхъ на скамеечку, пью это молоко, а въ избѣ такъ и разливается мучительнѣйшій стонъ.

— Это, говорю, кто у васъ такъ мучится?

— Старичокъ, говоритъ, свекоръ больной помираетъ.

Я выпилъ молоко и подхожу къ старику. Гляжу, старичище настоящій Сатурнъ; человѣкъ здоровья несмѣтнаго, — мускулы просто воловьи, лежитъ, глаза выпучилъ и страшно, страшно стонетъ.

— Что, говорю, съ тобою, дѣдъ?

— А?

— Что, молъ, съ тобою?

— Отойди прочь, ничего, и опять засто-наль.

— Да что, моль, такое съ тобою? Чѣмъ ты боленъ?

— Отойди прочь, ничего.

Я ощупаль у него пузо: вижу, ужасъ что газовъ сперто. Я скорѣе сболталъ стаканъ слабительной импровизаціи, подношу и говорю:—Пей скорѣе, старикъ, и здоровъ будешь, еще сто лѣтъ проживешь.

— Отойди прочь, говоритъ, не мѣшай: я помираю.

— Пей, говорю, скорѣе! выпей только и сейчасъ выздоровѣешь. Гдѣ-же тамъ? и слушать не хочешь; „помираю“ да и кончено. Ну думаю себѣ не хочешь братъ слабительнаго такъ я тебя инымъ путемъ облегчу, а меня чувствую въ это время кто-то за колѣнко потихоньку теребитъ, точно какъ теленокъ губами забираетъ. Оглянулся, вижу стоитъ возлѣ меня большой мужикъ. Голова

съ просѣдью, лѣтъ около пятидесяти. Увидалъ что я его замѣтилъ и дѣлаетъ шагъ назадъ, и ехидно манитъ меня за собою пальцемъ.

— Чтю, говорю, тебѣ нужно?

— Батюшка, ваше благородіе, шепчетъ, пожалуйте!... примите! и съ этимъ словомъ суетъ мнѣ что-то въ руку.

— Это, спрашиваю, что̀ такое?

— Полтина серебра, извольте принять... полтину серебра.

— За что̀ же ты, дуракъ, даешь мнѣ эту полтину серебра?

— Не мѣшайте, батюшка, божьему старичку помирать.

— Ты кто ему доводишься?

— Сынъ, говоритъ, батюшка, родной сынъ; это батька мой родной: помилосердуйте, не мѣшайте ему помирать.

А тутъ гляжу изъ сѣней лѣзетъ бабенка, такая старушенція, совсѣмъ кикимора, вся

съ сверчка, плачетъ и шамшитъ: „батюшка, не мѣшай ты ему моему голубчику помирать-то! Мы за тебя Бога помолимъ.“

Что же, думаю, за что мнѣ добрымъ людямъ перечить! Тотъ самъ хочетъ помирать, родные тоже хотятъ чтобъ онъ умеръ, а мнѣ это не стоитъ ни одного гроша: выплеснулъ слабительное; помирайте, говорю, себѣ съ Богомъ хоть всѣ.

Они это отмѣнно вычувствовали и даже за самую околицу меня провожали съ благодарностію.

Спрашиваю дорогою:—Что же наслѣдства что ли, молъ, ждете отъ старика-то?

— Нѣтъ, говорятъ, батюшка, какое наслѣдство: мы бѣдные, да ужь онъ совсѣмъ въ путь-то собрался... и причастился, теперь ему ужь больно охота помереть.

Только что за околицу я вышелъ, гляжу, мальчишка бѣжитъ.

— Тятя, кричитъ, дѣдушка протянулся.

И всѣ заголосили: одинъ ты, молъ, у насъ только и былъ!

LXII.

— А все же, говорю, этотъ случай нимало не приводитъ насъ ни къ какому заключенію о томъ какъ избавить народъ отъ его болѣзней и безвременной смерти.

— Я вамъ мое мнѣніе сказалъ, отвѣчалъ лѣкарь. — Я себѣ давно рѣшилъ что всѣ хлопоты объ устройствѣ врачебной части въ селеніяхъ ни къ чему не поведутъ кромѣ обремененія крестьянъ, и давно пересталъ объ этомъ думать, а думаю о лѣченіи народа отъ глупости, объ устройствѣ хорошей, настоящей школы, сообразной вкусамъ народа и настоящей потребности, то-есть, чтобы всѣ эти гуманные принципы педагогіи прочь, а завести школы соотвѣтственныя нравамъ народа, спартанскія, съ бойломъ.

— Вы хотите бить?

— А непремѣнно-съ; это и народу понравится, да и характеры будутъ воспитываться сильнѣе, реальнѣе и злѣе. Такъ мы вѣрнѣе къ чему-нибудь доспѣемъ, чѣмъ съ этими небитыми фалалеями, которые теперь изо всѣхъ новыхъ школъ выходятъ. Я, при первыхъ деньгахъ, открою первый „образцовый пансіонъ“, гдѣ не будетъ никакой поблажки. Я это уже зрѣло обдумалъ, и даже, если не воспретитъ мнѣ правительство, сдѣлаю вывѣску: „Новое воспитательное заведеніе съ бойломъ“; а по желанію родителей, даже буду жестоко бить, и вы увидите что я наконецъ создамъ типъ *новыхъ людей*,—типъ, желая достичь котораго, наши ученые и литературные слѣпыши отъ него только удаляются. Доказательство на лицо: теперь все что̀ моложе сорока лѣтъ уже все скверно, все размягчено и распарено теплымъ слоемъ гуманнаго обращенія.

Такимъ людишкамъ нужны выгоды буржуазной жизни, и они на своихъ ребрахъ кола не переломятъ; а безъ этого ничего не будетъ.

— Ну, а объ устройствѣ врачебной-то части... мы такъ ни къ чему и не приблизились.

— Да и не къ чему приближаться; я вамъ сказалъ и, кажется, доказалъ что это вовсе не нужно.

— Простите, говорю, пожалуста; но тогда позволительно спросить васъ: зачѣмъ же, по-вашему, сами врачи?

— А для нѣсколькихъ потребностей: для собственнаго пропитанія, для административнаго декорума, для уничтоженія стыда у женщинъ, для истощенія кармановъ у богачей и для вскрытія умирающихъ отъ холода, голода и глупости.

Нѣтъ, вижу что съ этого барина видно ужь взятки гладки, да онъ вдобавокъ и го-

ворить со мной больше не хочетъ: всталъ и стоитъ какъ воткнутый гвоздь, а приставать къ нему не безопасно: или въ дверь толкнетъ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ-нибудь некрасиво обзоветъ.

— Не посовѣтуете ли, спрашиваю, по крайности, къ кому бы мнѣ обратиться; не занимаетъ ли этотъ вопросъ кого-нибудь другаго, не имѣетъ ли съ нимъ еще кто-нибудь знакомства, отъ кого бы можно было получить другія соображенія.

— Толкнитесь, отвѣчаетъ, къ смотрителю уѣзднаго училища: онъ здѣсь дѣвкамъ съ лица веснушки сводитъ и зубы заговариваетъ, а также и отъ лихорадки какія-то записки даетъ; и къ протопопу можете зайти, онъ по лѣчебнику Каменецкаго лѣчитъ. У него въ самомъ дѣлѣ врачебной практики даже больше чѣмъ у меня: я только мертвыхъ рѣжу, да и то не поспѣваю; вотъ и теперь сейчасъ надо ѣхать.

— Извините, говорю, еще одинъ вопросъ: а акушерка здѣшняя знаетъ деревенскій бытъ?

— Нѣтъ, къ ней не ходите: ее въ деревни не берутъ; она только офицерамъ, которые стоятъ съ полкомъ, деньги подъ залогъ даетъ, да скворцовъ учитъ говорить и продаетъ ихъ купцамъ. Вотъ становой у насъ былъ Васильевъ, тотъ можетъ-быть и могъ бы вамъ что-нибудь сказать; онъ въ душевныхъ болѣзняхъ подавалъ утѣшеніе, умѣлъ уговаривать терпѣть,—но и его, на ваше несчастіе, вчерашній день взяли и увезли въ губернскій городъ.

— Какъ, говорю, Васильева-то увезли! За что же это? Я его знаю—казалось, такой прекрасный человѣкъ...

— Ну прекрасный не прекрасный, а былъ человѣкъ очень пригодный досужнымъ людямъ для развлеченія, а взяли его по доносу благочиннаго что онъ будто бы хотѣлъ

бѣжать въ Турцію и перемѣнить тамъ вѣру. Я ему предлагалъ принять его въ самую толерантную вѣру, — въ безвѣріе, но онъ не соглашался, боялся что будетъ чувствовать себя несвободнымъ отъ необходимости объяснять свои движенія причинами зависящими отъ молекулъ и нервныхъ центровъ, — ну вотъ и зависитъ теперь отъ смотрителя тюремнаго замка. Впрочемъ время идетъ, и трупъ ожидающій моего визита каждую минуту все больше и больше воняетъ; надо пожалѣть людей и скорѣе его порѣзать.

Говорить болѣе было некогда, и мы разстались; но когда я былъ уже на улицѣ лѣкарь высунулся въ фуражкѣ изъ окна и крикнулъ мнѣ:

— Послушайте! повидайтесь-ко вы съ посредникомъ Готовцевымъ.

— А что такое?

— Да онъ вѣдь у насъ администраторъ

отъ самыхъ младыхъ ногтей и первый въ своемъ участкѣ школы завелъ,—его всѣмъ въ примѣръ ставятъ. Не откроетъ ли онъ вамъ при своихъ дарованіяхъ секрета какъ устроить чтобы народъ не умиралъ безъ медицинской помощи?

Я поблагодарилъ, раскланялся и скрылся.

LXIII.

Ни къ акушеркѣ, ни къ смотрителю училища, разумѣется, я не пошелъ, а отправился повидаться съ посредникомъ Готовцевымъ.

Прихожу, велѣлъ о себѣ доложить, и ожидаю въ залѣ. Выходитъ хозяинъ, молодой человѣкъ, высокій, румяный, пухлый, съ кадачкомъ и очень тяжелымъ взглядомъ сверху внизъ.

Отрекомендовались другъ другу, присѣли, и я изложилъ озабочивающее меня дѣло, и попросилъ услуги совѣтомъ.

— По моему, дѣло это очень не трудно уладить; но здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужна рѣшительность, а ее у насъ, знаете.... ее-то у насъ и нѣтъ нигдѣ, гдѣ она нужна. У насъ теперь не дѣло дѣлается, а разыгрывается въ лицахъ басня о лебедѣ, ракѣ и щукѣ, которые взялись везти возъ. Суды тянутъ въ одну сторону, администрація въ другую, земство потянетъ въ третью. Планы и предначертанія сыплются какъ изъ рога изобилія, а осуществлять ихъ невѣдомо какъ: „всякій бестія на своемъ мѣстѣ“ и всякъ стоитъ за свою шкуру. Безъ одной руководящей, и притомъ смѣло руководящей воли въ нашемъ хаосѣ нельзя, и воля эта должна быть ауторизована, отвѣтъ ея долженъ быть отвѣтъ Пилата Жидамъ: „еже писахъ—писахъ;“ тогда и возможно все: и всяческое благоустройство и единодѣйствіе.. и все. А у насъ... Вы не приглядывались къ ходу дѣлъ въ губерніи?

Отвѣчаю что еще не приглядывался.

— Напрасно; вы очень много потеряли.

Я отвѣчалъ что не лишаю себя надежды возвратить эту потерю, потому что скоро поѣду въ губернскій городъ на засѣданія земства, а можетъ быть и раньше, чтобы тамъ поискать у кого-нибудь совѣта и содѣйствія въ моихъ затрудненіяхъ.

— И прекрасно сдѣлаете: тамъ есть у насъ старикъ Фортунатовъ, нашъ русскій человѣкъ и очень силенъ при губернаторѣ.

Я замѣтилъ что я этого Фортунатова знаю по гимназіи и по университету.

— Ну вотъ, отвѣчаетъ, лучше этого вамъ и не надо: онъ всемогущъ потому что губернаторъ безпрестанно все путаетъ, и такъ путаетъ что только одинъ Василій Ивановичъ Фортунатовъ можетъ что-нибудь разобрать въ томъ что онъ напуталъ. Фортунатовъ — это такой шпенекъ въ здѣшнемъ механизмѣ что выньте его — и вся машина

станетъ, или чортъ знаетъ что̀ заворочаетъ. Вы съ нимъ можете говорить прямо и откровенно: онъ человѣкъ русскій и прямой, немножко, конечно, съ лукавинкой, но ужь это наша національная черта, а за то онъ одинъ всѣхъ рѣшительнѣе. Вы не были здѣсь, когда поднялась исторія изъ-за школъ? Это было ужасное дѣло: вынь да положь, чтобы въ селахъ были школы открыты, а мужики, что̀ имъ ни говори, только затылки чешутъ. Фортунатовъ видитъ разъ всѣхъ насъ, посредниковъ, за обѣдомъ: „братцы, говоритъ, ради Самого Господа Бога выручайте: страсть какъ изъ Петербурга за эти проклятыя школы насъ нажигаютъ!“ Поговорили, а мужики школъ все-таки не строятъ; тогда Фортунатовъ встрѣчаетъ разъ меня одного: „Ильюша, братецъ, говоритъ (онъ большой простякъ и всѣмъ почти *ты* говоритъ), да развернись хоть ты одинъ! будь хоть ты одинъ порѣшительнѣй; за-

ставь ты этихъ шельмъ нашихъ мужичонковъ школы поскорѣе построить". Дѣло, какъ видите трудное, потому что, съ одной стороны, мужикъ не понимаетъ пользы ученія, а съ другой, нельзя его приневоливать строить школы, не велѣно приневоливать. Но тѣмъ не менѣе есть же свои администраторскіе пріемы, гдѣ я могу, не выходя изъ.... изъ... изъ круга приличій, заставить.... или.... какъ это сказать.... склонить....— Извольте, говорю, Василій Ивановичъ, если дѣло идетъ о рѣшительности, я берусь за это дѣло и школы вамъ будутъ, но только уже смотрите, Василій Ивановичъ! — „Что, спрашиваетъ, такое?"—А чтобы мои руки были развязаны, чтобъ я былъ свободенъ, чтобы мнѣ никто не препятствовалъ дѣйствовать самостоятельно! Имъ было круто, онъ и согласился, говоритъ: „Господи! да Богъ тебѣ въ помощь, Ильюша, что хочешь съ ними дѣлай, только дѣйствуй!" Я чело-

вѣкъ аккуратный, впередъ обо всемъ условился: смотрите же, говорю, чуръ-чура: я вѣдь разойдусь, могу и противъ земства ударить, такъ вы и тамъ меня не предайте. — Ну что ты, Богъ съ тобой, сами себя что ли мы станемъ предавать?“ — Ну когда такъ — я и поставилъ дѣло такъ что всѣ только рты разинули. Въ одинъ годъ весь участокъ школами обзавелъ. Пріѣзжайте въ какую хотите деревушку въ моемъ участкѣ и спросите: „есть школа?“ ужь конечно не скажутъ что нѣтъ.

— Какъ же, говорю, вы всего этого достигли? Какимъ волшебствомъ?

— Вотъ вамъ и волшебство! самодовольно воскликнулъ посредникъ и, выступивъ на середину комнаты, продолжалъ: — Никакого волшебства не было и тѣни, а просто-на-просто административная рѣшительность. Вы знаете я что̀ сдѣлалъ? Я, я честный и неподкупный человѣкъ, который

горло вырветъ тому кто заикнется про мою честь: я школами взятки бралъ!

LXIV.

— Какже это такъ школами взятки брать? воскликнулъ я, глядя во всѣ глаза.

— Да-съ; я очень просто это дѣлалъ: жалуется общество на помѣщика или сосѣдей. „Хорошо, говорю, прежде школу постройте!“ Въ ногахъ валяются, плачутъ.... Ничего: сказалъ „школу постройте и тогда приходите!“ Такъ на своемъ стою. Повертятся, повертятся мужченки и выстроютъ, и вотъ вамъ лучшее доказательство: у меня уже весь, *буквально весь* участокъ обстроенъ школами. Конечно въ этихъ школахъ нѣтъ почти еще книгъ и учителей, но я ужь начинаю второй кругъ и ужь дѣло пошло и на учителей. Это, спросите, какъ?

Я молчу.

— А опять, продолжаетъ, все тѣмъ же самымъ порядкомъ: имѣешь надобность ко мнѣ, найми въ школу учителя. Отговорокъ никакихъ: найми учителя, и тогда твое дѣло сдѣлается. Мнѣ самому ничего не нужно, но для службы я чортъ.... и такимъ только образомъ и можно что-нибудь благоустроять. А безъ рѣшительности ни къ чему не придете. Захотѣлось теперь устройства врачебной части; пусть начальство выскажется что ему этого хочется: это ему принадлежитъ; но не мѣшай оно энергическимъ исполнителямъ, какъ это дѣлать. Ѳемидѣ ли вы служите, или земству, или администраціи — это должно быть все равно: каммертонъ данъ — пой, сигналъ пущенъ — пали. Еслибы начальство стояло стойко и рѣшительно, я.... я вамъ головой отвѣчаю что я не только врачебную часть, а я чортъ знаетъ что заведу вамъ въ Россіи съ нашимъ народомъ! Нашъ народъ слава Богу глупъ,

съ нимъ еще, слава Богу, жить можно.... „Строй, собачій сынъ, больницу!“ закричалъ посредникъ на меня неистово, подпявъ руку надъ моею головой. „Нанимай лѣкаря, или.... я тебя.... чортъ тебя!...“ и Готовцевъ началъ такъ штырять меня кулаками подъ ребра, что я, въ качествѣ модели народа, все подавался назадъ и назадъ и наконецъ стукнулся затылкомъ объ стѣну и остановился. Дальше отступать было некуда.

— А-а! закричалъ въ эту секунду Готовцевъ,—такъ вотъ я тебя канальскій народъ наконецъ приперъ къ стѣнѣ.... теперь тебѣ ужь некуда назадъ податься, и ты строишь что̀ мнѣ нужно.... и за это я тебя цѣлую... да-съ, — цѣлую, самъ своими собственными устами.

Съ этимъ онъ взялъ меня обѣими руками за лацканы, поцѣловалъ меня холоднымъ поцѣлуемъ въ лобъ и проговорилъ: „вотъ какъ я тебя благодарю за твое послушаніе! А

если ты огрызаешься и возбуждаешь вѣдомство противъ вѣдомства (онъ началъ меня раскачивать за тѣ же самые лацканы), если ты сѣешь интриги и не понимая начальственныхъ заботъ о тебѣ, начинаешь собираться мнѣ возражать.... то.... я на тебя плюю!... то я иду на проломъ.... я самъ дѣлаюсь администраторомъ и (тутъ онъ закачалъ меня во всю мочь, такъ что даже затрещали лацканы); если ты придешь ко мнѣ за чѣмъ-нибудь, такъ я.... схвачу тебя за шиворотъ.... и выброшу вонъ.... да еще въ сѣняхъ приподдамъ колѣномъ.

И представьте себѣ: онъ дѣйствительно только не плюнулъ на меня, а то продѣлалъ со мною все что говорилъ: то-есть схватилъ меня за шиворотъ, выбросилъ вонъ и приподдалъ въ сѣняхъ колѣномъ.

Я понялъ изъ этого затруднительность сельскихъ общинъ въ совершенствѣ и уди-

рая скорѣй домой въ деревню, всю дорогу не могъ придти въ себя.

— Нѣтъ, рѣшилъ я себѣ; нѣтъ, господа уѣздная интиллигенція: простите вы меня, а я къ вамъ больше не ѣздокъ. Съ вами чего добраго совсѣмъ расшибешься.

Но какъ дѣло-то однако не терпитъ, и взявшись представить записку, ее все-таки надо представить, то думаю: дѣйствительно мухну-ка я въ губернскій городъ, — тамъ и архивы, и все-таки тамъ больше людей съ образованіемъ; тамъ я и посовѣтуюсь и допишу записку, а между тѣмъ подойдетъ время къ открытію собраній.

Сборы не велики: ѣду въ губернскій городъ и, признаюсь вамъ, ѣду не съ покойнымъ духомъ.

Что-то, молъ, опять мнѣ идетъ здѣсь на Руси все хуже и хуже: чѣмъ-то теперь здѣсь одаритъ Господь!

LXV.

Прежде всего не узнаю того самаго города который былъ мнѣ столь памятенъ по моимъ въ немъ страданіямъ. Архитектурное обозрѣніе и костоколотная мостовая тѣ же что̀ и были, но смущаетъ меня нестерпимо какой-то необъяснимый цвѣтъ всего сущаго. То бывало всѣ дома были бѣлые да желтые, а у купцовъ водились съ этакими голубыми и желтыми отворотцами, словно лацканы на уланскомъ мундирѣ — была настоящая житейская пестрота; а теперь гляжу, только одинъ неопредѣленный цвѣтъ, которому нѣтъ и названія.

Первое о чемъ я полюбопытствовалъ, умываясь, какъ Чичиковъ, у себя въ номерѣ, былъ именно неопредѣленный цвѣтъ нашего города.

— Объясните мнѣ пожалуста, почтенный гражданинъ, спрашиваю я у корридорнаго

лакея, что что это у васъ за странною краской красятъ дома и заборы?

— А это-съ сударь, отвѣчаетъ, у насъ нынче называется „цвѣтъ подъ утиное яйцо“.

— Этакаго цвѣта у васъ, помнится, никогда не было?

— И званія его, сударь, прежде никогда не слыхали.

— Откуда же онъ у васъ взялся?

— А это нынѣшній губернаторъ насъ, говоритъ, въ прошломъ году перекрасилъ.

— Вотъ, молъ, оно что̀.

— Точно такъ-съ, утверждаетъ„ гражданинъ“.—Прежде цвѣта были разные, кто какіе хотѣлъ, а потомъ былъ старичокъ губернаторъ — тотъ велѣлъ все въ одинаковое, въ розовое окрасить, а потомъ его смѣнилъ молодой губернаторъ, тотъ приказалъ сдѣлать все въ одинаковое, въ мрачно-сѣрое, а этотъ нынѣшній какъ пріѣхали: „что это,

изволитъ говорить, за гадость такая! перекрасить все въ одинаковое, въ голубое", но только оно по розовому съ сѣрымъ въ голубой не вышло, а выяснилось, какъ изволите видѣть, вотъ этакъ подъ утиное яйцо. Съ тѣхъ поръ такъ ужь больше не перекрашиваютъ, а въ чистотѣ у насъ по прежнему остались только однѣ церкви: съ архіереемъ всѣ губернаторы за это ссорились, но онъ такъ и не разрѣшилъ церквей подъ утиное яйцо подводить.

Я поблагодарилъ слугу за обстоятельный разказъ, а самъ принарядился, кликнулъ извощика и спрашиваю: знаешь, любезный, гдѣ Фортунатовъ живетъ?

Извощикъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и потомъ какъ бы чего внезапно оробѣлъ или обѣдясь, отвѣчалъ: „Помилуйте, какже не знать!"

Поѣхали и пріѣзжаемъ.

Извощикъ осаживаетъ у подъѣзда лошадь и шепчетъ: „первый человѣкъ!“

— Что̀ ты говоришь?

— Василій-то Иванычъ, говорю-съ, у насъ первый человѣкъ.

— Ладно, молъ.

Вхожу въ переднюю, — грязненько; спрашиваю грязненькаго казачка: дома ли баринъ? Отвѣчаетъ что дома. — Занятъ или нѣтъ? „Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчаетъ; они послѣ послѣобѣденнаго вставанья на диванѣ въ кабинетѣ лежатъ, дыню кушаютъ“.

Велѣлъ доложить, а самъ вступаю въ залу.

LXVI.

Ужь я ходилъ—ходилъ,—ходилъ—ходилъ по этой залѣ, нѣтъ ни отвѣта ни привѣта, и казачокъ совсѣмъ какъ сквозь землю провалился.

Наконецъ растворяется дверь и казачокъ тихо подходитъ на цыпочкахъ и шепчетъ:

— Баринъ, говоритъ, изволятъ спрашивать: вы по дѣлу или безъ дѣла?

Чортъ знаетъ, думаю что̀ на это отвѣчать! Скажу однако, если онъ бьетъ на такую офиціальность, что пріѣхалъ по дѣлу.

Малецъ пошелъ и опять выходитъ и говоритъ: по дѣлу пожалуйте въ присутствіе.

— Ну, молъ, такъ поди скажи что я безъ дѣла.

Пошелъ, но и опять является.

— Какъ, говоритъ, ваша фамилія?

— Ватажковъ, говорю, Ватажковъ, я же тебѣ сказалъ что Ватажковъ.

Юркнулъ малецъ и возвращается съ отвѣтомъ что баринъ де сказалъ что они никакого Сапожкова не знаютъ.

То-есть просто изъ терпѣнія вывели!...

Разсвирѣпѣлъ я, завязалъ мальчишкѣ ду-

рака, и ухожу, какъ вдругъ слышу добродушнымъ голосомъ кричатъ:

— Ахъ ты заморская птица! Орестъ Марковичъ! воротись, братъ, воротись! Я вѣдь думалъ это чортъ знаетъ кто, что съ докладомъ входишь?

Гляжу въ окнѣ красуется Василій Ивановичъ Фортунатовъ, — толстъ, сѣдъ, сопитъ и весь лоснится.

Возвращаюсь я, и облобызались.

Обыкновенные вопросы: что ты, какъ ты, откуда, давно ли, надолго ли? Отвѣтивъ на этотъ допросъ впопадъ и не впопадъ, начинаю самъ любопытствовать.

— Какъ ты? говорю. Я вѣдь тебя оставилъ соціалистомъ, республиканцемъ и спичкой, а теперь ты цѣлая бочка.

— Ожирѣлъ, братъ, отвѣчаетъ, ожирѣлъ и одышка замучила.

— А убѣжденія, молъ, каковы?

— Какія же убѣжденія: вонъ старшему

сыну шестнадцатый годъ, — ужь за сестриными горничными волочится, а второму четырнадцать; все своимъ хребтомъ воздоилъ и видишь, домишко себѣ сколотилъ, — теперь пропріетеръ.

— Отчего же это ты по новымъ учрежденіямъ-то не служишь, ни по судебной части, и не ищешь мѣста по земству?

— Зачѣмъ? пусть молодые послужатъ, а я вотъ еще годокъ — да въ монастырь хочу.

— Ты въ монастырь? Развѣ ты овдовѣлъ?

— Нѣтъ, жена слава Богу здорова, да такъ, братъ... грѣхи юности-то пора какънибудь на смарку пускать.

— Да вѣдь ты же еще и не старъ.

— Старъ не старъ, а около пятй десятковъ вертится, а главное все надоѣло. Модныя эти учрежденія, модные люди... ну ихъ совсѣмъ къ Богу!

— А что́ такое? Обижаютъ тебя что ли?

— Нѣтъ, не то что обижаютъ.... Обижать-то гдѣ имъ обижать. Ужь тоже хватилъ „обижать!“ Кто-о? Сами къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣютъ, да имъ меня обижать? Тпфу.... мы ихъ и сами еще забидимъ. Нѣтъ, братъ, не обижаютъ, а такъ.... Фортунатовъ вздохнулъ и добавилъ: — Довольно грѣшить.

Показалось мнѣ что старый пріятель мой не только со мною хитритъ и лицемѣритъ, но даже и не задаетъ себѣ труда врать поскладнѣе, и потому чтобы положить этому конецъ, я прямо перешелъ къ моей запискѣ, которую долженъ составить, и говорю что прошу у него совѣта.

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчаетъ онъ,— это по части новыхъ людей,—къ нимъ обращайся, а я къ такимъ дѣламъ не касаюсь.

— Да я къ новымъ-то ужь обращался.

— Ну и что же: много умнаго наслушался.

Я разказалъ.

Фортунатовъ расхохотался.

— Ахъ вы прохвосты этакіе, а еще какъ свиньи небо скопать хотятъ! Мы вонъ вчера одного изъ нихъ въ сумашедшій домъ посадили, и всѣхъ бы ихъ туда въ пору.

— А кого это, спрашиваю, вы посадили въ сумашадшій домъ?

— Становишку одного, Васильева.

— Боже мой! Вѣдь я его знаю!—Философъ.

— Ну вотъ онъ и есть. Философію знаетъ и богословію, всего Макарія выштудировалъ и на службѣ состоитъ, а не зналъ что мы на богослововъ-то ненадѣемся, а сами отцовское восточное православіе оберегаемъ и у насъ господствующей вѣры нельзя перемѣнять. Подъ судъ вѣдь угодилъ бы, поросенокъ цуцкой, и еслибы „но-

вымъ людямъ“ невѣрующимъ въ Бога его отдать — засудили бы по законамъ; а вѣдь все же онъ человѣчишко! Я по старинѣ направилъ все это на пунктъ помѣшательства.

— Ну?

— Ну, освидѣтельствовали его вчера и убѣдивши его что онъ не богословъ, а *богъ ословъ*, посадили на время въ сумашедшій домъ.

LXVII.

У меня невольно вырвалось восклицаніе о странной судьбѣ несчастнаго Васильева, но Фортунатовъ остановилъ меня тѣмъ что Васильеву только надо благодарить Бога что для него все разрѣшилось сумашедшимъ домомъ.

— И то, говоритъ, вѣдь тутъ братъ надо было это поворотить, потому на него, вѣдь поди-ка ты, истцы-то три власти: судъ, администрація и духовное начальство, — а

ихъ, небось, самъ Соломонъ не помиритъ.

— Не ладятъ?

— И не говори лучше: просто котораго ни возьми — что твой Навуходоносоръ!.. коренье изъ земли наровитъ все выворотить.

— Губернаторъ каковъ у васъ?

Фортунатовъ махнулъ рукой.

— Сдѣлай, говоритъ, ему визитъ, посмотри на него, а главное послушай, — пость курскаго соловья прекраснѣе.

— Да я, отвѣчаю, и то непремѣнно поѣду.

— Посовѣтоваться... вотъ это молодецъ! Сдѣлай милость, голубчикъ, поѣзжай! То-есть разуважишь ты его въ конецъ и будешь первый его другъ и пріятель, и не оглянешься какъ онъ первое мѣсто тебѣ предложитъ. Страсть любитъ свѣжихъ людей, а черезъ полгода выгонитъ. Злою страстью обуянъ къ перемѣнамъ. Архіерей нашъ анамедни ему махнулъ: „Полагаю, говоритъ, ваше прево-

сходительство, что еслибы вы сами у себя подъ начальствомъ находились, то вы и самого себя смѣнили бы?“ — Вотъ, батюшка, кому бы нашимъ Пальмерстономъ-то быть, а онъ въ рясѣ. Ты когда у губернатора будешь, Боже тебя сохрани: ни одного слова про архіерея не обмолвись,—потому что послѣ того какъ тотъ ему не допустилъ перемазать храмовъ, онъ теперь яростный врагъ церкви, черезъ что мнѣ Богъ помогъ и становаго Васильева отъ тюрьмы спасти и въ сумашедшій домъ пристроить.

— Позволь же, говорю, пожалуста, какже ты уживаешься съ такимъ губернаторомъ?

— А что такое?

— Да отчего же онъ тебя не смѣнитъ, если онъ всѣхъ смѣняетъ?

— А меня ему зачѣмъ же смѣнять? Онъ только однихъ способныхъ людей смѣняетъ, которые за дѣло берутся съ рвеніемъ съ

особеннымъ, съ талантомъ и со тщаніемъ. Эти на него угодить не могутъ. Они ему сдѣлаютъ хорошо, а онъ ждетъ чтобъ они что-нибудь еще лучше отличились, — чудо сверхъестественное чтобы ему показать; а такъ какъ чуда изъ юда не сдѣлаешь, то послѣ сколь хорошо они ни исполняй, ужь ему все это ни почемъ, — свѣжаго ищетъ; ну а какъ всѣхъ ихъ, способныхъ-то, поразгонитъ, тогда опять за всѣхъ за нихъ я одинъ неспособный и дѣйствую. Способностей своихъ я не неволю и старанья тоже; валю какъ попало черезъ пень колоду,—онъ и доволенъ: „при васъ, говоритъ, я всегда покоенъ“. Такъ и тебѣ мое опытное благословеніе: если хочешь быть нынѣшнему начальству прелюбезенъ и дѣлу полезенъ, не прилагай, сдѣлай милость, ни къ чему великаго раченія, потому хоша этимъ у насъ и хвастаются, что будто способныхъ людей ищутъ, но все это вздоръ,—нашему началь-

ству способные люди тягостны. А ты пойди пожалуй къ губернатору, посовѣтуйся съ нимъ для его забавы, да и скопни свою записку ногой какъ копнется. Чорть съ нею: придетъ время, все само устроится.

— Ну нѣтъ, говорю, я какъ нибудь не хочу. Тогда лучше совсѣмъ отказаться.

— Ну какъ знаешь; только послушай же меня: повремени, не докучай никому и не серіозничай. Самое главное не серьезничай, а то братъ.... надоѣшь всѣмъ такъ,—извини, — тогда и я отъ тебя отрекусь. Пожви, посмотри на насъ: съ кѣмъ тутъ серіозничать-то станешь?—А я межъ тѣмъ губернаторшѣ скажу что способный человѣкъ пріѣхалъ и въ аппетитъ ихъ введу на тебя посмотрѣть, — вотъ тогда ты и поѣзжай.

— Что же, разсуждаю: такъ ли, нетакъ ли, а въ самомъ дѣлѣ немножко оріентироваться въ городѣ не мѣшаетъ.

LXVIII.

Живу около недѣли и прислушиваюсь. Дѣйствительно мой старый пріятель Фортунатовъ правъ: мирнымъ временемъ жизнь эту совсѣмъ нельзя назвать: перестрѣлка идетъ безумолчная.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія всѣ были заняты бенефисомъ становаго Васильева, а потомъ тотчасъ же занялись другимъ бенефисомъ, устроеннымъ однимъ мировымъ судьею полицеймейстеру. Судьи правѣдные считаютъ своимъ призваніемъ строить рожны полиціи, а полиція платитъ тѣмъ же судьямъ; всѣ другу другу „доказываютъ“, и случаевъ „доказывать“ имъ цѣлая бездна. Одинъ такой какъ изъ колеса выпалъ въ самый день моего пріѣзда. Передъ самою полиціей подрались купецъ съ мѣщаниномъ. За что у нихъ началась схватка—неизвѣстно; полиція застала дѣло въ томъ положе-

ніи, что здоровый купецъ даетъ щуплому мѣщанину оплеуху, а тотъ падаетъ, поднимается и вставая говоритъ:

— Ну бей еще!

Купецъ безъ затрудненія удовлетворяетъ его просьбу; мѣщанинъ снова падаетъ, и снова поднимается и кричитъ: „а ну бей еще!“ Купецъ и опять ему не отказываетъ. „Ну бей, бей! пожалуйста бей“! — Купецъ бьетъ, бьетъ; дѣло заходитъ въ азартъ: одинъ колотитъ, другой проситъ бить и такъ до истощенія силъ съ одной стороны и до облитія кровью съ другой. Полиція составляетъ актъ и передаетъ его вмѣстѣ съ виновными мировому судьѣ. Начинается разбирательство: купца защищалъ учитель естественныхъ наукъ, и какъ вы думаете, чѣмъ онъ защищалъ? Естественными науками. Ни мало не отвергая того что купецъ билъ и даже сильно билъ мѣщанина, учитель поставилъ судьѣ на видъ что купецъ вовсе не нано-

силъ никакой обиды дѣйствіемъ, и дѣлалъ этимъ не что иное какъ такую именно услугу мѣщанину, о которой тотъ его неотступно просилъ при самихъ служителяхъ полиціи, услугу которой послѣдніе не поняли и по непонятливости своей приняли въ преступленіе.—„Одно, говорилъ защитникъ, — купца можно бы еще обвинить въ глупости, что онъ исполнилъ глупую просьбу, но и это невозможно, потому что купцу просьба мѣщанина,—чтобы его бить, — могла показаться самою законною, ибо купецъ, находясь выше мѣщанина по степени развитія, зналъ что многіе нервные субъекты нуждаются въ причиненіи имъ физической боли и успокоиваются только послѣ ударовъ, составляющихъ для нихъ, такъ сказать, благодѣяніе.“ Судья все это выслушалъ и нашелъ что купецъ дѣйствительно могъ быть вовлеченъ въ драку единственно просьбою мѣщанина его побить и, на основаніи физіологиче-

ской потребности послѣдняго быть битымъ, освободилъ драчуна отъ всякой отвѣтственности. Въ городѣ заговорили что „судья молодецъ,“ а черезъ недѣлю полицеймейстеръ сталъ разказывать что будто „послѣ того какъ у него побывалъ случайно по одному дѣлу этотъ мировой судья, у него, полицеймейстера, пропали со стола золотые часы и пропали такъ что онъ ихъ и искать не можетъ, хотя знаетъ гдѣ они“. Полицеймейстеру замѣтили что распускать такіе слухи очень не ловко, но полицеймейстеръ отвѣчалъ: „что же я такое сказалъ? Я вѣдь говорю что *послѣ него* часы пропали, а не то чтобы онъ взялъ.... Это ничего.“ Въ городѣ заговорили: молодецъ полицеймейстеръ! А вечеромъ разнесся слухъ что мировой судья купилъ себѣ въ единственномъ здѣшнемъ оружейномъ магазинѣ единственный револьверъ и зарядилъ его порохомъ, хотя и безъ пуль, а полицеймейстеръ велѣлъ по-

жарному слесарю отпустить свою черкесскую шашку и заперъ ее къ себѣ въ гардеробный шкафъ.

Въ городѣ положительно ожидаютъ катастрофы.

LXIX.

Я почувствовалъ себя смущеннымъ и пошелъ къ Фортунатову съ повинною головой.

— А что, говоритъ, братецъ, правъ я или нѣтъ?... Да посмотри: то ли еще увидишь? Ты вотъ изволь-ка завтра снаряжаться на большое представленіе.

— Куда это?

— А, братъ, начальникъ губерніи съ начальницей сами тебя восхотѣли видѣть! Ты вѣдь небось обо мнѣ какъ думаешь? а я тебя восхвалилъ какъ сваха: способнѣйшій, говорю, человѣкъ и при этомъ ученъ, много начитанъ, жилъ за границею и (извини меня) преестественная, говорю шельма!

— Ну это ты зачѣмъ же?

— Нѣтъ, а ты молчи-ка. Я вѣдь разумѣется тамъ не такъ, а гораздо помягче говорилъ, но только въ этомъ родѣ чувствовать далъ. Такъ, другъ, оба и вскочили, и онъ и она: подавай, говорятъ, намъ сейчасъ этого способнаго человѣка! „Служить не желаетъ ли?“ Не знаю, молъ, но не надѣюсь, потому что онъ человѣкъ съ состояніемъ независимымъ.—„Это-то и нужно! мнѣ именно это-то и нужно; кричитъ, чтобы меня окружали люди съ независимымъ состояніемъ.“

— Очень мнѣ нужно его „окружать!“

— Нѣтъ, ты постой, что дальше-то будетъ. Я говорю: да онъ опричь того, ваше превосходительство, и съ норовомъ независимымъ, а это вѣдь, молъ, на службѣ не годится.—„Какъ, что̀ за вздоръ? отчего не годится?“—Правило-де такое китайскаго философа Конфуція есть: по-китайски оно

такъ читается: „чинъ чина почитай.“—„Вздоръ это чинопочитаніе! кричитъ. Это-то все у насъ и портитъ“... Слышишь ты?... Ей Богу: такъ и говоритъ что „это вздоръ“... Ты иди къ нему сдѣлай милость завтра, а то онъ весь исхудаетъ.

— Да зачѣмъ ты все это, любезный другъ, сдѣлалъ? Зачѣмъ ты ихъ на меня настрочилъ?

— Ишь ты, ишь! Что же ты не самъ развѣ собирался ему визитъ сдѣлать? Ну вотъ и иди теперь, и встрѣча тебѣ готова, а ужь что, братъ, сама-то начальница...

— Что?

— Нѣтъ, ты меня оставь на минуту, потому мнѣ ее бѣдняжку даже жалко.

— Да полно гримасничать!

— Чего, братъ, гримасничать? Истинно правда. Ей способности въ человѣкѣ всего дороже: она вѣдь въ Петербургѣ женскую сапожную мастерскую „на разумно эконо-

мическихъ началахъ“ заводила, да вотъ, отозвали ее оттуда на это губернаторство сюда къ супругу со всѣми ея физіологическими колодками. Но душой она все еще тамъ, тамъ въ Петербургѣ, съ способными людьми. Наслушавшись про тебя, такъ и киваетъ локонами: „Василій Ивановичъ, думали ли вы, говоритъ, когда-нибудь, надъ тѣмъ.... она всегда думаетъ *надъ* чѣмъ-нибудь, а не *о чемъ*-нибудь,—думали ли вы надъ тѣмъ что еслибъ очень способнаго человѣка соединить съ очень способною женщиной, что бы отъ нихъ могло произойти?“ Вотъ тутъ, извини, я ужь тебѣ немножко подгадилъ: я знаю, что ей все хочется имѣть некрещоныхъ дѣтей, и что-бъ непремѣнно „отъ неизвѣстнаго“ и что-бъ одно чадо, сынъ называлося „Трудъ“, а другое дочь „Сѣкора“. Зная это въ твоихъ интересахъ разумѣется надо было отвѣчать ей: что „отъ соединенія, двухъ способныхъ людей геній произойдетъ“, а я

ударилъ въ противную сторону и охранилъ начальство. Пустяки, говорю, ваше превосходительство: плюсъ на плюсъ даетъ минусъ.—„Ахъ, правда!“... А я и самъ алгебру-то позабылъ и не знаю правда или неправда что плюсъ на плюсъ даетъ минусъ: да ничего: женщинъ математикой только жигани,—онѣ страсть этой штуки боятся.

— О чортъ тебя возьми, думаю, что онъ тамъ на встрѣчу мнѣ наболталъ и наготовилъ, а я теперь являйся и расхлебывай!— Ну да ладно же, думаю, другъ мой сердечный: придется тебѣ брать свои похвалы назадъ, и самъ рѣшилъ сдѣлать завтра визитъ самый сухой и самый короткій.

А.... а все-таки долженъ вамъ сознаться что ночь послѣ этого провелъ прескверно и въ перерывчатомъ снѣ видѣлъ льва. Что бы это такое значило? Посылалъ къ хозяину гостиницы попросить нѣтъ ли сонника? Но хозяйская дочка даже обидѣлась и отвѣ-

чала, что „она такими глупостями не занимается.“ Рѣшительно нѣтъ никакой надежды предусмотрѣть свою судьбу,—и я поѣхалъ лицомъ къ лицу открывать что̀ сей сонъ обозначаетъ?

LXX.

Переносясь воспоминаніями къ этому многознаменательному дню моей жизни, я прежде всего вижу себя въ очень большой залѣ, среди густой и пестрой толпы, съ перваго взгляда какъ нельзя больше напомнившей мнѣ группы изъ сцены на днѣ моря въ балетѣ *Конекъ Горбунокъ*. Самое совмѣщеніе обитателей водъ было такъ же несообразно какъ въ упомянутомъ балетѣ: тутъ двигались въ видѣ крупныхъ бѣлотѣлыхъ судаковъ массивные толстопузые совѣтники; полудремалъ въ углѣ жирный, черный налимъ въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ, только изрѣдка дуновеніемъ устъ от-

гонявшій отъ себя неотвязную муху; вдоль стѣны въ рядъ на стульяхъ сидѣли смиренными плотицами разнокалиберныя просительницы, — всѣ съ одинаково утомленнымъ и утомляющемъ видомъ; изъ угла въ уголъ по залѣ какъ ершъ съ карасемъ бѣгали взадъ и впередъ курносая барышня-просительница въ венгерскихъ сапожкахъ и сѣромъ платьицѣ, подобранномъ на пажи, съ молодымъ гусаромъ въ венгеркѣ съ золотыми шнурками. Эта пара горячо разсуждала о комъ-то кто „заѣденъ средою“ и при поворотѣ оба вдругъ въ тактъ пощелкивали себя сложенными листами своихъ просьбъ, гусаръ сзади по ляшкѣ, а барышня спереди по кораблику своего корсета, служившаго ей въ этомъ случаѣ кирасою. У окна на самомъ горячемъ солнопекѣ сидѣлъ совсѣмъ ослизшій пискарь, — бѣлый человѣчекъ, лѣтъ двадцати, обливавшійся потомъ; онъ все пробовалъ читать

какую-то газету и засыпалъ. У другаго окна цѣлая группа: шилистая, востроносая, пестрая щука въ кавалерійскомъ полковничьемъ мундирѣ полусидѣла на подоконникѣ, а предъ нею, сложа на груди руки, вертѣлся красноглазый окунь въ армейскомъ пѣхотномъ мундирѣ. Правый и лѣвый фланги занимали выстроившіяся шпалерыми мелкія рыбки въ родѣ снятковъ. Щука это былъ полицеймейстеръ, окунь... былъ окунь, а мелочь улыбалась, глядя въ большой ротъ востроносаго полицеймейстера, и наперерывъ старалась уловить его намѣреніе, сострить надъ окунемъ. Бѣдный, жалкій, но довольно плутоватый офицеръ, не сводя глазъ съ полицеймейстера, безумолчно лепеталъ оправдательныя рѣчи, часто крестясь и произнося то имя Божіе, то имя какой-то Авдотьи Гордѣвны, у которой онъ якобы по всей совѣсти вчера былъ на террасѣ, и потому въ это самое время „физически“ не могъ

участвовать въ подбитіи морды Катькѣ Чернявкѣ, которая впрочемъ, какъ допускалъ онъ, можетъ быть и весьма того заслуживала чтобъ ее побили, потому что, привыкши обращаться съ приказными да съ купеческими дѣтьми, она думаетъ что точно также можетъ дѣлать и съ офицерами, и за то и поплатилась.

Въ этой группѣ разговоръ не умолкалъ. Хотя сама горопня Катька Чернявка скоро была позабыта, но за то всѣ безпрестанно упоминали Авдотью Гордѣвну и тѣшились. Я узналъ при семъ случаѣ что Авдотья Гордѣвна бѣла какъ сахаръ, вдова тридцати лѣтъ и любитъ наливочку, а когда выпьетъ, то становится такъ добра что хоть всю ее разбери тогда, она слова не скажетъ. Вдали отсюда шуршали четыре черные, мрачные рака въ образѣ заштатныхъ чиновниковъ. Стоя у самой входной двери, они все-таки еще, вѣроятно, находили свое положеніе

слишкомъ выдающимся и, постоянно перешептываясь, пятились другъ за друга назадъ и заводили клѣшни. Я прислушался къ ихъ шепоту: одинъ ракъ жаловался что его приставъ совсѣмъ напрасно обвинилъ, будто онъ ночью подбилъ старый лубокъ къ щели своей крыши; а другой, заикаясь и трясясь, повторялъ все только одно слово „въ заштатъ“. У самыхъ дверей сидѣли два духовныя лица: городской кладбищенскій священникъ и сельскій дьяконъ, и разсуждали между собою, какъ придется новая реформа приходскимъ и кладбищенскимъ. При чемъ городской кладбищенскій священникъ все останавливался предъ тѣмъ что „какже, молъ, это: вѣдь у насъ нѣтъ прихода, а одни мертвецы“? Но сельскій дьяконъ успокоивалъ его, говоря: „а мы доселѣ и живыми и мертвыми обладали, но вотъ теперь сразу всего лишимся“.

Къ этой парѣ вдругъ вырвался изъ дверей и подскочилъ высокій, худощавый брюнетъ въ черномъ просаленномъ фракѣ. Онъ склонился предъ священникомъ и съ сильнымъ польскимъ акцентомъ проговорилъ: „Э-э покорнѣйше васъ прошу благословить“.

Священникъ не много смѣшался, привсталъ и, поддерживая лѣвою рукой правый рукавъ рясы, благословилъ.

Вошедшій обратился съ просьбой о благословеніи и къ дьякону. Дьяконъ извинился. Пришлецъ распрямился и, не говоря болѣе ни одного слова, отошелъ къ печкѣ. Здѣсь какъ обтянутый черною эмалью стоялъ онъ по-наполеоновски, скрестя руки, съ рыжеватою шляпой у груди, и то жался, то распрямлялся, поднималъ вверхъ голову и вдругъ опускалъ ее, ворошилъ длиннымъ, внизъ направленнымъ, польскимъ усомъ и заворачивался въ сторону.

Становилось жарко и душно, какъ въ

полдень подъ лопухомъ; всѣ начали притихать; только мухи жужжали, и рты всѣмъ кривила зѣвота.

Но всеблагое Провидѣніе, вѣдающее мѣру человѣческаго терпѣнія, смилостивилось: зеленыя суконныя портьеры, закрывавшія дверь противоположнаго входу конца покоя, распахнулась, и вдоль залы, быстро кося ножками, прожегъ маленькій борзый паучокъ, таща подъ мышкой синюю папку съ надписью „къ докладу“ и прежде чѣмъ онъ скрылся, въ тѣхъ же самыхъ темныхъ полотнищахъ сукна откуда онъ выскочилъ заколыхался огромный китъ... Этотъ китъ былъ другъ мой Василій Ивановичъ Фортунатовъ. Онъ сталъ, окинулъ глазами залу, пошевелилъ изъ стороны въ сторону челюстями и уплылъ назадъ за сукно.

Въ залѣ все стихло; даже гусаръ съ барышней встали въ шеренгу, и только окунь хватилъ было „физически Катьку не могъ я

прибить", но ему разомъ шикнуло нѣсколько голосовъ и прежде чѣмъ я понялъ причину этого шика, предъ завѣшенными дверями стоялъ истый, неподдѣльный, вареный, красный омаръ во фракѣ съ отличіемъ; за нимъ водилъ челюстями Фортунатовъ, а предъ нимъ выгибаясь и щелкая каблукъ о каблукъ расшаркивался Полякъ.

LXXI.

Фортунатовъ пошепталъ губернатору на ухо и показалъ на меня глазами.

Губернаторъ сощурился, посмотрѣлъ въ мою сторону и свертывая ротикъ трубочкой, процѣдилъ:

— Я кажется вижу господина Ватажкова?

Я подошелъ, раскланялся и утвердилъ его превосходительство въ его догадкѣ.

Губернаторъ подалъ мнѣ руку, ласково улыбнулся и потянулъ меня къ портьерѣ, сказавъ: „Я сейчасъ буду".

Фортунатовъ шепнулъ мнѣ: „Ползи въ кабинетъ“, и какимъ-то непостижимо ловкимъ пріемомъ, однимъ указательнымъ пальцемъ втолкнулъ меня за портьеру.

Здѣсь мнѣ конечно нельзя было оставаться между портьерой и дверью: я налегъ на ручку и смѣшался.... Передо мною открылась большая наугольная комната съ тремя письменными столами: одинъ большой по срединѣ, а два меньшіе у стѣнъ, съ конторкой заваленною бумагами, съ отоманами, корзинами, сонетками, этажеркой уставленною томами словаря Толя и исторіи Шлоссера, съ пуговками электрическихъ звонковъ, темною и несхожею копіей съ картины Рибейры, изображающей Св. Севастіана пронзеннаго стрѣлой, съ дурно написанною въ овалѣ головкой графини Ченчи и олеографіей тройки Вернета, — этими тремя неотразимыми произведеніями, почти повсемѣстно и въ провинціяхъ и въ столицахъ репрезентующи

ми любовь къ живописи ничего не понимающихъ въ искусствѣ хозяевъ. Эти три картины, съ которыми конечно каждому доводилось встрѣчаться въ чиновничьихъ домахъ, всегда производили на меня точно такое впечатлѣніе, какое должны были ощущать сказочные русскіе витязи, встрѣчавшіе на распутьи столбы съ тремя надписями: самому ли быть убиту, или коню быть съѣдену, или обоимъ въ плѣнъ попасть. Тутъ: или быть пронзеннымъ стрѣлою, какъ Св. Севастіанъ, и какъ онъ же ждать себѣ помощи отъ одного Неба, или совершать преступленіе надъ преступникомъ, и презирать тѣхъ кто тебя презираетъ, какъ сдѣлала юная графиня Ченчи, или нестись отсюда по доламъ, горамъ, скованнымъ морозомъ рѣкамъ и перелогамъ на бѣшеной тройкѣ, вовсе не мечтая ни о Свѣтланиномъ снѣ, ни о „бѣдной Танѣ“ какая всякому когда-либо мещерилась, нестись и нестись даже

не испытуя погоголевски „Русь, куда стремишься ты?“ а просто... „колокольчикъ динь, динь, динь средь невѣдомыхъ равнинъ....“ Но все дѣло не въ томъ, и не это меня остановило и не объ этомъ я размышлялъ, когда отворивъ дверь губернаторскаго кабинета среди описанной обстановки, увидѣлъ предъ самымъ большимъ письменнымъ столомъ высокое съ рѣзными украшеніями кресло обитое краснымъ сафьяномъ и на немъ.... настоящаго геральдическаго льва, какихъ рисуютъ въ щитахъ гербовъ. Левъ окинулъ меня суровымъ взглядомъ въ стеклышко и вмѣсто всякаго привѣтствія прорычалъ:

— Докладъ уже конченъ, и губернаторъ болѣе заниматься не будетъ.“

Я еще не собрался ничего на это отвѣчать, какъ въ кабинетъ вскочилъ Фортунатовъ, и подбѣжавъ ко льву, назвалъ мою фамилію и опять выкатилъ тѣми же пятами.

Левъ приподнялся, движеніемъ брови вы-

пустилъ изъ орбиты стеклышко и.... вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него все какъ будто выпало: теперь я видѣлъ что эта была просто женщина, еще не старая, не красивая, съ черными локонами, крупными чертами лица и повелительнымъ, твердымъ выраженіемъ лица. Одѣта она была строго, въ черное шелковое платье безъ всякаго банта за спиной; однимъ словомъ, это была губернаторша.

Она довольно привѣтливо для ея геральдическаго величія протянула мнѣ руку и спросила, давно ли я изъ-за границы, гдѣ жилъ и чѣмъ занимался? Получивъ отъ меня на послѣдній вопросъ отвѣтъ, что я отставнымъ корнетомъ пошелъ доучиваться въ Боннскій университетъ, она меня за это похвалила, и затѣмъ прямо спросила:

— А скажите пожалуста много ли въ Боннѣ Поляковъ?

Я отвѣчалъ что на мой взглядъ ихъ всего болѣе учится военнымъ наукамъ въ Мецѣ.

— Несчастные, даже учатся военнымъ наукамъ, но имъ все, все должно простить, даже это тяготѣніе къ школѣ убійствъ. Имъ по прежнему сочувствуютъ въ Европѣ?

— Кто не знаетъ сущности ихъ притязаній, тѣ сочувствуютъ.

— Вы не такъ говорите, остановила меня губернаторша.

— Я вамъ сообщаю, что видѣлъ.

— Совсѣмъ не въ томъ дѣло: на нихъ, какъ и на всю нашу несчастную молодежь направлены всѣ осадныя орудія: родной деспотизмъ, народность и православіе. Это омерзительно! Что же дѣлаютъ заграничныя общества въ пользу Поляковъ?

— Кажется ничего.

— А у насъ въ Петербургѣ?

Я отвѣчалъ что вовсе не зналъ въ Петербургѣ такихъ обществъ, которыя блюдутъ польскую справу.

— Они были, таинственно уронила губернаторша и добавила: — но разумѣется всѣ они имѣли другія названія и дѣйствовали для вида въ другихъ будто бы цѣляхъ. За то здѣсь, въ провинціяхъ, до сихъ поръ еще ничего подобнаго.... нѣтъ, и тутъ эти несчастные люди гибнутъ, а мы, глядя на нихъ, лишь восклицаемъ: „кровь ихъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ“. Я не могу..... нѣтъ, рѣшительно не могу привыкнуть къ этой новой должности: я не разъ говорила Егору Егоровичу (такъ зовутъ губернатора): „брось ты Жоржъ это все. Умоляю тебя хоть для меня брось, потому что иначе я не могу, потому что на тебѣ кровь ... Напиши откровенно и прямо что ты этого не можешь: и брось, потому что.... что же это такое, до чего же наконецъ будетъ расходиться у всѣхъ слово съ дѣломъ? На насъ кровь.... брось, умой руки, и мы выйдемъ чисты.

Я замѣтилъ что у супруга ея превосхо-

дительства прекрасная должность, на которой можно дѣлать много добра.

— Полноте, Бога ради, что эта за должность! Что такое теперь губернаторская власть? Это миражъ, призракъ, одинъ обликъ власти. Тутъ власть на власти; одни предводители со своимъ земскимъ настроеніемъ съ ума сведутъ. Гмъ! крѣпостники, а туда же „мы“ да мы. Мой мужъ, конечно, не позволитъ, но одному губернатору предводитель сказалъ: „вы здѣсь калифъ на часъ, а я земскій человѣкъ“. Каково-съ! А Петербургъ и совсѣмъ все перевертываетъ по своему, и перевертываетъ никого ни спросясь. Зачѣмъ же тогда губернаторы? Не нужно ихъ вовсе если такъ. Нѣтъ, это самое непріятное мѣсто, и я имъ совершенно недовольна; разумѣется, если Егоръ Егоровичъ говоритъ что это нужно для будущаго, то я въ его мужскія дѣла не мѣшаюсь, но все что я вижу, все во что я вникаю въ

теченіи дѣлъ по его должности, то, по моему, это такая мизерность, которою способному человѣку даже стыдно заниматься.

— Какія же мѣста вамъ, спрашиваю, нравятся больше губернаторскихъ?

— Ахъ, Боже мой! да мало ли нынче дѣлъ для способнаго человѣка: идти въ нотаріусы, идти въ маклера, въ повѣренные по дѣламъ,— у насъ вѣдь есть связи; наконецъ, издавай газету или журналъ, и громи и разбивай, и поднимай вопросы и служи такимъ образомъ молодому поколѣнію, а не правительству.

Въ это время разговоръ нашъ прервался приходомъ губернатора, который возвратился съ видомъ тяжкаго утомленія и пожавъ мнѣ молча съ большимъ сочувствіемъ руку, бережно усадилъ меня въ кресло.

LXXII.

— Мы говоримъ здѣсь, Грегуаръ, о тебѣ, начала губернаторша. — Господинъ Ватаж-

ковъ находитъ что твое мѣсто лучшее изъ всѣхъ, на какое ты могъ бы разчитывать.

Я поспѣшилъ поправить редакцію этой фразы и возстановилъ свои слова въ ихъ точномъ смыслѣ.

— Помилуйте, мало ли дѣла теперь способному человѣку, отвѣчалъ мнѣ махнувъ рукою губернаторъ и сейчасъ же добавилъ:— но я ничего не имѣю и противъ этого мѣста; и здѣсь способный человѣкъ могъ бы, и очень бы могъ, кое-что дѣлать, еслибы только не эта вѣчная путаница всѣхъ словъ, инструкцій, требованій и.... потомъ эти наши суды-съ!... Губернаторъ зажмурилъ глаза и пожалъ плечами.—Вы здѣсь уже нѣсколько дней, такъ вы должны были слышать о разбирательствѣ купца избившаго мѣщанина по его яко бы собственной просьбѣ?

Я отвѣчалъ что мнѣ это извѣстно.

— Это верхъ совершенства! воскликнулъ губернаторъ и захохотавъ добавилъ:—А еще

хотимъ всѣхъ ру-с-си-фи-ци-ро-ва-ть.... А кстати, обернулся онъ къ женѣ:—ты знаешь, нашъ фортепіанный настройщикъ совсѣмъ руссифицировался,—принялъ православіе, а потому проситъ объ опредѣленіи.

Губернаторъ въ послѣдней фразѣ очень хорошо передразнилъ видѣннаго мною Полячка, а губернаторша въ это время вскинула въ глазъ стеклышко и передо мною опять явился самый грозный герольдическій левъ.

— И ты, Грегуаръ, дашь ему какое-нибудь мѣсто? спросила она строго мужа.

— Ну не знаю, другъ мой.... пока еще ничего не знаю, отвѣчалъ нѣсколько потерянно губернаторъ.

— Я надѣюсь что не дашь.

— Это почему?

— Измѣннику! я этого не позволяю.

— Ну вотъ видишь, какъ ты скора: не позволяешь Поляку перемѣнить вѣры, не

разобравши для чего онъ это дѣлаетъ? Почему жь ты не допускаешь что у него это могло случиться и довольно искренно?

— Полно, Бога ради! Онъ не такъ глупъ, чтобы придавать значеніе поповской стрижкѣ: всѣ вѣры вздоръ,—творецъ всего кислородъ.

— Ну хорошо, это такъ, я допускаю, что единственный богъ есть Богъ — кислородъ, но твой Полячокъ бѣденъ... „жена и дзѣци“, а имъ нужно дрова и свѣчи... Ахъ какъ всѣ вы господа, даже самые гуманнѣйшіе, въ сущности злы и нетерпимы! Ну, ну, сдѣлалъ бѣдный человѣкъ что-нибудь для того чтобъ усвоить возможность воспользоваться положеніемъ дѣлъ... ну, ну что вамъ отъ этого, très chaud или froid? Ни чуть не бывало: вокругъ васъ все обстоитъ благополучно и ничто не волнуется, кромѣ собственной вашей нетерпимости. Удивительно, какъ это у насъ повсюду развился этотъ талантъ

подускивать, проговорилъ онъ оборачивая ко мнѣ довольное, благодушнымъ матомъ розоваго либерализма подернутое лицо. — Я часто, слушая похвалы нынѣшнему вѣку, говорю себѣ: нѣтъ я старовѣръ! Помилуйте что такое за прогрессъ въ этомъ воинственномъ настроеніи? Я тебя рву за руки, а ты меня тянешь за ноги... Гони, догоняй, бей!.. улёлё, ату-его, и все за что? За то что ты какъ-нибудь не такъ крестишься, или не такъ думаешь... Помилуйте! помилуйте! что это такое? Ты Полякъ, ты Нѣмецъ, ты Москаль... Да что это за вздоръ, я васъ спрашиваю? Не все ли равно люди? Богъ, говорятъ, даже и Жидовъ манной кормилъ, а теперь я долженъ всѣхъ ихъ изъ города выгнать... Я больше Бога что ли? И это прогрессъ! И это *девятнадцатый вѣкъ!* Нѣтъ, я старовѣръ,—я неисправимый старовѣръ. И гдѣ здѣсь, не понимаю, дипломатическія соображенія? Я рѣшительно не

знаю чего смотрятъ у насъ? Помилуйте: намъ ли считаться, напримѣръ, съ Англіей? Гдѣ у насъ Дерби?Дайте мнѣ Дерби! Онъ у нихъ изъ плохенькихъ, но а намъ еще ничего-съ; намъ еще былъ бы хорошъ-съ! Дайте его мнѣ и я его приспособлю, но нѣтъ-съ его-съ, вотъ въ чемъ дѣло! Намъ ли ссориться съ кѣмъ-нибудь въ Европѣ, когда у насъ на свои самыя пустыя домашнія дѣла способныхъ людей нѣтъ. Гдѣ онъ у насъ, *человѣкъ?* Я часто слышу о способныхъ людяхъ, но на чемъ же испытываются ихъ способности? Нѣтъ, дайте ему задачу... Да этого мало-съ; у насъ еще ни въ чемъ настоящаго движенія нѣтъ; у насъ никакой, ровно никакой жизни нѣтъ: все... фикціи, однѣ фикціи! Пожалуста загляните только въ газеты... что это такое? Все вѣдь стоитъ! Развѣ это печать, которая всегда вертится вокругъ да около? А тутъ обрусеніе, армія, споры, Боккъ, Ѳадѣевъ, Ширренъ,

Самаринъ, Скарятинъ, Катковъ... Что это, спрашиваю васъ, за особы?... А о нихъ споръ, раздоръ, изъ-за нихъ дробленіе на партіи, а дѣла дѣлать некогда и не кому. Нѣтъ-съ, я старовѣръ, и я сознательный старовѣръ, потому что я зналъ лучшее время, когда все это только разворачивалось и распочиналось; то было благородное время, когда въ Петербургѣ школа устраивалась возлѣ школы, и молодежь, и наши дамы, и я, и моя жена, и ея сестра.... я былъ начальникомъ отдѣленія, а она была дочь директора.... но мы всѣ, всѣ были *вмѣстѣ:* ни чиновъ, ни споровъ, ни попрековъ русскимъ или польскимъ происхожденіемъ и симпатіями, а всѣ заодно, и... вдругъ изъ Москвы пускаютъ интригу, развиваютъ ее, находятъ въ Петербургѣ пособниковъ и вотъ въ позапрошломъ году, когда меня послали сюда, на эту должность, я уже ничего не могъ сгруппировать въ Петер-

бургѣ. Я хотѣлъ тамъ хорошенько обстановиться и пріѣхать сюда съ своими готовыми людьми, но, понимаете, этого уже нельзя, этого уже невозможно было сдѣлать, потому что всѣ на себя печати поналожили: тотъ абсолютистъ, тотъ конституціонистъ, этотъ радикалъ.... и каждый хочетъ чтобы я держалъ его сторону.... Да что это за вздоръ такой, господа? Къ чему, позвольте мнѣ узнать, я стану держать чью-нибудь сторону?... Я вовсе не вижу на то причины! *Кто* я и *что* я, это дѣло моей совѣсти и должно оставаться моею тайной... И наконецъ, все это глупость; я понимаю абсолютизмъ конечно не по-кошелевски; я имѣю опредѣленныя чувства къ республикамъ извѣстнаго строя, къ республикамъ съ строгимъ и умнымъ правленіемъ но... (губернаторъ развелъ руками) но... конституціонное правительство... извините меня, это чортъ знаетъ что!... Но впрочемъ я и

въ этомъ случаѣ способенъ не противорѣчить: учредите закрытую баллотировку, и тогда, я не утаюсь, тогда я выскажусь, и ясно выскажусь; я буду знать тогда куда положить мой шаръ, но.... иначе высказываться, и притомъ еще высказываться теперь именно, когда начала всѣхъ, такъсказать, направленій бродятъ и имѣютъ болѣе или менѣе сильныхъ адептовъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ, и кто восторжествуетъ неизвѣстно, — нѣтъ-съ, je vous fais mon compliment; я даромъ и себѣ, и семьѣ своей головы свернуть не хочу, и... наконецъ,—губернаторъ вздохнулъ и договорилъ: — и наконецъ я въ настоящую минуту убѣжденъ что въ наше время возможно одно направленіе—*христіанское*, но не поповско-христіанское съ запахомъ конопляного масла и ладана, а высоко-христіанское, какъ я его понимаю... Онъ сложилъ котелочкой два пальца лѣвой руки и швы-

ряя во всѣ стороны тихіе щелчки, отъ которыхъ будто должно было летать, что-то въ родѣ благодати шепталъ: „миръ, миръ и миръ, и на всѣ стороны миръ,—вотъ что должно быть нашею задачей въ данную минуту, потому что concordiae parve res crescunt, — малыя вещи становятся великимъ согласіемъ,—вотъ что читается на червонцѣ, а мы это забываемъ, и за то у насъ нѣтъ ни согласія, ни червонцевъ. Вотъ вамъ и тема; садитесь и пишите!

Я молчалъ, а губернаторъ хлѣбнулъ воды и перевелъ духъ. Вамъ навязываютъ трудъ о сельскихъ больницахъ заговорилъ онъ послѣ этой поправки. Это всегда такъ у насъ: свѣжій, способный человѣкъ,—его сейчасъ и завалятъ хламомъ; нѣтъ, а вы дайте человѣку идти самому; пусть онъ *самъ* беретъ себѣ вопросъ и работаетъ... Я разработать ничего не могу — некогда; я могу бросить мысль—вотъ мое дѣло, и онъ опять началъ

пускать на воздухъ щелчки...—Но я долженъ имѣть людей способныхъ поднять, подхватить мою мысль на лету и развить ее... тоже на лету, а такихъ людей нѣтъ, положительно нѣтъ. И, не забудьте, ихъ у насъ нигдѣ теперь нѣтъ! Ихъ у самого Горчакова нѣтъ..... я по крайней мѣрѣ ихъ и тамъ не вижу. То же самое что вездѣ-съ... Возятся со славянскимъ вопросомъ, и ни взадъ ни впередъ! Развѣ такъ надо? Еслибъ это вести какъ должно, то-есть еслибы не скрывать что, съ одной стороны, панслависткій вопросъ—это вопросъ революціонный; что вообще національности — дѣло аристократическое, ибо мужику-съ все равно, Русскій съ него подати береть, или не-Русскій, а насильственно обрусить никого нельзя, потому что... былъ-съ вѣкъ созиданія искусственныхъ монархій, а теперь.... Губернаторъ бросилъ свои руки по разнымъ направленіямъ и проговорилъ: — Теперь-съ

вотъ что: теперь вѣкъ разъединенія всякихъ насильственныхъ политическихъ сцѣпленій, и противъ этого бороться глупо-съ... Извините, бросая мысли, я увлекаюсь, но вы это оформите мягче.

— Я только поглядѣлъ на этого метателя... Нѣтъ, думаю, самъ, братъ, оформливай что набросалъ.

Онъ вѣроятно замѣтилъ мое недоумѣніе и спросилъ намѣренъ ли я служить,

— Нѣтъ, отвѣчаю, отнюдь не намѣренъ.

— А почему?

Я хотѣлъ было сказать что неспособенъ но, думаю, попадусь; скажетъ: „да неспособнымъ-то и служить“, и отвѣтилъ что мое здоровье плохо.

— Полноте, Бога ради! Нынѣшняя служба никого не изнуряетъ. Василій Ивановичъ говорилъ мнѣ что вы нуждаетесь въ нѣкоторыхъ матеріалахъ для своей работы о больницахъ. Чудакъ этотъ, Василій Ивано-

вичъ! вставилъ губернаторъ съ добродушною улыбкой.—Труженикъ вѣчный, а мастеръ—никогда! Я какъ увидѣлъ его сказалъ это и не ошибся.

— А я его очень люблю, сухо замѣтила губернаторша, выбрасывая стеклышко изъ глаза и дѣлаясь опять изъ страшнаго льва просто непріятной женщиной.

— И я, мой другъ его люблю, отозвался губернаторъ,—но не могу же я его способностямъ давать больше цѣны чѣмъ онѣ стоятъ. Не могу я ему ставить пять баловъ когда ему слѣдуетъ два... только два! Онъ прекрасный человѣкъ, mais il est bornè ... онъ ограниченъ, перевелъ мнѣ его превосходительство, и добавилъ, что онъ велѣлъ Фортунатову пустить меня въ канцелярію гдѣ мнѣ „все откроютъ“, и просилъ меня быть съ нимъ безъ чиновъ, и зачѣмъ только нужно—идти прямо къ нему, въ чемъ даже взялъ съ меня и слово.

Для перваго визита мнѣ показалось довольно.

LXXIII.

Я поблагодарилъ, раскланялся и ушелъ обласканный, но очень недовольный собой. Что это за вздорное знакомство? Противно даже. За то, думаю, болѣе меня не позовутъ, потому что вѣрно и я имъ въ свою очередь не очень понравился. Но Фортунатовъ зашелъ вечеромъ и поздравляетъ:

Прекрасно, говоритъ, ты себя держалъ, ты вѣрно все больше молчалъ?

— Да, говорю я молчалъ.

Ну, вотъ губернаторъ тебя нашелъ очень дѣльнымъ и даже велѣлъ сегодня же къ нему писаря прислать: вѣрно хочетъ „набросать мыслей“ и будетъ просить тебя ихъ развить; а губернаторша все только сожалѣетъ, что не могла съ тобой насдинѣ поговорить.

— О чемъ же? Мы съ ней и такъ кажется много говорили и о Полякахъ и о призваніяхъ.

— Ну, да про Поляковъ теперь ужь все пустое, съ полгода тому бѣда была у насъ. Тутъ есть Полячокъ, Фуфаевскій,—онъ все нашимъ дамамъ будущее предсказываетъ по линіямъ рукъ, да шулерничаетъ,—такъ онъ ее напугалъ, что на ней польская кровь гдѣ-то присохла. Она, бѣдняга, даже почью, какъ леди Макбетъ, по губернаторскому дому все ходила да стонала: „Кровь на насъ, кровь! иди прочь, Грегуаръ, на тебѣ кровь!“ Ну, а тому отъ нея идти прочь не охота: вотъ она его этимъ и переломила на польскую сторону... Да это все вздоръ. Она мнѣ что-то другое о тебѣ говорила. О чемъ бишь она хотѣла отъ тебя какъ отъ способнаго человѣка узнать?.. Да! вспомнилъ: ей надо знать: открыто или нѣтъ средство чтобы дѣтей въ ретортѣ приготовлять?

— Это, говорю, что за глупость?

— Писано, говоритъ она, будто было про это, а ей непремѣнно это нужно: она дошла по книжкѣ Пельтана, что женщины сами виноваты въ своемъ уничиженіи, потому что сами раждаютъ своихъ угнетателей. Она хочетъ чтобы дѣти въ ретортахъ приготовлялись, какого нужно пола или совсѣмъ безполые. Я обѣщалъ ей что ты на счетъ этихъ реторгъ пошныряешь по литературѣ и скажешь ей гдѣ про это писалось, и какъ это дѣлать.

— Ты, говорю, гороховый шутъ и циникъ.

— Нѣтъ, ей-Богу, говоритъ, я ей обѣщалъ,—да еще самъ каналья и смѣется.

— Ну, а успѣлъ обѣщать, такъ умѣй самъ и исполнять какъ знаешь.

LXXIV.

Цѣлую ночь я однако-сь продумалъ лежа въ постели: что это за люди и что за странный

позывъ у нихъ къ самой безпричинной и самой беззавѣтной откровенности? Думалъ, рѣшалъ и ничего не рѣшилъ; а на утро только что сѣлъ было за свою записку, какъ вдругъ является совсѣмъ незнакомый господинъ, средняго роста, бѣлый, бѣлобрысый, съ толстыми, блѣдными, одутловатыми щеками, большими, выпуклыми голубыми глазами и розовыми губками сердечкомъ.

Вошелъ онъ очень торопливо, размахивая фуражкой съ кокардой, плюхнулъ прямо на стулъ у моего письменнаго стола, и усѣвшись, отрекомендовался Семеномъ Ивановичемъ Дергальскимъ.

Говоритъ картавя, присюсюкивая и сильно поплевывая въ собесѣдника.

— Пришелъ, говоритъ, къ вамъ съ доблымъ намѣленіемъ. вы человѣкъ чузой и не видите что съ вами творятъ. Кто васъ лекомендовалъ Фольтунатову?

Я отвѣчалъ что мы съ Фортунатовымъ старые знакомые.

— Плесквельно, это плесквельно! заговорилъ мой гость:—Фольтунатовъ пельвый подлець! Извините меня: онъ васъ длугъ, но я плезде всего цестный человѣкъ и говолю плявду. Это онъ васъ повелъ къ губельнатолю?

— Онъ.

— Ахъ, мельзавецъ! Извините, я говолю всегда плямо. Онъ вѣдь не плявитель канцеляліи, а фокусникъ; онъ самъ и есть „сѣвельный магъ и вольсебникъ“. Онъ хитлъ какъ чолтъ. Длугіе плячутъ... Но позвольте я это напишу.

Я подалъ ему карандашъ, а онъ написалъ: *прячутъ*, и продолжалъ:

— Да-съ; плячутъ отъ начальства новыхъ людей, а онъ налосьно всѣхъ подводитъ, и члесь то безпистлястнымъ слыветъ, а потомъ всѣхъ въ дуляцкіе кольпаки наля-

заетъ.... Я самое тлюдное влемя въ западныхъ губельніяхъ слюзилъ и полезенъ былъ, и нагляды полючалъ, потому сто я плямой, настояссій лусскій человѣкъ... Я не хитлецъ, какъ онъ, сто баляхнинскимъ палѣчіемъ говолитъ, а самъ и насымъ и васымъ, хуже зида Іоськи, сто ваксу плодаетъ; а я, видите, я даже на визитныхъ кальточкахъ себя не маскилую... и съ этимъ онъ подалъ мнѣ свою карточку па которой было напечатано: *Семенъ Ивановичъ Дерпальскій—почтовый люстраторъ*. Видите, какъ плямо иду, а онъ ботвинью и бузянину лопаетъ, а люсскихъ людей выдаетъ ляху Фуфаевскому. Онъ сказаль мпѣ: „я тебя съ губельнатоломъ сблизу, и ты всѣхъ ляховъ здѣсь съ нимъ выведесь“.... какъ самаго способнаго человѣка меня пледставилъ. Губельнатолъ плосилъ меня: „будьте, говолитъ, моимъ глазомъ и ухомъ, потому сто я хоть знаю все сто дѣлается въ голодѣ, а сто изъ голода... Но позвольте я это напишю.

И онъ написалъ: *въ городѣ*, и продолжалъ снова:

— Сто изъ голода выѣзжаетъ, это только вы одни мозете знать". Я па это для обьсей пользы согласился, а Фольтунатовъ мнѣ такъ устлоилъ сто я съ губельнатоломъ говолить не могъ.

— Отчего же?

— Потому что губельнатолша всегда тутъ зе вельтится. Фольтунатову подлецу это на луку: ему она не мѣсяетъ; потому сто онъ пли ней палёсно о лазныхъ вздоляхъ говолитъ: какъ дѣтей въ летолтахъ плиготовлять и тому подобное, а самъ подсовываетъ ея музу сто хоцетъ къ подписи, мелзавецъ, а я долзенъ былъ дѣло лясказать, сто я за день пролюстлиловалъ, кто о цемъ писетъ,— а она не выходитъ. Я какъ пастояссій слузбистъ плямо посолъ, плямымъ путемъ, и одинъ лазъ пли ней плямо сказалъ ему: васе плевосходительство: мы о такихъ вес-

тяхъ не пліучены говолить пли тлетьемъ лицѣ", а она сейцасъ:„ Это и пликласно! говолитъ: Глегуалъ, выди, мой длугъ, вонъ, пока онъ долозитъ". Сто я тутъ могъ сдѣлать? Я нацинаю говолить, и наконецъ забываю сто это она, а не онъ, и говолю что Фуфаевскій послалъ своему блату въ Польсу письмо стобъ онъ выслалъ ему сюда для губельнаторшы симпатицескую польскую блошку стобы подъ платьемъ носить; а она какъ вскочитъ... „Глегуалъ! кричитъ: лясполядись сейчасъ его уволить! онъ меня обидѣлъ"—и съ тѣхъ полъ меня въ домъ не плинимаютъ. Тутъ Фольтунатовъ какъ путный и вмѣсялся. „Позвольте, говолитъ, вамъ объяснить: вѣдь онъ это не съ злымъ умысломъ сказалъ: онъ хотѣлъ сказать сто Фуфаевскій выписываетъ для губельнатолсы польскую блошку, а сказалъ *блошку*".... Но нѣтъ, позвольте каландашъ, а то вы тоже этого не поймете.

Дергальскій схватилъ карандашъ и написалъ чотко б-р-о-ш-к-у.—Вотъ сло о цемъ дѣло! продолжалъ онъ, и это имъ Фольтунатовъ объяснилъ, да кстати и всѣмъ лазблаговѣстилъ и сдѣлалъ меня сутомъ голоховымъ, а для чего? для того сто я зналъ что онъ губельнатолу яму лоетъ.

—Онъ.... губернатору яму роетъ?

—А какъ зе? Я знаю сто онъ ему одинъ лазъ далъ подписать, и куда онъ это хотѣлъ отплавить.—Вотъ посмотлите, и даетъ бумагу, на которой написано: „Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ“, а подписано имя губернатора... Я это зналъ, продолжалъ Дергальскій, и стлемился послѣ ссолы все это сообссить, но мнѣ не довѣляютъ, а почему? потому сто меня Фольтунатовъ сумаседсимъ и дулакомъ поставилъ, а подлецъ Фуфаевскій на меня козла изъ конюсни выпустилъ, а козелъ мнѣ насквозь бокъ логами плопололъ и изувѣцилъ

меня пли всѣхъ, поселеди улицы. Я тли мѣсяца въ постели лежалъ, и послалъ самую плавдивую жалобу сто козелъ на меня умысленно пуссенъ за мой патліотизмъ, а они на смѣхъ завели дѣло „о плободаніи меня козломъ съ политическими цѣлями по польской интлигѣ“, и во время моей болѣзни въ Петелбулгъ статью послали „о полякуюссемъ козлѣ“, я тепель послѣ того, какъ это напецатано, ужь я имъ ни мало не опасенъ, потому сто сситаюсь сумаседсимъ и интлиганомъ. Я вазныя, очень вазныя весси знаю, но не могу сказать, потому сто все сто я ни сказю только на смѣхъ поднимаютъ: „его де и козель съ политическими цѣлями билъ“. Мнѣ тепель одному дѣлать нецего: я собилаю палтію, и плисолъ васъ плосить: составимте палтію.

— Позвольте, говорю: противъ кого же мы будемъ партію составлять?

— Плотивъ всѣхъ, плотивъ Фольтунатова, плотивъ всѣхъ пледателей.

— Да я здѣсь, отвѣчаю, новый человѣкъ и ни въ какія интриги входить не хочу.

— Не хотите? а если не хотите въ интлиги входить, ну такъ вы плопали.

— Напротивъ, со мною всѣ очень довѣрчивы и откровенны.

— Дергальскій вскочилъ и захохоталъ.

— Поздлявляю! заговорилъ онъ, — поздлявляю васъ! *Откловенны*... здѣсь всегда съ того начинается.... всѣ откловенны!... они какъ слѣпни всѣ въ новаго человѣка своихъ яицъ накладутъ, а потомъ челвякито выведутся да вамъ скулу всю и плоглызутъ... Поздлявляю! Теперь вы много отъ нихъ слысали длугъ пло длуга, — ну и попались; тепель всѣ васъ и станутъ подозлѣвать что вы ихъ длугъ длугу выдаете. Не вѣльте имъ! никому не вѣльте! Не интлиговать здѣсь тепель никому нельзя — повѣльте, нельзя. Дазе когда вы интлигуете—меньше глѣха; вы тогда па одной сто-

лонѣ... Мой вамъ совѣтъ: составимте партію.

— Нѣтъ, отвѣчаю, я ни въ какой партіи здѣсь принадлежать не намѣренъ, я сдѣлаю свое дѣло и уѣду.

— Нѣтъ-съ, вы такъ не сдѣлаете; сначала всѣ такъ говолятъ, а какъ вамъ голяцаго за козу зальютъ, такъ и не уѣдете. Генелалъ Пелловъ тоже сюда на недѣлю пріѣхалъ, а какъ пледводитель его нехолосо плинялъ, такъ онъ здѣсь ужь втолой годъ живетъ, и ходитъ въ клубъ спать.

— Это еще, думаю, что такое?

— Пелловъ, Пелловъ, извѣстный генелалъ... Дергальскій опять схватилъ карандашъ и написалъ: „П-е-р-л-о-в-ъ.—Знаете?

— Знаю.

— Ну вотъ онъ самый и есть: и зена, и дѣти узе сюда къ нему ѣдутъ,—онъ бѣдный целовѣкъ, а больсе тысяци лублей стлафу въ клубъ нелеплациваетъ, и вотъ

увидите, будетъ здѣсь сидѣть пока совсѣмъ лазолится.

— А зачѣмъ онъ платитъ штрафъ?

— А потому сто все пледводителю этимъ мститъ: пледводительскій зять сталшиной въ клубѣ, а Пелловъ всякое его дезульство плиходитъ и спитъ въ клубѣ до утла, стобъ и пледводительскій зять, какъ сталсина, сидѣлъ,—вотъ за это и платитъ.

Что такое за чепуха? Неужто все это вправду выдѣлывается въ такое серіозное время? Дергальскій клянется и божится что все это именно такъ; что предводитель терпѣть не можетъ губернатора и что потому всѣ думали что они съ генераломъ Перловымъ сойдутся, а вышло иначе: предводитель—ученый генералъ и свысока принялъ Перлова—боеваго генерала, и вотъ у нихъ, у двухъ генераловъ, ученаго и боеваго, зашла война, и Перловъ, недовольный предводителемъ, не будучи въ силахъ ни-

чѣмъ отмстить ему лично, спитъ въ клубѣ на дежурствѣ предводительскаго зятя, и разоряетъ себя на платежи штрафа. Чортъ знаетъ что такое!

— Вы, говорю, не имѣете ли какихъ-нибудь соображеній объ устройствѣ врачебной части Россіи? Вотъ это мнѣ очень интересно!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Дергальскій, не имѣю... Я слихаль сто будто насъ полицеймейстель своихъ позалныхъ солдатъ отъ всѣхъ болѣзней келасиномъ лѣчитъ, и очень холосо; но будто бы у нихъ отъ этого животы насквозь свѣтятся; однако я боюсь это утвелздать, потому что мозетъ быть мнѣ все это насмѣхъ говолили для того стобъ я это ласпустилъ, а потомъ подъ этотъ слѣдъ хотятъ сдѣлать какую-нибудь дѣйствительную гадостъ, и тогда пло ту узъ нельзя будетъ сказать. Я тепель остолозенъ.

— Не поздно ли?

— Да, поздно; но если составить палтію...

— Нѣтъ, меня, говорю, увольте.

— Жалѣю, говоритъ, оцень. Вы по клайней мѣрѣ хоть цѣмъ-нибудь запаситесь.

— Чѣмъ же?

— Секлетъ какой-нибудь имѣйте въ лукахъ, а то...

— Чего же вы опасаетесь?

— Чего? пелвымъ вледнымъ целовѣкомъ васъ сдѣлаютъ,—да-съ!

Съ этимъ Дергальскій вздохнулъ, крѣпко сжалъ мою руку и вышелъ.

LXXV.

Ужасно разстроилъ меня этотъ сюсюкающій господинъ и звукомъ своего голоса, и своими нервами, и своими комическими несчастіями, и открытіемъ мнѣ глазъ. Послѣднее особенно было мнѣ непріятно. Въ са-

момъ дѣлѣ: гдѣ же это я и съ кѣмъ я? И наконецъ, кто же мнѣ ручается, что онъ самъ говоритъ правду, а не клевещетъ? Однимъ словомъ, я въ мужскомъ тѣлѣ ощущалъ безпокойное чувство женщины, которой незваная и непрошенная дружба открываетъ измѣны любимаго человѣка и ковы разлучницы. На что мнѣ было знать все это, и какая польза мнѣ изъ всѣхъ этихъ предостереженій? Лучше всего.... въ сторону бы какъ-нибудь отъ всего этого.

Открываюсь Фортунатову: говорю ему что мнѣ что-то страшно захандрилось, что я думаю извиниться письмомъ предъ предводителемъ и уѣхать домой, отказавшись вовсе представлять мою неоконченную записку объ устройствѣ сельской медицины.

Фортунатовъ вооружился противъ этого.

— Это, говоритъ, будетъ стыдъ и позоръ, срамъ и безчестіе; да и отчего это тебѣ такъ вдругъ пришла фантазія бѣжать.

— Робость, — шучу, — напала.

— Да ты не ухмыляйся; у тебя не равно не былъ ли какъ-нибудь нашъ сюсюка?

— Кто это сюсюка?

— Почтмейстеръ.

— Ты, говорю, отгадалъ: онъ былъ у меня.

Фортунатовъ хлопнулъ по столу рукой и воскликнулъ: „Экое веретено, экая скотина!... Такой мерзавецъ: кто не пріѣдетъ новый человѣкъ, онъ всегда ходитъ, всѣхъ смущаетъ. Мститъ все намъ. Ну да погоди онъ себѣ: онъ нынче, говорятъ, сталъ ночами по заборамъ мѣломъ всякіе пасквили на губернатора и на меня сочинять; дай срокъ, пусть его только на этой обличительной литературѣ изловятъ, ужь я ему голову сорву.

— Онъ, говорю, и безъ того на тебя плачется и считаетъ тебя коварнымъ человѣкомъ.

— Коварнымъ? ладно, пусть считаетъ. Дуракъ онъ и больше ничего: его ужь и козлы съ политическими цѣлями бьютъ.

— Онъ это никому однако не говорилъ.

— Не знаю говорилъ, или не говорилъ, а въ сатирическихъ газетахъ было писано: не читалъ статью: „Полякующій козелъ“?

— Нѣтъ не читалъ и не хочу.

— Напрасно, — это остроумно написано, да къ тому же это и правда: я навѣрно знаю это Фуфаевскій училъ козла биться и спустилъ его на Дергальскаго.

— Извините пожалуста, но это не дѣлаетъ всѣмъ вамъ чести что вы злите человѣка до потери сознанія, пока онъ на всѣхъ кошкою сталъ бросаться.

Фортунатовъ харкнулъ и плюнулъ.

— Нечего, говорю, плевать: онъ комиченъ немножко, а все-таки онъ русскій человѣкъ, и пока вы его не дразнили какъ собаку, онъ жилъ, служилъ и дѣло дѣлалъ.

А онъ видно вретъ, вретъ, да и правду скажетъ, что въ васъ русскаго-то только и есть что квасъ да бужанина.

— Ты, братъ, отвѣчаетъ мнѣ Фортунатовъ, — если тебѣ нравится эти сентиментальныя рацеи разводить, такъ разводи ихъ себѣ разводами съ кѣмъ хочешь, вонъ хоть къ женѣ моей ступай, она тебя кстати морошкой угоститъ,—а мнѣ, любезный другъ, ужь всѣ эти дураки надоѣли, и русскіе, и польскіе, и нѣмецкіе. По мнѣ хоть всѣхъ бы ихъ въ одинъ костеръ да подпалить лучинкою, такъ въ ту же пору. — Вотъ неугодно ли получить бумаги ворошокъ,—позаймись, Христа ради, — и съ этимъ подаетъ свертокъ.

— Что это такое?

— Губернаторскія мысли, какъ все извлечь изъ ничего.

Разворачиваю и читаю, великолѣпнѣйшимъ каллиграфическимъ почеркомъ надписано:

„Секретно. Рядъ мыслей о возможности совмѣщенія мнимо несовмѣстимыхъ началъ управленія посредствомъ примиренія идей.“

— Ну что это ты мнѣ, Василій Иванычъ, за вздоръ, такой приносишь?

— А ты обработай чтобъ оно вышло не вздоръ.

— Нѣтъ, опять говорю: Дергальскій видно правъ что ты нарочно всѣмъ подводишь вотъ этакій неразрѣшимый вздоръ разрѣшать.

Фортунатовъ повелъ на меня косо глазами, обошелъ молча комнату и, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ гдѣ я сидѣлъ, вдругъ ткнулъ мнѣ кукишъ.

— Вотъ на-ка, говоритъ, тебѣ съ твоимъ Дергальскимъ! Напрасно я за всѣхъ за васъ въ петлю небось не лѣзу! Я, братъ, съ натурою человѣкъ былъ, а не мудрецъ и, жену любилъ, а отъ этого у меня шесть дѣтей приключилось: имъ кусокъ хлѣба на-

до. Что вы, черти, въ самомъ дѣлѣ на меня претендуете? Я человѣкъ глупый, — ну такъ и знайте. Я и самъ когда-то было прослылъ за умнаго человѣка, да увидалъ что это глупо, что съ умомъ на Руси съ голоду издохнешь, и ради дѣтей въ дураки пошелъ, ну и за то воспиталъ ихъ не такъ какъ у умниковъ воспитываютъ: мои себя честнымъ трудомъ пропитаютъ, и ребятъ въ ретортахъ приготовлять не станутъ, и польскаго козла не испужаются. Что-нибудь одно: умомъ хочешь кичиться,— ну другаго не ищи, либо терпи, пусть тебя дуракъ дуракомъ зоветъ. А мнѣ плевать на все: хоть зовуткой зови, только хлѣбомъ корми.

— Прегадкая, говорю, у тебя философія.

— Своя, братъ за то: не у Нѣмца вычиталъ; эта по крайности не обманетъ.

— Скажи лучше, незнакомъ ли ты съ генераломъ Перловымъ?

— Съ Иваномъ-то воиномъ?

— Да.

— Господи помилуй! Фортунатовъ перекрестился и нѣжнымъ, ласковымъ тономъ добавилъ: — Я обожаю этого человѣка.

— Онъ какже по-твоему: уменъ или глупъ?

Фортунатовъ покусалъ себѣ ноготь, вздохнулъ и говоритъ: — Это вѣдь у насъ только у однихъ такихъ людей цѣнить не умѣютъ. У Англичанъ вонъ военачальникъ Магдалу какую-то, изъ глины смазанную, въ Абиссиніи взялъ, да и за ту его золотомъ обсыпали, такъ что и внуки еще макушки изъ золотой кучи наружу не выдерутъ; а этотъ вѣдь въ такой адъ водилъ солдатъ, что другому и не подумать бы ихъ туда вести: а онъ идетъ впереди, самъ пляшетъ, на балалайкѣ играетъ, саблю броситъ, да вѣткой съ ракиты помахиваетъ: „Эхъ, говоритъ, ребята, отъ аглицкихъ мухъ хорошо и этимъ отмахиваться.“ Душа занимается!

Солдатамъ-то просто и задуматься нѣкогда, — такъ и умираютъ посмѣиваясь за матушку за Русь да за вѣру!... Какъ хочешь, вѣдь это, братъ, талантъ! Нѣтъ, это тебѣ сюсюка хорошо посовѣтывалъ: ты сходи къ Перлову, не пожалѣешь.

— Да какже, говорю, я и радъ бы пойдти, да не могу: надо же чтобы меня ему кто-нибудь представилъ.

— Сдѣлай милость, выбрось ты изъ башки этотъ вздоръ: ничего этого у насъ не надо: мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, а онъ такой рубака... и притомъ ему дѣлать нечего, и онъ очень радъ будетъ предъ новымъ человѣкомъ начальство поругать.

— А это для чего же? спрашиваю.

— Что̀ это — начальство-то ругать? Да это ужь знаешь, такая школа: хорошъ жемчужокъ да не знать куда спрятать, и въ коробъ нелезетъ и изъ короба не идетъ; съ

подчиненными и съ солдатами отецъ, равному братъ, а старшаго начальства не переноситъ, и оно въ свою очередь, тоже его не переваривастъ. Да онъ и самъ не знастъ на какой гвоздокъ себя повѣсить. Службу ему надо, да чтобы безъ начальства, а такой еще нѣтъ. Одно бы развѣ: послать его съ особою арміей въ центральную Азію разыскать Жидовъ, позабытыхъ въ плѣну Зоровавелемъ. Это бы ему совсѣмъ по шерсти, — такъ вѣдь не посылаютъ! Вотъ онъ, бѣдняга, здѣсь такъ и мается: коровъ доитъ, шинокъ держитъ, сосѣдскихъ куръ на огородѣ стрѣляетъ, да въ клубъ спать ходитъ.

LXXVI.

На другой день встрѣчаю случайно Фортунатова, а онъ и кричитъ еще издали:

— А я, говоритъ, братъ, сейчасъ отъ кровожаднаго генерала: про тебя съ нимъ

разговаривали и про твои заботы о народѣ сказывалъ ему.

— Ну что же такое, говорю: Что ты это все съ такими усмѣшками и про народъ, и про мои заботы, и про генерала? Что же твой генералъ?

— Очень радъ тебя видѣть, и о народѣ, сказалъ, поговоримъ. Иди къ нему; теперь тебѣ даже ужь и нельзя не идти, невѣжливо.

Сбываетъ, думаю, разбойникъ, меня съ рукъ!.. Ну, а ужь нечего дѣлать: пойду къ кровожадному генералу.

— Только ты, говоритъ, иди вечеромъ и въ сюртукѣ, а не во фракѣ; а то онъ не любитъ, если на визитъ похоже.

Я и на это согласился.

Пришелъ вечеръ, я одѣлся и пошелъ.

Домикъ кровожаднаго генерала я, разумѣется, и прежде зналъ. Это небольшой, деревянный, чистенькій домикъ въ три окна,

изъ которыхъ на двухъ крайнихъ стояли чубуки, а на третьемъ среднемъ два чучела: большой, голенастый, красный пѣтухъ въ каскѣ съ перьями, и молодой черный козленокъ съ бородой, при штатской шпагѣ и въ цилиндрической гражданской шляпѣ.

Подъѣзда съ улицы нѣтъ, а у калитки нѣтъ звонка. Я взялся за большое желѣзное кольцо и слегка потрепалъ его.

— Не стучите, не стучите, и такъ не заперто, отвѣчалъ мнѣ со двора не много рѣзкій, но добрый и кроткій голосъ.

Я пріотворилъ калитку и увидѣлъ предъ собою необыкновенно чистенькій дворикъ, усыпанный желтымъ пескомъ, а въ глубинѣ—садъ отдѣленный узорчатою рѣшеткой. На крыльцѣ домика сидѣлъ тучный, крупный человѣкъ, съ густыми волосами впросѣдь, съ небольшими коричневыми, медвѣжьими глазками и носомъ, изъ разряда тѣхъ, которые называются дулями. Человѣкъ этотъ

былъ одѣтъ въ полосатые турецкіе шаровары и сѣрый нанковый казакинъ. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ, прямо на полу, сложивъ ноги по-турецки. Въ зубахъ у него дымился чубукъ, упертый другимъ концомъ въ укрѣпленную на одной ступени желѣзную подножку, а въ рукахъ держалъ черный, частый роговой гребень и копошился имъ въ бѣлой какъ ленъ головкѣ лежавшаго у него въ колѣнахъ трехлѣтняго длиноволосаго мальчишки, босаго и въ довольно грязной ситцевой рубашкѣ.

— Пожалуйте! проговорилъ онъ мнѣ привѣтливо, увидя меня на порогѣ калитки, и при этомъ толкнулъ слегка мальчишку, бросилъ ему гребень, и велѣлъ идти къ матери.

— Это что вы видите, продолжалъ онъ кухаркинъ сынъ; всякій день каналья волочетъ ко мнѣ послѣ обѣда гребень: „Дяденька, говоритъ, попугай непріятелей“. Сосѣдки дья-

чихи дѣти, семинаристы, его научили. Прошу васъ въ комнату.

Я поклонился и пошелъ за нимъ, а самъ все думаю: кто же это, самъ онъ генералъ Перловъ, или нѣтъ? Онъ сейчасъ же это замѣтилъ и введя меня въ небольшую круглую залу, отрекомендовался. Это былъ онъ самъ кровожадный генералъ Перловъ; мою же рекомендацію онъ отстранилъ, сказавъ, что я ему уже достаточно отрекомендованъ моимъ пріятелемъ.

LXXVII.

Мы сѣли въ небольшой, по старинѣ меблированной гостиной, выходящей на улицу тѣми окнами, изъ которыхъ на двухъ стояли чубуки, а на третьемъ красный пѣтухъ въ генеральской каскѣ и козелъ въ черной шляпѣ, а противъ нихъ на стѣнѣ портретъ царя Алексѣя Михайловича съ развернутымъ указомъ что „учали на Москву при-

ходить такіе-сякіе дѣти Нѣмцы и ихъ, такихъ-сякихъ дѣтей Нѣмцевъ, на воеводства бы не сажать, а писать по черной сотнѣ".

Въ углу сіялъ отъ лампады большой образъ пророка Иліи съ надписью: „ревнуя поревновахъ о Богѣ Вседержителѣ". Генералъ свиснулъ и приказалъ вошедшей женщинѣ подать намъ чаю и, какъ предсказывалъ мой пріятель, немедленно же началъ поругивать все петербургское начальство, а затѣмъ и мѣстныя власти. Бранился онъ довольно зло и минутами очень ѣдко, и обращался къ помянутому указу царя Алексѣя, но про все это въ подробностяхъ вамъ нечего разказывать. Особенно зло отъ него доставалось высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ; къ мѣстнымъ же онъ относился съ нѣсколько презрительною ироніей.

— Здѣсь верховодятъ и рядятъ, говорилъ онъ, — козелъ да пѣтухъ; вотъ я и

изображеніе ихъ изъ почтенія къ нимъ на окно выставилъ, добавилъ онъ указывая чубукомъ на чучелъ. — Здѣсь всѣ знаютъ что̀ это представляетъ. То вотъ этотъ пѣтухъ — предводитель многожепецъ оретъ, да шпорой брыкаетъ, то этотъ козленокъ — губернаторъ блеетъ да бороденкой помахиваетъ, — все ничего: идетъ. Знаете, какъ покойный Панинъ великой Екатеринѣ отвѣчалъ на вопросъ: чѣмъ сей край управляется? „Управляется“, говоритъ онъ „матушка императрица, милостію Божіею да глупостію народной“. Генералъ весело и громко засмѣялся, и потомъ вдругъ неожиданно меня спросилъ:

— Вы Николая Тургенева новую книжку читали?

Я отвѣчалъ утвердительно. Генералъ, помолчавъ, высморкался и сначала тихо улыбнулся, а потомъ совсѣмъ захохоталъ.

— „Стяните вы ее, Россію-то, а то вѣдь

она у васъ р-а-з-с-ы-п-е-т-с-я!“ привелъ онъ изъ Тургеневской брошюры и снова захохоталъ. — Вы впрочемъ сами здѣсь, кажется, на счетъ стягиванья.... липкимъ пластыремъ что ли ее, Ѳедорошку, спеленать хотите? обратился онъ ко мнѣ, отирая выступившія отъ смѣха слезы.—Скажите Бога ради что̀ такое вы задумали намъ приснастить?

Я разказалъ.

— Пустое дѣло, отвѣчалъ, махнувъ рукой, генералъ. — Вы можетъ-быть не любите прямаго слова; въ такомъ случаѣ извините меня что я вамъ такъ-говорю, но только по моему, все это больше ничего какъ отъ бездѣлья рукодѣлье. Нѣтъ, вы опишите-ка насъ всѣхъ хорошенько если умѣете, — вотъ это дѣло будетъ! Я знаю что будь здѣсь покойный Гоголь, или Несторъ Васильичъ Кукольникъ, они бы отсюда по сту томовъ написали. Сюда прежде всего

надо хорошаго писателя, чтобъ онъ все это описалъ, а потомъ хорошаго боеваго генерала, чтобъ онъ всѣхъ отсюда вонъ выгналъ. Вонъ что здѣсь нужно, а не больницы, о которыхъ васъ никто не проситъ. Чего вы ихъ насильно-то навязываете? Молчатъ и еще, какъ Шевченко писалъ, „на тридцати языкахъ молчатъ“, а молчатъ, значитъ „благоденствуютъ“.

Генералъ опять засмѣялся и потомъ неожидано спросилъ:

— Вы Шевченку покойнаго не знали?

Я отвѣчалъ что не зналъ.

— А ко мнѣ его одинъ полицеймейстеръ привозилъ. Расхвалилъ, каналья, что будто „стихи, говоритъ, отличные на начальство знаетъ“. Ну, молъ, пожалуй привезите; и точно недурно, даже можно сказать очень недурно: *Сонъ*, *Кавказъ* и *Къ Памятнику*, но больше всего Поляковъ терпѣть не могъ. Ухъ батюшка мой, какъ онъ ихъ бездѣль-

никовъ ненавидѣлъ! То-есть это просто чортъ знаетъ что̀ такое! *Гайдамаки* читаетъ и кричитъ: „будемъ, будемъ рѣзать та̀ту!“ Я ужь и окна велѣлъ позатворять... противъ Поляковъ это знаете не безъопасно,—и послѣ цѣлую недѣлю лопатой голосъ изъ комнаты выгребали, — столько онъ накричалъ.

— Но вы же вѣдь, ваше превосходительство,—спрашиваю,—кажется и сами очень изволите не любить Поляковъ?

— Поляковъ? нѣтъ, я враждебнаго противъ нихъ не имѣю ничего.... а любить ихъ тоже не за что̀. Аристократишки, трусы, дрянь, хвастуны, интриганы и рухавка.... ухъ какая рухавка! Ухъ, ухъ, ухъ, какая рухавка! Такіе бездѣльники что съ ними драться-то даже не съ кѣмъ. Какъ въ шакалку не надо стрѣлять потому что ружье опоганишь, такъ и въ Поляка; на него хорошаго солдата посылать жалко. Въ послѣднее пов-

станье я шелъ усмирять ихъ, думалъ что авось тѣ канальи которые въ нашихъ корпусахъ и академіяхъ учились, хоть тѣ, хоть для гонора, для шика не ударятъ лицомъ въ грязь и попрактикуютъ нашихъ молодыхъ солдатиковъ,—какъ-нибудь соберутся насъ поколотить. Ничего не бывало: вѣровали, рухавка этакая канальская, что Наполеонъ на нихъ смотритъ, а смотрѣть-то и не на что. Подлѣйшая для насъ война была! Еслибы не кое-какія свои старыя хитрости — просто бы несчастье: могли бы деморализоваться войска. У меня въ два мѣсяца одинъ офицеръ влюбился въ Польку и убѣжалъ, одинъ въ карты проигрался и застрѣлился, да два солдатика съ ума сошли. Сноситесь объ этомъ по начальству, пишите въ Петербургъ: много тамъ поймутъ боевое дѣло „военные чиновники“ и „моменты“!... Я,— вѣчное благодареніе Творцу и Создателю (генералъ набожно перекрестился),—я вы-

шелъ изъ этихъ затрудненій безъ Петербургскихъ наставленій.

Я говорю: „Я слушаю ваше превосходительство, съ крайнимъ любопытствомъ“.

Генералъ сталъ продолжать.

LXXVIII.

— Я, говоритъ, дѣйствовалъ на корень: офицеры и солдаты скучали; надо было ихъ развлечь, а въ деревушкѣ чѣмъ же ихъ развлечь? Вижу бывало что ужь очень затосковали и носы повѣсили, ну и жаль ихъ бывало; и говорю: ну ужь чортъ васъ возьми, прозѣвайте такъ и быть: выпустите человѣкъ пять плѣнныхъ изъ сарая, пускай они по лѣсу побѣгаютъ. А какъ тѣ побѣгутъ, пошлешь за ними погоняться,—народъ немножко и поразсѣется. Но только вѣдь подите жь вы, треанаѳемскія ихъ души эти Полячишки: совсѣмъ отъ меня бѣгать не стали. „Бѣгите, паны“, шепчутъ имъ подъ

ученные люди, — нѣтъ не идутъ! По пяти цѣлковыхъ наконецъ чрезъ вѣрныя руки давалъ каждому, который согласится бѣжать; деньги возмутъ, а не бѣгутъ. Самъ наконецъ, лично, съ глаза на глазъ ихъ подманивалъ: „Эхъ, говорю, паны братья, какая большая банда здѣсь недалеко въ лѣсу есть!—такая молъ что даже боимся ее“. Не идутъ да и только!

— Но позвольте же, возражаю, но откуда же плѣнные-то у васъ взялись?

— А это какіе-то старые еще до моихъ временъ попались. Я ихъ по наслѣдству получилъ. При мнѣ шаталась какая-то горстка, человѣкъ въ шестьдесятъ; солдатики человѣкъ сорокъ изъ нихъ закололи, а человѣкъ двадцать взяли. Я приказалъ тройку повѣсить, а человѣкъ пятнадцать назадъ выпустить чтобы разказывали какой съ ними у меня судъ; съ тѣхъ поръ въ моемъ районѣ все и стихло.

— Какъ же это, спрашиваю, вы безъ суда сейчасъ и повѣсили?

— Ну вотъ еще, судить! Чего-жь Поляковъ судить? Который виноватъ?—Они всѣ виноваты, а котораго повѣсить, это солдаты гораздо правосуднѣе чиновниковъ разбираютъ: которые потяжелс, пошибче ранены, тѣхъ и вздернутъ, а которые поздоровѣй и порѣзвей—тѣхъ выпустятъ чтобы дальше пробѣжали да понагнали страху, какъ ихъ москали пробираютъ. За то этакой просто какъ заяцъ летитъ и службу свою мнѣ лучше всякой газеты исполняетъ. Они впрочемъ и вообще народъ исполнительный, ни съ кѣмъ на свѣтѣ такъ не легко управляться какъ съ Поляками. Они къ европейской политикѣ дѣйствительно довольно непонятливы, по своей безтолковости: потому и Наполеона ждутъ къ себѣ; но за то отъ природы сотворены чтобы русской политикѣ подчиняться, и сами того не сознавая, очень ее любятъ,

право. Съ Полякомъ, вѣдь главное, не надо только церемониться и антимоніи разводить; вѣрнъ онъ—не кори его ничѣмъ, а если нашелъ у него порохъ въ фортепіано,— какъ я у одного своего пріятеля отыскалъ... тутъ же положилъ его на фортепіано да велѣлъ казакамъ хорошенько, нагайками выпороть, а потомъ опять обѣдать его зазвалъ, и ничего. Полякъ за это никогда не сердится. Напротивъ, этотъ мой пріятель, послѣ того какъ я его выпоролъ, даже всѣмъ меня хвалилъ—трубою про меня трубилъ: „остро, говоритъ, постемпусъ,—але человѣкъ, бардзо почтивый“. Вѣдь и вся эта рухавка-то вышла изъ-за церемоній, все это „пять офяръ“, пять варшавскихъ мертвецовъ надѣлали. Говоръ пошелъ: „стржѣляойнъ насъ, пане, москали!“ Ну вотъ вамъ и претекстъ для жалобъ и къ Наполеону, и къ Европѣ. Кровь, знаете, благородное дѣло! Тутъ и панъ Халявскій, и панъ Ма-

лявскій—всѣ въ азартъ входятъ: „и меня, и меня, говорятъ, ледви не застрѣлили“! А надо было ни кого не убивать, и даже холостымъ зарядомъ не стрѣлять, а казаковъ съ нагайками на нихъ, да пожарную команду съ водой. Какъ вспороли бы ихъ хорошенько да водой, какъ куръ, облили бы, — они бы и молчали, и не стали бы хвалиться что„ и я въ скурэ досталъ“, и „мнѣ воды за шіе залили“! а напротивъ стали бы всѣ перекоряться—Стась на Яся, а Ясь на Стася,—дескать „меня не обливали“ и „меня нагайкой не лупили“. Чтобы тутъ дипломаты вашей Европы-то, за кого бы стали заступаться, когда и обиженныхъ нѣтъ? Надо вѣдь всегда играть на благородныхъ страстяхъ человѣка, а таковаго у Поляковъ есть гордость: вотъ и надо бы не стрѣлять въ нихъ, а пороть да водою окачивать.

— Я полагаю, говорю, что ваше превосходительство шутите?

— Ни мало-съ; да что же шуточнаго во всемъ томъ что́ я вамъ говорю?

— Помилуйте, да что́ же бы въ самомъ дѣлѣ Европа-то тогда о насъ сказала?

— А вотъ теперь небось она за то про васъ очень хорошо говоритъ! А я бы, будь моя воля, я бы и Европу-то всю выпоролъ.

Я даже не выдержалъ и разсмѣялся.

— За что́ же, молъ, ваше превосходительство, вы такъ строго хотите обойтись съ Европой?

— Съ Европой-то-съ! Господи помилуй: да мало ли на ней на старой грѣшницѣ всякихъ винъ и неправдъ? И мотовство, и фатовство, и лукавство и черезъ нее проклятую цивилизацію сколько рабочихъ рукъ отъ сохи оторвано, и казенную аммуницію рветъ,—да еще не за что́ ее пороть! Нѣтъ-съ; пороть ее, пороть!

— Если дастся.

— Вздоръ-съ! Разумѣется, если ее дипломатическимъ путемъ къ тому приглашать, она не дастся, а кличъ по землѣ русской кликнуть.... какъ Бирнамскій лѣсъ съ прутьями пойдемъ и всѣхъ перепоремъ, и Славянъ освободимъи Константинополь возьмемъ, и Парижскую губернію учредимъ и сюсюку Дергальскаго туда губернаторомъ посадимъ.

— Ну-съ, говорю, о Парижской губерніи, я полагаю, теперь намъ ужь не время думать, когда тамъ Бисмаркъ и Мольтке хозяйничаютъ

— А что́ же такое ваши Бисмаркъ и Мольтке?

— Геніальные люди.

— Вздоръ-съ, мы всѣхъ поколотимъ.

Я усомнился и поставилъ на видъ превосходное устройство нѣмецкихъ силъ и образованность ихъ военачальниковъ.

— Вздоръ-съ, возразилъ генералъ.—Пусть

себѣ они и умны, и учены, а мы все-таки ихъ поколотимъ.

— Да какимъ же образомъ?

— Да такимъ образомъ что они тамъ своими умами да знаніями разочтутъ, а мы имъ такую глупость удеремъ что они только рты разинутъ. Гдѣ по ихъ по ученому намъ бы надо быть, тамъ насъ никого не будетъ, а гдѣ насъ не потребуется, тамъ мы всѣ и явимся и поколотимъ, и опять и въ Берлинъ Дергальскаго губернаторомъ посадимъ. Какъ только дипломатія отойдетъ въ сторону, такъ мы сейчасъ всѣхъ и поколотимъ. А то дипломаты!... сидятъ и смотрятся какъ нарцисы въ свою чернильницу, а боевые генералы плесенью обрастаютъ и съ голоду пухнутъ.

LXXIX.

Я помолчалъ и потомъ тихо замѣтилъ генералу что однако и дипломатическихъ пріемовъ огуломъ осуждать нельзя.

— Я и не спорю-съ противъ этого, отвѣчалъ генералъ.—Я и самъ дипломатіи не отвергаю, но только я не отвергаю настоящей дипломатіи короткой. Отвѣть такъ чтобы про твой отвѣтъ и разказывать было нельзя. Со мною и съ самимъ бывали случаи, что я держался дипломатіи. Я разъ прихожу, не помню гдѣ-то въ Германіи, какого-то короля дворецъ хотѣлъ посмотрѣть. Ѣздилъ по Рейну, глядѣлъ, глядѣлъ на эти кирпичи, которые называютъ „развалинами“,—страсть надоѣло. Дай на другое взгляну: наговорили про одинъ дворецъ что очень хорошъ и очень стоитъ, чтобы взглянуть, я и пошелъ. Прихожу-съ, а тамъ внизу предъ самою лѣстницей сидитъ Нѣмецъ и показываетъ мнѣ, скотина, пальцемъ на этакія огромныя войлочныя калоши.

— Это, молъ, что́ такое?

— Надѣнь, говоритъ.

— Зачѣмъ же, молъ, я ихъ стану надѣвать?

— А за тѣмъ, что безъ того, говоритъ, по дворцу не пойдешь.

— Ахъ ты, говорю, каналья этакая! Да я у своего государя не по такому дворцу, да и то безъ калошъ ходилъ,—а стану я для твоего короля шутомъ наряжаться!

— Ну, такъ вотъ, говоритъ, и не пойдешь!

А я плюнулъ ему въ эти кеньги и сказалъ: ну такъ вотъ скажи-же своему королю что я ему въ калоши плюнулъ!“.... Справлялся послѣ этого, сказали ли что-нибудь объ этомъ королю? ничего не сказали. Такъ и присохло. Вотъ такой тонъ по моему должна держать и дипломатія: чтобъ плюнулъ кому, и присохло! На насъ боевыхъ генераловъ клевещутъ, будто мы только какъ цѣпныя собаки нужны, когда насъ надо спустить, а въ системѣ мирнаго времени ничего будто не понимаемъ. Врутъ-съ! А спроситека.... теперь вотъ всѣ газетчики взялись за то, что въ Польшѣ одна неуклонная система должна

заключаться въ томъ чтобы не допускать до кровопролитія, чтобы не давать Полякамъ забываться; а я-съ еще раньше, когда еще слуха о послѣдней рухавкѣ не было, говорилъ: закажите вы въ Англіи или въ Америкѣ гутта-перчеваго человѣка, одѣвайте его то паномь, то ксендзомъ, то Жидомъ, и возите его года въ два разъ по городамъ и вѣшайте. Послушайся они этого моего совѣта,—никто бы и не ворохнулся, и капли крови не было бы пролито. Да что и говорить! Генералъ махнулъ рукой и добавилъ:—хоть бы на будущее-то время посслушнѣе были, да загодя теперь такую штуку припасли бы, да по Ревелю, да по Ригѣ повозили нѣмцемъ одѣтую, а то вѣдь опять гляди скоро понадобится нѣмцевъ колоть.

— А не находите ли вы, спрашиваю, опасности въ томъ что Нѣмцы провѣдали бы что человѣкъ-то, котораго вѣшаютъ, сдѣланъ изъ гутта-перчи?

А мнѣ, какъ хотите, мнѣ Нѣмцевъ жалко: это не то, что гоноровое Полячьё безмозглое, — это люди обстоятельные и не перепорть мы ихъ сами они пріятнѣйшіе соотечественники намъ были бы. Я помню, самъ въ Остзейскомъ краѣ два года стоялъ при покойномъ Императорѣ, такъ эти господа Нѣмцы намъ первые друзья были. Бывало ничего каналья и по-русски-то не понимаетъ, а даже наши пѣсни поетъ: замѣсто „по мо̀сту-мосту“ задуваетъ:

Офъ демъ бри́ке, бри́ке, бри́кс
Офъ демъ калинишевъ бри́ке.

А нынче вонъ, пишутъ, и они ужъ Wacht am Rhein запѣли и заиграли. Кто-же, какъ ни сами мы въ этомъ виноваты? Ну и надо теперь для ихъ спасенія покрайней мѣрѣ хоть гутта-перчевую куклу на свой счотъ заказывать, да какимъ нибудь ее калбасникомъ или гофъ-герихтомъ наряжать и провѣ-

шивать, что-бъ надъ живыми людьми не пришлось этой гадости дѣлать.

— Ну такъ что же такое что провѣдали бы? Да имъ даже подъ рукою можно было бы это и разказывать, а они все писали бы, что „Москали всѣхъ повѣшали“; ученая Европа и порѣшила бы что на Балтійскомъ поморье Нѣмцевъ уже нѣтъ, что Нѣмцы всѣ ужь перевѣшаны, а которые остались, тѣ стало-быть наши. Тогда они послѣ пиши не пиши—никто заступаться не станетъ, потому что Поляковъ уже нѣтъ, всѣ перевѣшаны; а за Русскихъ заступаться не принято,—и вотъ весь бы этотъ дурацкій остзейскій вопросъ такъ и порѣшился бы гутта-перчевою куклой.

— Куклой!... ну, говорю, ваше превосходительство, теперь я ужь даже не сомнѣваюсь, что вы это все изволите шутить.

— Полноте, сдѣлайте милость! Вы меня этимъ даже обижаете! возразилъ съ неудо-

вольствіемъ генералъ. — А съ другой стороны, я даже и не понимаю что васъ тутъ удивляетъ, что кукла можетъ производить впечатлѣніе? Мало ли развѣ вы видите у насъ куколъ, которыхъ всѣ знаютъ за куколъ, а они не только впечатлѣніе производятъ, но даже рѣшеніемъ вопросовъ руководятъ? Вы здѣшній?

— Да, здѣшній.

— И еще можетъ-быть въ здѣшней гимназіи обучались?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ вы не можете не знать господина Калатузова?

— Какже, отвѣчаю: очень хорошо его знаю.

— Дуракъ онъ?

— Да, не уменъ.

— Чего не уменъ, просто дуракъ. Я и отца его зналъ, и тотъ былъ дуракъ, и мать его зналъ — и та была дура, и вся родня

ихъ были дураки, а и они на этого всѣ дивовались, что уже очень глупъ: никакъ до десяти лѣтъ казанскаго мыла отъ пряника не могъ отличить. Если бывало какъ-нибудь мать въ банѣ въ сторону засмотрится, онъ сейчасъ все мыло и поѣстъ. Людей сколько за это пороли. Просто отчаянье! До восемнадцати лѣтъ дома у гувернантки учился, пока ее обнимать началъ, а ничему не выучился; въ гимназію въ первый классъ по девятнадцатому году отдали, и черезъ пять лѣтъ изо втораго класса назадъ вынули. Ни къ одному мѣсту не годился,—а вонъ добрые люди его въ Петербургѣ научили газету издавать, и пошло, и заговорили про него, какъ онъ вопросы рѣшаетъ. Вотъ вы его посмотрите: вчера былъ у меня; пріѣхалъ въ земство, гласнымъ выбранъ ради своего литературнаго значенія, и будетъ голосъ подавать.

— Что же, спрашиваю, поумнѣлъ онъ хоть немножко, редакторствуя?

— Какое же поумнѣть? Мыла разумѣется ужь не ѣстъ; а пока сидѣлъ у меня все пальцами носъ себѣ чистилъ. Изъ ничего вѣдь, батюшка, только Богъ свѣтъ создалъ, да и это нынѣшніе ученые у него оспариваютъ. Нѣтъ-съ; сей Калатузовъ только помудренѣлъ. Спрашиваю его что̀ какъ его дѣла идутъ?

— Шли, говоритъ, хорошо, а съ прошлаго года пошли хуже.

— Отчего же, молъ, это?

— Западъ говоритъ, у меня, отвалился.

— Ну, вы конечно это горе поправили?

Думалъ онъ думалъ: —м-да, отвѣчаетъ, поправилъ.

— Ну и теперь, значитъ, опять хорошо?

— М-да; не совсѣмъ: теперь востокъ отпалъ.

— Фу, говорю, какое критическое положеніе: этакъ все пожалуй можетъ разсыпаться?

Думалъ, опять думалъ и говоритъ что можетъ.

— Такъ нельзя ли, молъ, какъ-нибудь такъ, чтобы и востоку и западу приходилось по вкусу?

— М-можно, да.... людей нѣтъ!

— Что́ такое? Удивился, знаете, безмѣрно что ужь даже и пѣтый дуракъ, и тотъ на безлюдье жалуется.—Что́ такое, переспрашиваю, и получаю въ отвѣтъ:

— Людей нѣтъ.

— Въ Петербургѣ-то способныхъ людей нѣтъ.

— Нѣтъ.

— Не вѣрю, говорю. Вы бы поискали ихъ поприлежнѣе, какъ голодный хлѣба ищетъ.

— Искалъ, отвѣчаетъ.

— Ну и что́ же? Неужто нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вы въ Москвѣ поискали бы.

— А тамъ, говоритъ, и подавно нѣтъ. Нынче ихъ нигдѣ ужь нѣтъ; нынче надо совсѣмъ другое дѣлать.

— Что́ такое? любопытствую. Разкажи, молъ, дура любезная, удиви—что́ ты такое надумала?—А онъ-съ меня дѣйствительно и удивилъ!

— Надо, отвѣчаетъ, разомъ два изданія издавать, одно такъ, а другое иначе.

— Ну скажите Бога ради, не тонкая ли бестія? воскликнулъ, подскочивъ, генералъ. — Видите выдумалъ какой способъ! Теперь ему всѣ будутъ кланяться, вотъ увидите, и заискивать станутъ. Не утаю грѣха,—я ему вчера первый поклонился: начнете, молъ, нашего брата солдата въ одномъ изданіи ругать, такъ хоть въ другомъ поддержите. Мы, молъ, за то подписываться станемъ.

— М-да, говоритъ, въ другомъ мы поддержимъ.

— Такъ вотъ-съ, сударь, заговорилъ вы-

прямляясь во весь ростъ генералъ, — вотъ вамъ въ нашъ вѣкъ кто на всѣхъ угодитъ, кто всѣмъ тонъ задастъ и кто прочнѣе всѣхъ на землѣ водворится: это *безнатурный дуракъ!*

LXXX.

Это было послѣднее слово, которое я слышалъ отъ генерала въ его домѣ. Затѣмъ, по случаю наступившихъ сумерекъ, старикъ предложилъ мнѣ пройтись, и мы съ нимъ долго ходили, но я не помню что́ у насъ за разговоръ шелъ въ то время. Въ памяти у меня оставалось одно пугало: „безнатурный дуракъ“, угрожая которымъ Перловъ говорилъ не только безъ шутки и иронiи, а даже съ яростію, съ непримиримою досадой и съ горькою слезой на рѣсницахъ.

Старикъ проводилъ меня до моей квартиры, и здѣсь, крѣпко сжимая мою руку, еще нѣсколько минутъ на кого-то все жа-

ловался; упоминалъ упавшимъ голосомъ фамиліи нѣкоторыхъ важныхъ лицъ петербургскаго высшаго круга, и въ заключеніе, вздохнувъ и потягивая мою руку къ низу, прошепталъ:

— Вотъ такъ-то-съ царскаго слугу и изогнули какъ дугу! а затѣмъ быстро спросилъ:—вы сейчасъ ляжете спать дома?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; я еще поработаю надъ моею запиской.

— А я домой только завтра, а до утра пойду въ дворянскій клубъ спать: я тамъ такимъ манеромъ предводительскаго зятя мучу: я сплю, а онъ дежуритъ, а у него жена молодая. Но за то штрафъ шельмовскій дорого стоитъ.

Тягостнѣйшія на меня напали размышленія: фу ты, думаю себѣ, да что́ же это въ самомъ дѣлѣ за патока съ имбиремъ, ничего не разберемъ! Что́ это за люди и что за странныя у всѣхъ заботы, что́ за скорби,

страсти и волненія? Отчего это все такъ духомъ взмѣшалось, взбуровилось и что́, наконецъ, изъ этого всего выйдетъ? Что́ снимется пѣною, что́ падетъ осадкой на дно и что́ отстоится и пойдетъ на потребу?

А генерала жалко. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ въ это время, онъ положительно самый симпатичнѣйшій человѣкъ. Въ немъ какъ-то все пріятно: и его, голосъ, и его манеры, и его тонъ, въ которомъ не отличишь іроніи и шутки отъ серіознаго дѣла, и его гнѣвъ при угрозѣ господствомъ „безнатурнаго дурака“ и его тихое: „вотъ и царскаго слугу изогнули ужь въ дугу“, и даже его не совсѣмъ мнѣ понятное намѣреніе идти въ дворянскій клубъ спать до свѣта.

Да, онъ положительно симпатичнѣе всѣхъ... кромѣ пристава Васильева. Ахъ, Боже мой: зачѣмъ я однакоже до сихъ поръ не навѣщу въ сумашедшемъ домѣ моего бѣднаго

философа и богослова? Что-то онъ, какъ тамъ ориентировался? Находитъ ли еще и тамъ свое положеніе сноснымъ и хорошимъ? Это просто даже грѣхъ позабыть такую чистую душу.... Рѣшилъ я себѣ что завтра же непремѣнно къ нему пойду, и съ тѣмъ легъ въ постель.

Записка не пишется, да и что писать самъ не знаю, а ужь въ умѣ у меня начали зарождаться лукавые замыслы, какъ бы свалить это дѣло съ плечъ долой.

— Не совсѣмъ это нравственно и благородно, думаю я засыпая, ну да что же подѣлаешь, когда ничего иного не умѣешь? Конечно оно можно бы... да настойчивости и цѣпкости въ насъ нѣтъ... Лѣкарь Отрожденскій правъ: кажется дѣйствительно народъ еще можетъ быть предоставленъ пока своей смерти и сойдется съ ней и безъ медицинской помощи... Однако какъ это безнравственно!... Но... но Перловъ „безнатур-

нымъ дуракомъ“ грозится.... Страшно! Глупость-то такъ со всѣхъ сторонъ и напираетъ, и не ждетъ... Вздоры и раздоры такъ всѣхъ и засасываютъ... И вдругъ среди сладкой дремоты, завязывающей и путающей эти мои соображенія, я чувствую толчокъ какою-то мягкою и доброю рукой, и тихій голосъ прошепталъ мнѣ надъ ухомъ: „Спи! это все сонъ!... все это сонъ. Вся жизнь есть сонъ: проснешься тогда поймешь зачѣмъ все это путается“.

Я узналъ голосъ становаго Васильева и... уснулъ, а утромъ просыпаюсь, и первое что меня осѣнило: зачѣмъ же, однако, *мнѣ* поручили составить эту записку?—*мнѣ*, который не знаетъ Россіи, который менѣе всѣхъ ихъ живетъ здѣсь?

— Позвольте! позвольте! воскликнулъ я вдругъ, хвативъ себя за голову. Да я въ умѣ ли, или нѣтъ? Что же это такое: я вѣдь ужъ не совсѣмъ понимаю, напримѣръ,

что въ словахъ Перлова сказано насмѣхъ и что взаправду имѣетъ смыслъ и могло бы стоить вниманія?... Что-то есть такого и иного!... Позвольте.... позвольте! Они (и у меня уже свои миѳическія *они*), они свели меня умышленно съ ума и... кто же это насмѣхъ подвелъ меня писать записку? Нѣтъ! это не спроста... это...

Я вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ Дергальскому.

LXXXI.

Застаю его дома, отвожу потихоньку въ сторону и секретно спрашиваю: не писалъ ли когда-нибудь кому-нибудь Фортунатовъ чтобы пригласить меня къ составленію предварительной записки объ учрежденіи врачебной части въ селеніяхъ?

— Позвольте, отвѣчаетъ, я сейчасъ сплявлюсь.

Юркнулъ куда-то въ шкафъ, покопошил-

ся тамъ, пошелестилъ бумагами и отвѣчаетъ: „есть! писаль!“

И съ этимъ подаетъ мнѣ смятое письмо съ рубцомъ отъ бечевки, которою была стянута пачка.

Это было письмо Фортунатова къ предводителю моего уѣзда. Касающаяся до меня фраза заключалася въ слѣдующемъ: „Кстати, къ вамъ по сосѣдству пріѣхалъ помѣщикъ Орестъ Ватажковъ; онъ человѣкъ бывалый за границей и навѣрно близко знаетъ какъ въ чужихъ краяхъ устраиваютъ врачебную часть въ селеніяхъ. Прихватитека и его сюда: дѣло это непремѣнно надо свалить къ чорту съ плечъ.“

— Да вѣдь предводитель, замѣчаю, этого письма не получилъ?

— Какъ же... нѣтъ получилъ.

— Какъ же получилъ, когда оно здѣсь у васъ?

— Да, да, да... онъ стало-быть не получилъ.

Я простился и иду домой, и вдругъ узнаю изъ непосредственнаго своего доклада что я уже самъ путаюсь и сбиваюсь, что я уже полонъ подозрѣній, недовѣрій, что хожу потихоньку освѣдомляться, кто о чемъ говорилъ и писалъ, что даже самъ *читаю чужія письма*... вообще веду себя скверно, гадко, неблагородно, и имя мнѣ теперь... *интриганъ!*

Я встрепенулся и остолбенѣлъ на мѣстѣ. Я испугался этого ужаснаго, позорнаго имени, тѣмъ болѣе что самъ не могъ дать себѣ отчета: слышу ли я это слово внутри себя или... или я даже изловленъ на интриганствѣ и подвергаюсь позорному обличенію.

Увы! это было такъ: глаза мои сказали мнѣ что я пойманъ.

Поймалъ меня тотъ щуковатый полицеймейстеръ котораго я видѣлъ у губернатора. Чортъ его знаетъ откуда онъ проѣзжалъ ми-

мо квартиры злосчастнаго Дергальскаго, и по какому праву онъ съ самою возмутительною фамильярностью погрозилъ мнѣ, шутя, пальцемъ, и въ силу чего онъ счелъ себя въ правѣ назвать меня интриганомъ. Фуй, неужто же такъ черезчуръ легко запутаться и.... даже падать? А вѣдь, какъ хотите, неумѣстная и безсмысленная фамильярность полицеймейстера не что иное какъ признакъ весьма не высокаго положенія моихъ фондовъ. Когда же я ихъ такъ уронилъ и чѣмъ именно? Это преглупо и предосадно.

Я возвратился домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, но только что переступилъ порогъ какъ сейчасъ же утѣшился: у себя, я, сверхъ всякаго ожиданія, нашелъ генерала Перлова.

LXXXII.

Старикъ этотъ былъ мнѣ теперь вдвое милъ: я разказалъ ему всѣ свои недоумѣнія и

сюрпрюзы съ такою полною откровенностью, съ какою можно разсказывать свои дѣла только сердечнѣйшему другу. Онъ все молчалъ и сосалъ янтарь своего черешневаго чубука, изрѣдка лишь отзываясь самыми короткими, но опредѣлительными выраженіями. Губернатора назвалъ „свистуномъ“, губернаторшу обругалъ нецензурнымъ словомъ, про Дергальскаго сказалъ что онъ, „балалайка безструнная“, а Фортунатова похвалилъ: „этотъ, говоритъ, въ кулакѣ изъ яйца цыпленка выведетъ“; а впрочемъ обо всѣхъ сказалъ что „всѣ они вмѣстѣ порядочная сволочь“, и предлагалъ ихъ повѣсить. Предводителя я ужь разумѣется и не коснулся, но о полицеймейстерѣ разказалъ, какъ онъ нагло сейчасъ со мною разфамильярничался.

— Гвардейская привычка-съ, отвѣчалъ генералъ.—Я ихъ, этихъ господъ, знаю: былъ и со мной такой случай что ихъ братія пробовали со мной фамильярничать, да вѣдь

мнѣ въ кашу не плюнешь. Я еще тогда въ маленькомъ чинѣ служилъ. Мы не поладили какъ-то за картами. Мнѣ деньщикъ ихъ говоритъ: „не ходите, говоритъ, къ намъ больше, ваше благородіе, а то наши господа хотятъ васъ бить.“ Я ему далъ на водку и прихожу и спрашиваю: правда ли, господа, будто вы хотите меня бить? „Правда“; а ихъ осьмеро, а я одинъ. Ну какъ же вы меня будете бить, когда васъ осьмеро, а я одинъ?—„А вотъ какъ“, отвѣчаетъ самъ хозяинъ, да прямо меня по щекѣ. Я очень спокойно говорю: я этому, господа, не вѣрю. Онъ второй разъ. Я опять говорю, не вѣрю. Онъ въ третій; ну тогда я взялъ его за ноги, взмахнулъ да и началъ имъ же самимъ дѣйствовать, и всѣхъ ихъ переколотилъ и взялъ изъ-подъ скамьи помойный тазъ, облилъ ихъ да и ушелъ.

— Вы очень сильны.

— Нѣтъ; пудовъ двѣнадцать я больше

теперь не подниму, а былъ силенъ: два Француза меня безоружнаго хотѣли въ плѣнъ отвести, такъ я ихъ за вихры взялъ, лобъ объ лобъ толкнулъ и бросилъ,—больше ужь не вставали. Да русскій человѣкъ вѣдь вообще если его лѣкарствами не портить, такъ онъ очень силенъ.

Ахъ, думаю, вотъ эта рѣчь мнѣ очень на руку, и спрашиваю: лѣчился ли онъ самъ когда-нибудь?

— Какъ же-съ, отвѣчаетъ. Я въ медицину не вѣрю, даже одного лѣкаря разъ выпоролъ за ошибку, но я вѣдь женатый человѣкъ, такъ для женскаго спокойствія, когда не здоровится постоянно лѣчусь, но только гомеопатіей и въ ослабленныхъ пріемахъ.

— Ихъ пріемы-то и вообще, молъ, ужь ослаблены.

— Ну все-таки, знаете, я нахожу что еще сильно.... все-таки лѣкарство, и внутрь пускать его нехорошо; а я какъ принесутъ

изъ гомеопатической аптеки скляночку, у себя ее на окно за занавѣску ставлю, оно тамъ и стоитъ: этакъ и жена спокойна, и я выздоравливаю. Вотъ вы бы этотъ способъ для народа порекомендовали,—это ужь самое безвредное. Ей Богу!.... Ахъ, да и кстати: записку-то свою бросьте; дворяне ужь съѣзжаются, и они всѣ будутъ противъ этого, потому что предводитель хочетъ. Вотъ опишите: губернаторъ не хочетъ, предводитель хочетъ, дворянство не хочетъ потому что предводитель хочетъ, а предводитель хочетъ потому что губернаторъ не хочетъ.... Вотъ опишите это, и будетъ вамъ лучшая повѣсть нашего времени, и отдадутъ васъ за нее подъ судъ, а судъ оправдаетъ, и тогда публика книжку раскупитъ. Впрочемъ я предложу Калатузову, не хочетъ ли, я самъ опишу все это въ видѣ романа. Не умѣю, да ничего. Гарибальди пишетъ и тоже довольно скверно. А теперь поѣдем-

те, я обѣщалъ васъ привезти познакомить къ четыремъ дворянамъ... Отличные ребята, да, вы вѣдь и должны имъ сдѣлать визиты какъ пріѣзжій.

Я поѣхалъ и былъ съ его превосходительствомъ не у четырехъ, а у шести „отличныхъ ребятъ", которые какъ въ одно слово ругали предводителя и научали меня стоять на томъ что при такихъ повсемѣстныхъ разладицахъ ничего предпринимать нельзя и надо все бросить.

— Это все *мои молодцы*, пояснялъ мнѣ генералъ, когда мы ѣхали съ нимъ домой.— Это все анти-предводительская партія, и вы ужь теперь къ предводительскимъ не ѣздите, а то будетъ худо.

LXXXIII.

Съ этой поры я, милостивые государи, увидѣлъ себя не только помѣшаннымъ, но даже въ силкахъ, отъ которыхъ такъ долго

и ревностно отбивался. И пребывалъ я совсѣмъ отуманенный на засѣданіяхъ, на обѣдахъ даваемыхъ, по здѣшнему выраженію, „съ генераломъ Перловымъ“; былъ приглашаемъ „на генерала Перлова“, и утромъ и вечеромъ я слушалъ какъ онъ жестоко казнилъ все и всѣхъ. Самъ я больше молчалъ и отзывался на все только изрѣдка, но представьте же себѣ что при всемъ этомъ... меня изъ губерніи выслали. Что, какъ и почему? ничего этого не знаю, но пріѣхалъ полицеймейстеръ и попросилъ меня уѣхать. Ходилъ я за объясненіями къ губернатору — не принялъ; ходилъ къ Фортунатову — на нервы жалуется и говоритъ: „ничего, я, братецъ, не знаю“; ходилъ къ Перлову,—тотъ говоритъ: „повѣсить бы ихъ всѣхъ, и больше ничего, но вы, говоритъ, погодите: я съ Калатузовымъ поладилъ и романъ ему сочинять буду, тамъ у меня все будетъ описано“.

Навѣстилъ въ послѣдній вечеръ станового Васильева въ сумашедшемъ домѣ. Онъ спокоенъ какъ нельзя болѣе.

— Какъ же, говорю, вы это все сносите?

— А что жь? отвѣчаетъ,—тутъ прекрасно, и знаете ли, я здѣсь даже совершенно успокоился насчетъ многаго.

— Опредѣлись?

— Совершенно опредѣлился. Я христіанство какъ религію теперь совсѣмъ отвергаю. Мнѣ въ этомъ очень много помогъ здѣшній прокуроръ, онъ насъ навѣщаетъ и даетъ мнѣ *Revue Spirite*. Я проникся этимъ ученіемъ и усвоивъ его, могу оставаться членомъ какой угодно церкви; передъ судомъ спиритизма религіозныя различія это не болѣе какъ „обычаи извѣстной гостиной“, не болѣе. А вѣдь въ чужомъ домѣ надо же вести себя такъ какъ тамъ принято. Внутреннихъ моихъ убѣжденій, *истин-*

ной моей вѣры, я не обязанъ предъявлять, и осуждать за иновѣрство тоже нужды не имѣю. У спиритовъ это очень ясно; у нихъ впрочемъ все ясно: виноватыхъ нѣтъ, но не абсолютно. Преступленіе воли карается, но кара не вѣчна; она смягчается по мѣрѣ заслугъ и смываетъ преступленія воли. Я очень радъ что мнѣ назначили этотъ экзаменъ здѣсь.

— Будто, говорю, ваше спокойствіе ни мало не страдаетъ даже отъ здѣшняго общества?

— Я этого не сказалъ, *мое*.... Что *мое*, то можетъ-быть немножко и страдаетъ, но вѣдь это кратковременно, и потомъ все это плоды *нашей* цивилизаціи (вы вѣдь, конечно, знаете что увеличеніе числа помѣшанныхъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ цивилизаціи: мужиковъ сумашедшихъ почти совсѣмъ нѣтъ) а за то *я*, самъ *я* (Васильевъ просіялъ радостью), я споко-

енъ какъ нельзя болѣе и.... вы знаете оду Державина *Безсмертіе души?*

— Наизусть, отвѣчаю, не помню.

— Тамъ есть такіе стихи:

Отъ безконечной единицы
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія бъ ни текли частицы,
Всѣ живы, вѣчны, вѣченъ духъ!

Безконечная единица и ея частицы въ ней же вращающіяся... вы это понимаете?

— Интересуюсь, говорю, знать отъ васъ какъ вы это понимаете?

— А это очень ясно, отвѣчалъ съ безпредѣльнымъ счастіемъ на лицѣ Васильевъ;— частицы здѣсь и въ другихъ областяхъ; онѣ тутъ и тамъ испытываются и совершенствуются, и когда освобождаются, входятъ снова въ составъ единицы, и потомъ снова развиваясь текутъ... Вамъ, я вижу, это непонятно? Мы съ прокуроромъ вчера выразили это чертежами.

Васильевъ вынулъ изъ больничнаго халата бумажку, на которой были начерчены одинъ въ другомъ три круга, начинающіеся на одной чертѣ и затушеванные снизу на равное пространство.

— Видите, все что́ темное—это сонъ жизни, или теперешнее наше существованіе, а все свободное теченіе—это настоящее бытіе, безъ кожаной ризы, въ которой мы здѣсь спеленуты. Тѣло душевное бросается въ затушеванной площади, а тѣло духовное, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ, течетъ въ сіяніи міровъ. Послѣ каждаго пробужденія кругозоръ все шире, видѣніе все полнѣе, любовь многообъемлющее, прощеніе неограниченнѣе... Какое блаженство! Какое невыразимое блаженство! И... за то вы видите: преграды все возвышаются къ его достиженію. Вы знаете отчего у Русскихъ такъ много прославленныхъ святыхъ и тьмы темъ непрославленныхъ?

Это все оттого что здѣсь еще недавно было такъ страшно жить, оттого что земная жизнь здѣсь для благороднаго духа легко и скоро теряетъ всякую цѣну. Впрочемъ въ этомъ отношеніи у насъ и теперь еще довольно благопріятно, Да, да, Россія въ экзаменаціонномъ отношеніи конечно, и теперь еще вообще наилучшее отдѣленіе: здѣсь человѣкъ какъ золото выгоралъ отъ несправедливости; но вотъ, намъ дѣлается знакомо правосудіе, расширяется у насъ мало-по-малу свобода мысли, вообще становится нѣсколько легче, и я боюсь, не станутъ ли и здѣсь люди вѣрить что тутъ ихъ настоящая жизнь, а не... то что здѣсь есть на самомъ дѣлѣ...

— То-есть?

— То-есть исправительный карцеръ при сумашедшемъ домѣ, въ который насъ сажаютъ для обуздованія нашей злой воли.

— Прощай, думаю, мудрецъ въ сумашед-

шемъ домѣ, — и съ этимъ пожелалъ ему счастія и уѣхалъ.

LXXXIV.

Чрезъ сутки я былъ уже въ Москвѣ, а на третій день, усаживаясь въ вагонъ Петербургской дороги, очутился носъ къ носу съ моимъ уѣзднымъ знакомцемъ и рѣшительнымъ посредникомъ Готовцевымъ.

— Батюшка мой! Васъ ли я вижу? восклицаетъ онъ, окидывая меня величественнымъ взглядомъ.

— Я говорю что, съ своей стороны, могу болѣе подивиться, онъ ли это?

— Отчего же?...

— Да оттого что вы такъ недавно были очень заняты службой.

— Полноте, Бога ради; я ужь совсѣмъ тамъ не служу; меня *они*, бездѣльники, вѣдь подъ судъ отдали.

— За школы?

— Представьте *да*, за школы. Прежде воспользовались ими и получили благодарность за устройство, а потомъ... Подлецъ, батюшка, вашъ Фортунатовъ! Губернаторъ человѣкъ нерѣшительный, но онъ благороднѣе: онъ вспомнилъ меня и сказалъ: „Надо бы и Готовцева къ чему-нибудь представить“. А бездѣльникъ Фортунатовъ: „Представить бы, говоритъ, его къ ордену *бѣшеной собаки!*“ Ну не скотъ ли и не циникъ ли? Пошелъ доказывать что меня надо... подобрать.... а губернаторъ безъ рѣшимости... онъ сейчасъ и согласенъ, и меня не только не наградили, а остановили на половинѣ дѣла; а тутъ еще земство начинаетъ дѣйствовать, и тоже взялось за меня, и вотъ я подъ судомъ и ѣду въ Петербургъ въ министерство, чтобъ искать опоры и... буду тамъ служить, но ужъ это чортово земство пропеку-съ! Да-съ. пропеку. Вы какъ?

— Со мной, хвалюсь, поступили тоже

не хуже чѣмъ съ вами, — довольно рѣшительно, и разказываю ему какъ меня выслали.

Готовцевъ сатирически улыбнулся.

— И вы, говоритъ, этакую всякую мѣру считаете „довольно рѣшительною?“

— А вы нѣтъ?

— Еще бы! Я бы васъ за это не выслалъ, а къ Макару телятъ гонять послалъ.

— Но за что же-съ? позвольте узнать.

— А-а! Не участвуйте въ комплотахъ. Я вамъ признаюсь, вѣдь все ваше поведеніе для меня было всегда очень подозрительно; я и самъ думалъ что вы за господинъ такой, что ко всѣмъ ѣздите и всѣхъ просите: „посовѣтуйте мнѣ Бога ради“ да все твердите: „народъ, села, села, народъ“.... Эй вы, вы!... продолжалъ онъ, взглядывая на меня проницательно и грозя мнѣ пальцемъ предъ самымъ носомъ. Губернатора вы могли надувать, но ужь меня-то вы не надули: я сразу попялъ

что въ вашемъ поведеніи что-то есть и (добавилъ онъ въ другомъ тонѣ), и вы если проиграли вашу нынѣшнюю ставку, то проиграли ее единственно чрезъ свою нерѣшительность. Почему вы мнѣ прямо не высказались?

— Въ чемъ-съ, милостивый государь, въ чемъ?

— Конституціоналистъ вы, или вы радикалъ? Выскажетесь вы, и я бы вамъ рискнулъ высказаться что я самъ готовъ сюда Гамбетту, да-съ, да-съ не Дарби какъ этотъ губернаторъ желаетъ, а прямо Рошфора сюда и непримиримаго Гамбетту сюда вытребовать... Я самый рѣшительный человѣкъ въ Россіи!

— Нѣтъ, позвольте ужъ васъ перебить: если на то пошло, такъ я знаю человѣка, который гораздо рѣшительнѣе васъ.

— Это кто?

— Генералъ Перловъ; онъ прямо гово-

ритъ что еслибъ его воля, то онъ всю Европу бы перепоролъ, а всѣхъ васъ перевѣшалъ бы.

— Да... но вы забываете что вѣдь между нами съ Перловымъ лежитъ бездна: онъ всѣхъ хочетъ перевѣшать, а я вѣдь противъ смертной казни и въ случаѣ чего ни будь я бы первыхъ такихъ господъ самихъ перевѣшалъ, отвѣчалъ, отворачиваясь, Готовцевъ.

LXXXV.

Живу затѣмъ я цѣлое лѣто въ Петербургѣ и жду денегъ изъ деревни. Скука страшная: жара, духота; Излеръ и Бергъ, Альфонсины и Финеты, танцы въ панталонахъ, но безъ увлеченія, и танцы съ увлеченіемъ, но безъ панталонъ, порицаніе сильныхъ и преклоненіе предъ ними, задоръ и безсиліе, кичливость знаніями и литература получившая наименованіе „орудія невѣжества“.... Нѣтъ,

нѣтъ, эта страна можетъ быть и дѣйствительно очень хорошее „экзаменаціонное отдѣленіе“, но.... я слишкомъ слабо приготовленъ: мнѣ нужно что-нибудь полегче, *пооднообразнѣе*, поспокойнѣе. А пока дастъ Богъ можно будетъ уѣхать за границу; вспомнилось мнѣ что я художникъ, и я взялся сдѣлать вытравкой портретъ Дмитрія Петровича Журавскаго, — человѣка, какъ извѣстно, всю свою жизнь положившаго на то чтобъ облегчить тяжелую долю крестьянъ и собиравшаго гроши своего заработка на ихъ выкупъ.... Какъ хотите характеръ первой величины,—какъ его не передать потомству? Сдѣлалъ доску и понесъ ее въ редакцію одного иллюстрированнаго изданія. „Дарю, молъ, вамъ ее, — печатайте“.

Благодарятъ: говорятъ что имъ этого не надо: это де *не интересно*.

— Помилуйте, убѣждаю ихъ: вѣдь это человѣкъ большой воли, человѣкъ *дѣла*, а

не фарсовъ, и притомъ человѣкъ дѣлавшій благое дѣло въ сороковыхъ годахъ, когда почти не было никакихъ средствъ ничего путнаго дѣлать.

— А его, спрашиваютъ, повѣсили, или не повѣсили?

— Нѣтъ, не повѣсили.

— И онъ изъ тюрьмы не убѣжалъ?

— Онъ и въ тюрьмѣ-то вовсе не былъ: онъ дѣйствовалъ законно.

— Ну такъ ужь, это отвѣчаютъ, даже и совсѣмъ не интересно.

Отхожу и, какъ герой сентиментальнаго путешествія Стерна, говорю: — Нѣтъ, это положительно лучше во Франціи", потому что тамъ даже нашихъ веневскихъ бабъ Авдотью и Марью и тѣхъ увѣковѣчили, и по сю пору шоколатъ съ ихъ изображеніями продаютъ.

И вотъ-съ дѣла мои идутъ скверно: имѣніе не продается, и я даже зазимовалъ въ Петербургѣ.

LXXXVI.

О Рождествѣ меня навѣщаетъ Фортунатовъ: радостный прерадостный, веселый превеселый.

— На три дня, говоритъ, всего пріѣхалъ, и то тебя разыскалъ. Пошли разказы: губернатора уже нѣтъ: „Онъ очень мнѣ надокучилъ, говоритъ Фортунатовъ, и наконецъ я его двинулъ въ затылокъ, такъ что ему сразу больничку въ губы продернули. Полетѣлъ сердечный кверху тормашками! Теперь посмотрю каковъ будетъ новый. Только ужь мнѣ все равно: я по земству служу. Теперь въ открытую играть буду“. Генералъ Перловъ дошелъ, говоритъ, до обнищанія, потому что все еще ходитъ въ клубъ спать (такъ какъ предводительскаго зятя опять выбрали старшиною). „Если, говоритъ упрямый старикъ, войны не будетъ и романа написать не сумѣю, то мирюсь съ

тѣмъ что не миновать мнѣ долговой тюрьмы". Дергальскій отставленъ и сидитъ въ острогѣ за возмущеніе мѣщанъ противъ полицейскаго десятскаго, а приставъ Васильевъ выпущенъ на свободу, питается акридами и медомъ, поднимался вмѣстѣ съ прокуроромъ на небо по лѣстницѣ, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ и держалъ тамъ дебаты о беззаконности наказаній, въ чемъ и духи, и прокуроръ пришли къ полному соглашенію; но какъ господину прокурору нужно получать жалованье, которое ему дается за обвиненія, то онъ увѣренъ что о невмѣняемости съ нимъ говорили или „легкіе", или „шаловливые" духи, которыхъ мнѣніе не авторитетно и потому онъ спокойно продолжаетъ брать казенное жалованье, говорить о возмутительности вѣчныхъ наказаній за гробомъ и подводить людей подъ возможно тяжкую кару на землѣ.

На этомъ, почтенный читатель, можно бы кажется и кончить, но надобно еще одно

послѣднее сказанье чтобъ лѣтопись окончилась моя.

LXXXVII.

Вотъ въ чемъ-съ должно заключаться это послѣднее сказанье: затянувшаяся бесѣда наша была внезапно прервана неожиданнымъ появленіемъ дядинаго слуги, который пришелъ извѣстить его, что къ нему заѣзжали два офицера отъ генерала Постельникова.

Занимавшій насъ своими разсказами дядя мой такъ и затрепеталъ да признаюсь вамъ, что мы и всѣ-то сами себя нехорошо почувствовали. Страшно, знаете, не страшно, а все, какъ Гоголь говорилъ, „трясеніе ощущается“.

Пристали мы къ слугѣ: какъ это было; какіе два офицера приходили и зачѣмъ?

— Ничего, говоритъ, не знаю зачѣмъ, а только очень сожалѣли, что не застали, даже

за головы хватались: „что мы, говорятъ, теперь генералу скажемъ?“ и съ тѣмъ и уѣхали. Обѣщали завтра рано заѣхать, а я, говоритъ, сюда и побѣжалъ, чтобъ извѣстить?

— Добиваемся: не было ли еще чего говорено? Распрашиваемъ слугу: не замѣтилъ ли онъ чего особеннаго въ этихъ гостяхъ?

Лакей поводитъ, глазами и не знаетъ, что сказать, а намъ кажется, что онъ нивѣсть что знаетъ да скрываетъ отъ насъ.

А мы его такъ и допрашиваемъ, такъ и шпыняемъ хуже инквизиторовъ.

Бѣдный малый даже съ толку сбился и залепеталъ:

— Да Господи помилуй: ничего они особеннаго не говорили, а только одинъ говоритъ:– оставимъ въ конвертѣ; а другой говоритъ: „нѣтъ это нехорошо: онъ прочтетъ, надумается и откажется. Нѣтъ, а мы его сразу неожиданно накроемъ!

Изволите слышать: это называется „ничего особеннаго!“

Дядя всталъ на ноги и зашатался: совсѣмъ вдругъ сталъ боленъ и еле держится.

Уговаривали его успокоиться, просили остаться переночевать,—нѣтъ, и слушать не хочетъ.

Человѣка мы отправили впередъ на извощикѣ, а сами вдвоемъ пошли пѣшечкомъ.

Идемъ молча,—слово не вяжется, во рту сухо. Чувствую это я и замѣчаю, что и дядя мой чувствуетъ то же самое, и говоритъ: у меня братъ, что-то даже во рту сухо.

Я отвѣчаю, что и у меня тоже.

— Ну такъ зайдемъ, говоритъ, куда-нибудь пропустить... А?

— Что же, пожалуй, говорю зайдемъ.

— То-то; оно это и для храбрости не мѣшаетъ.

— Да очень радъ, отвѣчаю, зайдемъ.

— Только возмемъ нумерокъ, чтобъ поспокойнѣе... а то я этихъ общихъ комнатъ терпѣть не могу... лакеи все такъ тебѣ въ ротъ и смотрятъ.

— Понимаю, думаю себѣ, любезнѣйшій дядюшка, все понимаю.

LXXXVIII.

Завернули мы въ одинъ изъ ночныхъ кабачковъ, заняли комнату и заказали ужинъ и... насвистались, да такъ насвистались, что мнѣ стало казаться, что уже мы оба и лыка не вяжемъ.

И все это дядя!

— Пей, да пей, другъ мой, пристаетъ. Наше вѣдь только сегодня, а завтра не наше; да все для храбрости еще да еще... И сталъ мой дядя веселый, рѣчистый: пошолъ вспоминать про Брюлова, какъ тотъ уѣзжая изъ Россіи и платье и бѣлье, и обувь по сю сторону границы бросилъ; про

Нестора Васильевича Кукольника, про Глинку, про актера Соленика и Ивана Ивановича Панаева, какъ они разъ на Крестовскомъ варили такую жженку, что у прислуги отъ однихъ паровъ голова кругомъ шла; потомъ про Аполлона Григорьева со Львомъ Меемъ, какъ эти оба поэта по вдохновенію одновременно другъ къ другу навстрѣчу на Невскій выходили и потомъ презрительно отозвался про нынѣшнихъ литераторовъ и художниковъ, которые пить совсѣмъ не умѣютъ.

— Тутъ я, что то возразилъ, что тогда былъ вѣкъ романтизма и поэзіи и были и писатели такого характера, а нынче вѣкъ гражданскихъ чувствъ и свободы....

Но только что я это вымолвилъ дядя мой такъ и закипѣлъ.

— Ахъ вы, говоритъ чухонцы этакіе: и вы смѣете романтиковъ не уважать? Какіе такіе у васъ гражданскія чувства? Откуда

вамъ свобода возмется? Да вамъ и вольности-то ваши дворянскія Дмитрій Васильевичъ Волковъ писалъ запертый на замокъ вмѣстѣ съ датскимъ кобелемъ, а вамъ это любо? Ну тамъ вотъ за тоже вамъ кукишь будетъ подъ носъ изъ всѣхъ этихъ вольностей: людишекъ у васъ это отобрали... Что вѣдь отобрали?

— Ну и что-жь такое: мы очень рады.

— Ну а теперь въ рекруты пойдете.

— И пойдемъ-съ, и гордимся тѣмъ, что это начинается съ нашего времени.

Но тутъ дядя вдругъ началъ жестоко глумиться надо всѣмъ *нашимъ временемъ* и пошелъ, милостивые государи, что̀ же доказывать, что нѣтъ, говоритъ, у васъ на руси ни аристократовъ, ни домократовъ, ни патріотовъ, ни измѣнниковъ, а есть только одна деревенская попадья.

Согласитесь, что это Богъ знаетъ что за странный выводъ и съ моей стороны

весьма простительно было сказать что я его даже не понимаю, и думаю, что и самъ то себя не понимаетъ и говоритъ это единственно по поводу рюмки желудочной водки, стакана англійскаго пива да бутылки французскаго шампанскаго. Но представьте же себѣ, что вѣдь, нѣтъ-съ: онъ еще пошелъ со мной спорить и отстаивать свое обидное сравненіе всего нашего общества съ деревенскою попадьею и на какомъ же основаніи-съ? Это даже любопытно.

— Ты гляди, говоритъ, когда деревенская попадья въ церковь придетъ, она не стоитъ какъ всѣ люди, а все туда-сюда егозитъ, ерзаетъ, да на передъ лѣзетъ, а скажетъ ей добрый человѣкъ: „чего ты шальная егозишь въ Божіемъ храмѣ? молись потихоничку“, такъ она еще обижается и обругаетъ: „ишь, дуракъ, молъ, какой выдумалъ: какой это Божій храмъ — это наша съ батюшкой церковь“. И у васъ говоритъ

ужъ нѣтъ ни чего Божьяго, а все только „ваше съ батюшкой".

— И за то, говоритъ, все чѣмъ вы расхвастались можно у васъ назадъ отнять: однихъ крестьянъ назадъ незакрѣпятъ, а васъ либераловъ всѣхъ можно какъ слесаршу Пошлепкину и унтеръ-офицерскую жену на улицѣ выпороть и доложить ревизору, что вы сами себя выпороли.... и сойдетъ, и какъ на собакѣ присохнетъ лучше чѣмъ встарь присыхало; а ужъ меня не выпорятъ.

Но тутъ я, милостивые государи, оказался совершенно слабъ и помню только, что дядя какъ будто подсовывалъ мнѣ подъ голову подушку, а самъ весь красненькій бурчалъ: нѣтъ-съ: слуга вашъ покорный, а ужъ я удеру и вамъ меня пороть не придется!

На этомъ мѣстѣ однако для меня уже все кончилось и я нѣсколько минутъ видѣлъ самого моего дядю деревенскою попадьею

и хотѣлъ его спросить: зачѣмъ это онъ не молится тихо, а все егозитъ, да ерзаетъ, но это оказалось сверхъ моихъ возможностей.

Получилъ я назадъ даръ слова не скоро и это случилось такимъ образомъ: увидѣлъ я себя въ полумракѣ незнакомой комнаты, начинаю припоминать: гдѣ я и что это такое?

Кос-какъ припомнилъ вчерашній загулъ и начинаю думать: а хорошо ли это? А что сэръ Чаннингъ-то пишетъ? Ну, дядя, ужъ я вамъ за то вычитаю канонъ, что вы меня опоили.

И съ этимъ, знаете, встаю.... А гдѣ же дядя? А его и слѣдъ простылъ.

Звоню.

Входитъ лакей.

— Который часъ? любопытствую.

— Восьмой-съ, говоритъ.

— Стало быть еще не разсвѣтало?

— Нѣтъ-съ, ужъ это, говоритъ, опять смерклось.

Представьте себѣ, это я значитъ почти сутки проспалъ.

Стыдно ужасно предъ лакеямъ! Что же это такое—народу проповѣдуемъ о трезвости, а сами.....

Достойный примѣръ!

— Дайте, говорю, поскорѣе мнѣ счетъ.

Да счетъ, отвѣчаетъ, еще вчера-съ этотъ господинъ заплатили.

— Какой господинъ?

— А что съ вами-то былъ.

— Да онъ гдѣ же теперь?

— А они, говоритъ, еще вчера ушли-съ. Заплатили-съ, спросили бумаги, что-то тутъ вамъ написали и ушли.

— Скорѣй давайте мнѣ огня и эту бумагу.

Человѣкъ исполнилъ мою просьбу и я придерживая одною рукою больную голову, а другою листъ сѣрой бумаги, прочелъ: "Не сердись, что я тебя подпоилъ. Дѣло опасное.

Я не хочу, чтобы и тебѣ что нибудь досталось, а это неминуемо, если ты будешь знать гдѣ я. Пожалуста иди ко мнѣ на квартиру и жди тамъ отъ меня извѣстій".

Можете себѣ представить этакой сюрпризъ, да еще на больную голову!

LXXXIX.

Прихожу я на дядину квартиру, — все въ порядкѣ, но человѣкъ въ большомъ затрудненіи, что дядя не ночевалъ дома и до сихъ поръ его нѣтъ.

— А два офицера это любопытствую, не приходили?

— Какъ же-съ, говоритъ, приходили: они и утромъ два раза приходили, и въ пять часовъ вечера были, и сейчасъ опять только вышли и снова обѣщали часовъ въ одиннадцать быть.

— Тьфу-ты, что это за пропасть такая! Съ досады и съ немочи вчерашняго ку-

тежа я ткнулся въ мягкій диванъ и ну спать... и спалъ, спалъ, спалъ, перевидалъ во снѣ живыми всѣхъ покойниковъ, и Нестора Кукольника, и Глинку, и Григорьева, и Панаева, и цѣлую Русь деревенскихъ пападей, и — вдругъ слышу: дзынь-дзынь, брязь-брязь....

— Встаньте-съ, говоритъ, мнѣ дядинъ слуга: отбою вѣдь нѣтъ, — вотъ уже и нынче третій разъ приходятъ. „Дядюшки, говорятъ нѣтъ, такъ хоть племяника побуди.

— Вотъ-те и разъ! Господи, да я то имъ на что?

— А ужъ не могу доложить, но только спросили сочинитель вы или нѣтъ?.

— Ну, а ты же, молъ, что отвѣтилъ?

— Я такъ, говоритъ, и отвѣтилъ, что вы сочинитель и вотъ они васъ теперь ждутъ.

— Отцы мои небесные! да что же это за наказаніе такое? вопросилъ я возведя глаза мои къ милосердому Небу. Ко мнѣ то

что же за дѣло? Я то что̀ же такое сочинилъ?.... Меня только всю мою жизнь ругаютъ и ужъ давно доказали и мою отсталость, и неспособность и даже мою литературную.... безчестность.... Да, такъ, такъ: нечего конфузиться — именно безчестность. Гриша, говорю, голубчикъ мой: поищи тамъ на полкахъ хорошихъ газетъ, гдѣ меня ругаютъ, вынеси этимъ господамъ и скажи, что они не туда попали.

Лакей Гриша съ малороссійскою флегмою направился къ полкамъ, а я уже было хотѣлъ уползти и удрать чорнымъ ходомъ, какъ вдругъ эти то самыя канальскія чорныя двери пріотворились и изъ за нихъ высунулась бѣлокурая головка съ усиками и нѣжный голосокъ самою музыкальною нотою прозвенѣлъ:

— Excusez — moi, si je ne suis pas venu... съ того хода, гдѣ слѣдовало, но намъ такъ долго не удавалось къ вамъ проникнуть....

— Ничего-съ, отвѣчаю: сдѣлайте милость не извиняйтесь.

— Нѣтъ, не извиняться нельзя, но знаете... какъ быть: служба... и не радъ, да готовъ.

— Конечно, говорю, конечно. Чѣмъ однако прикажете служить?

— Вотъ мой товарищъ, — позвольте вамъ представить, поручикъ, — онъ тутъ назвалъ какую-то фамилію и вытянулъ изъ за себя здороваго купидона съ краснымъ лицомъ и русыми котелками на вискахъ.

Я поклонился отрекомендованному мнѣ гостю, который при этомъ поправилъ усъ и портупею и положительно крякнулъ, какъ бы заявляя этимъ, что онъ человѣкъ не робкаго десятка.

— Да мнѣ-то, думаю, что такое до васъ? По мнѣ вы какіе ни будьте я васъ и знать не хочу и сейчасъ же самъ крякнулъ, и объявилъ имъ, что я здѣсь не хозяинъ и что хозяина самого, дяди моего, нѣту дома.

— Какъ же это такъ? Вы намъ скажите пожалуста: гдѣ онъ? Vous n' y perdrez rien, между тѣмъ, какъ намъ это очень нужно, говорилъ сѣменя юнѣйшій гость мой, межь тѣмъ, какъ старѣйшій строго молчалъ, опираясь на столъ рукою въ бѣлой замшевой перчаткѣ.

— Нѣтъ, вы Бога ради скажите гдѣ вашъ дядюшка? мы его разъищемъ, приставалъ младшій.

— Рѣшительно говорю, не знаю; что хотите — не знаю. Самъ даже этимъ интересуюсь, но все тщетно.

— Это изумительно.

— А однако это такъ.

— Ну въ такомъ разѣ позвольте за васъ взяться.

Я смѣшался.

— Что? что такое? какъ за меня взяться?

— А вотъ вы сейчасъ съ этимъ познакомитесь, отвѣчалъ гость, вытаскивая изъ

кармана и предлагая мнѣ конвертъ съ большою печатью.

— Прошу, говоритъ, вскрыть.

Нечего дѣлать: принимаю трепещущими руками этотъ конвертъ; вскрываю его; вытаскиваю оттуда листъ веленевой бумаги, на которомъ картиннѣйшимъ писарскимъ почеркомъ написано.... „Къ ней“. Да-съ; ни болѣе, ни менѣе, какъ стихотвореніе, озаглавленное „къ ней“

XC.

Протеръ глаза еще разъ, взглянулъ—все тоже самое — и вверху надпись „къ ней“..

Я обидѣлся и разсердился и не соображая уже никакихъ послѣдствій, спросилъ съ досадою: это еще что такое?

— А это, отвѣчаетъ мнѣ младшій изъ моихъ гостей, на сихъ дняхъ въ балетѣ бенефисъ одной танцовщицы, которая.... съ ней очень многія важныя лица знакомы, по-

тому что она не только танцуетъ, но... elle visite les pauvres u...

— Но, позвольте, возражаю, что же мнѣ до нее за дѣло?

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно: вамъ нѣтъ до нее никакого дѣла и она ни для кого никакого прямаго значенія не имѣетъ, но... les jeunes gens font foule chez elle и стараются услугами... совершенно невинными..... невинными ей услугами доставить удовольствіе одному... очень, очень почтенному и вліятельному лицу. Онъ человѣкъ уже конечно не первой молодости и въ эти годы знаете женщина для человѣка много значитъ и легко пріобрѣтаетъ надъ нимъ вліяніе. Согласитесь, что все это вѣрно?

— Отлично-съ, говорю, но что же мнѣ до этого за дѣло?

Гость обидѣлся.

— Я, говоритъ, и не настаиваю, что *вамъ*

есть до этого дѣло, но я прошу у васъ помощи и совѣта.

А, это, молъ, другое совсѣмъ дѣло и успокоенный прошу гостей садиться.

Офицеры поблагодарили, присѣли и младшій опять началъ: генералъ Постельниковъ, именемъ котораго мы рѣшились дѣйствовать, совсѣмъ объ этомъ не знаетъ. Да-съ: онъ насъ сюда не посылалъ, а это мы сами, потому что встрѣтивъ въ спискахъ фамилію вашего дядюшки и зная, что ваша семья такая литературная....

Ну, ужъ тутъ я видя, что мой гость затрудняется и не знаетъ какъ ему выпутаться, не сталъ ему помогать никакими возраженіями, а предоставилъ всего его собственному его уму и краснорѣчію—пусть, молъ, какъ знаетъ неспѣша изъяснится. Онъ бѣднякъ и изъяснялся, и попотѣлъ таки, попотѣлъ пока одолѣлъ мою безпонятливость

и за то во всѣхъ подробностяхъ, открылся, что онъ желаетъ быть замѣченнымъ генераломъ Постельниковымъ и потому хочетъ приподнести его танцовщицѣ букетъ и стихи, но что стихи у него вышли очень плохи и онъ проситъ ихъ поправить.

— Такъ вотъ, думаю, чѣмъ весь этотъ переполохъ объясняется! Бѣдный мой дядя: за что же ты гибнешь? И съ этимъ я вдругъ разхрабрился: кричу: „человѣкъ чаю намъ!“— Господа, прошу васъ закурить сигары, а я сейчасъ.... и дѣйствительно я въ ту же минуту присѣлъ и поправилъ, и даже ужъ, самъ не знаю какъ, поправилъ, офицерское стихотвореніе „*къ ней*“ и пожелалъ автору понравиться балетной феѣ и ея покровителю.

— Ахъ, да! я цѣню вашу дружбу, отвѣчалъ со вздохомъ мой гость, цѣню и ваше доброе желаніе, но нашъ генералъ, нашъ, бѣдный добрый генералъ... онъ теперь въ такомъ положеніе, что il s'émert d'un rien

и нельзя поручиться въ какомъ состояніи онъ будетъ въ этотъ моментъ.

Я полюбопытствовалъ что же такое отравляетъ драгоцѣнное спокойствіе генерала Постельникова.

— Ахъ, это тоже самое-съ, я думаю, что отравляетъ нынче спокойствіе многихъ и многихъ людей въ нашемъ отечествѣ.... Это въ самомъ дѣлѣ иначе даже не можетъ и быть для истинныхъ европейцевъ: я молодъ, я еще можно сказать незначителенъ и не чувствую всего этого такъ близко, но... но и я... je déplore les maux de ma patrie. Но онъ, нашъ генералъ, онъ, который помнитъ все это въ иномъ видѣ, когда эта „дурная болѣзнь“, какъ мы это называемъ, еще робко кралась въ Россію подъ контрабандными знаменами Герцена, но Герценъ помилуйте... Герцена только забили; онъ былъ заѣденъ средою и сталъ рѣзокъ, но онъ все-таки былъ человѣкъ просвѣщен-

ный и остроумный, возмите хоть однѣ его клички „трехполенный“, „трехполенный, вѣдь это все острота ума, а теперь....

— Господи! что думаю за несчастье: еще какой такой новый Филимонъ угрожаетъ моей робкой родинѣ? но оказывается, что этотъ новый злополучный Филимонъ этого новаго столь прекраснаго и либеральнаго времени есть разъискиваемый въ зародышѣ *Русскій Духъ* или на бонтонномъ языкѣ современнаго бонтона „дурная болѣзнь“ нашего времени, для запугиванья котораго ее соединяютъ въ одну семью со всѣми семью язвами Египта.

— Трудное же, говорю, господа вамъ дѣло досталось — ловить русскій духъ.

— Чрезвычайно трудно-съ: еще ни одно наше поколѣніе ничего подобнаго не одолѣвало, но за то-съ мы, и только мы первые съ сознаніемъ можемъ сказать, что мы уже не прежнія вздорныя незабудки, а мы сила,

мы оппозиція, мы идемъ противъ невѣжества массы и по теоріи Дарвина будемъ до истощенія силъ бороться за свое существованіе. Quoi qu'il arrive, а мы до новолунія дадимъ генеральное сраженіе этому русскому духу.

— Да было бы, говорю, еще гдѣ его искать?

— О, не безпокойтесь: онъ такого свойства, что самъ скажется! Теперь его очень хорошо все понемножку издали по носу, да по носу: эта очень тонкая тактика! Онъ этого долго не стерпитъ, наконецъ и откуданибудь брызнетъ и запахнетъ. J'espére, que moitié de force, moitié de gré мы скоро заставимъ его высказаться и тогда вы увидите, что всеобщее мнѣніе о безполезности нашего учрежденія есть черная клевета. Благодарю васъ, что поправили мнѣ стихи. Прощайте.... Если что нибудь будетъ нужно... пожалуста: я всегда къ вашимъ услу-

гамъ... что вы смотрите на моего товарища? — не безпокойтесь, онъ нѣмецъ и ни чего не понимаетъ ни пофранцузски, ни порусски: я его беру съ собой для того только, чтобы не быть одному, потому что, знаете, про нашихъ немножко нехорошая слава прошла изъ-за одного человѣка, но впрочемъ и у нихъ тоже у господъ нѣмцевъ-то этотъ Пихлеръ... Ахъ, нехорошо-съ, нехорошо, очень нехорошо: впередъ ручаюсь его нарочно осудятъ наши мужики! Ну, да чортъ ихъ возьми. Поклонитесь вашему дядюшкѣ и скажите ему, что генералъ, еще недавно вспоминая о немъ говорилъ что онъ имѣлъ случай представлять о его почтенныхъ трудахъ для этихъ какъ они... госпиталей, или больницъ и теперь въ самыхъ достойныхъ кружкахъ tout le monde révère sa vertu.

XCI.

Съ этимъ мы распростились, но я не могъ исполнить порученія моего гостя и передать моему дядѣ уваженіе, которымъ tout le monde почтилъ sa vertu потому что дядя мой съ тѣхъ поръ не появлялся въ свое жилище. Оказалась, что съ перепугу, что его ловятъ и преслѣдуютъ на суровомъ сѣверѣ, онъ ударился удирать на чужбину черезъ нашъ теплый югъ, но здѣсь съ нимъ тоже случилась маленькая непріятность, несовсѣмъ удобная въ его почтенные годы, на сихъ дняхъ я получилъ увѣдомленіе, что его какой то армейскій капитанъ невзначай выпоролъ на улицѣ въ Одессѣ во время недавнихъ сраженій Грековъ съ Жидами и добродѣтельный Орестъ Марковичъ Ватажковъ столь удивился этой странной неожиданности, что возвратясь выпоронный къ себѣ въ номеръ, благополучно

скончался „естественною смертью“, оставилъ на столѣ билетъ на пароходъ, съ которымъ долженъ былъ уѣхать за границу вечеромъ того самаго дня, когда пѣхотный капитанъ высѣкъ его на тротуарѣ неподалеку отъ зданія новой судебной палаты.

Впрочемъ, къ гордости всѣхъ русскихъ патріотовъ (если таковые на Руси возможны) я долженъ сказать, что многострадальный дядя мой, несмотря на всѣ свои западническія симпатіи отошелъ отъ сего міра съ пламеннаго любовью къ родинѣ и въ доставленномъ мнѣ посмертномъ письмѣ начерталъ слабою рукою: „Извини любезный другъ и племянникъ, что пишу тебѣ весьма плохо, ибо пишу лежа на животѣ, такъ какъ другой позиціи въ ожиданіи смерти, приспособить себѣ не могу, благодаря скорострѣльному капитану, который жестоко зарядилъ меня съ казенной части. Но находясь въ семъ положеніи за Жидовъ и

Грековъ, которыхъ не имѣлъ чести знать до этого пріятнаго случая, я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что умираю выпоронный все таки самими моими соотчичами и тѣмъ кончаю съ милой родиной всѣ мои счеты между тѣмъ, какъ тебя соотечественники еще только предали на судъ онѣмеченныхъ и провонявшихся килькою ревельскихъ чухонъ за недостатокъ почтенія къ исключенному за демонстраціи противъ правительства дерптскому нѣмецкому студенту, предсказывавшему, что наша Россія должна разлетѣться „wie Rauch“.

XCII.

Что же за симъ?—герой этой, долго утомлявшей читателя повѣсти, умеръ и умеръ какъ жилъ среди странныхъ неожиданностей русской жизни, такъ незаслуженно несущей покоръ въ однообразіи, — пора кончить и самую повѣсть съ пожеланіемъ всѣмъ ее про-

читавшимъ — силы, терпѣнія и любви къ родинѣ. съ полнымъ упованіемъ, что пусть по пословицѣ „велика растетъ чужая земля своей похвальбою, а наша крѣпка станетъ своею хайкою."

КОНЕЦЪ.

Въ продажѣ находятся слѣдующія сочиненія Лѣскова-Стебницкаго

Некуда, романъ въ трехъ частяхъ, второе изданіе. Цѣна 3 р.

Обойденные, романъ въ трехъ частяхъ. Цѣна 2 р.

Островитяне, повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы т. I. Ц. 2 р.

Повѣсти и разсказы т. II. Ц. 1 р.

Съ людьми древняго благочестія, путевыя записки автора по мѣстамъ, обитаемымъ русскими старовѣрами прибалтійскаго края, съ выписками изъ потаенныхъ сочиненій о предательствѣ Іуды и о крестныхъ страданіяхъ смерти и воскресенія Спасителя. Ц. 50 к.

Расточитель, драма въ 5 дѣйств. — Ц. 50 к.

Загадочный человѣкъ, очеркъ изъ исторіи комическаго времени на Руси ц. 1 р.

Печатаются и поступятъ въ продажу:

На ножахъ, романъ.

За симъ по выходѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" имѣетъ быть отдѣльно издана бытовая хроника: **Божедомы и Скудѣльники.**

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111